

Книжный червь
Переводы книг

любит

СЕНАТОРА

КНИГА 1 В СЕРИИ *Интриги Капитолия*

МИА ВИЛЛАНО

Миа Виллано

Любить сенатора

Серия: Интриги Капитолия #1

Оригинальное название: Mia Villano «Loving the Senator» (Capitol Affairs #1) 2014

Переведенное: Миа Виллано «Любить сенатора» (Интриги Капитолия #1) 2016

Перевод: Ирина Глуховская, Ольга Аникеенко (1–3 главы)

Редактор и оформитель: Дарья Подшибякина, Юлия Русалим

Обложка: Анастасия Токарева

Глава 1

— Боже, он великолепен, — прошептала я, когда новый сенатор поднимался на сцену. То, что я хотела сделать с ним, было абсолютно греховным и, скорее всего, незаконным.

Наблюдая за его походкой, я не могла не восхищаться его уверенностью, мускулатурой и умопомрачительной презентабельностью. Он был смесью секса и греха в одном флаконе. Его красивая внешность была лишь дополнением к невероятным политическим и лидерским качествам, которыми он обладал. Он выглядел удивительно — все те же волнистые темные волосы, чувственные полные губы, темно-карие глаза и небрежная щетина, украшающая его лицо. Я была так занята, любуясь, что не сразу заметила, что он смотрел на меня.

В тот момент я решила, что мне не хотелось бы больше сдерживать свои чувства к нему. Он больше не был моим боссом, и мы прошли точку любой негативной оценки в прессе, которая могла бы повредить выборам. Меня не волновало, была ли у него девушка, или то, что он был на семнадцать лет старше меня. Все, что имело значение на тот момент, так это то, что я хотела его и планировала сделать все, чтобы он стал моим.

Он приподнял микрофон, его глаза встретились с моими, и он подмигнул. Я возбудилась. Это был не первый раз, когда он производил на меня такой эффект и, конечно же, не последний. Все мое тело горело и пылало, когда он улыбнулся. Я стояла в толпе, выпивая услужливо преподнесённый мне бокал шампанского. Ледяные пузырьки были прекрасны, спускаясь по моему сухому разгоряченному горлу. Я смотрела на Алекса, готового произнести его речь для толпы, скандирующей его имя. Температура в зале, казалось, подскочила вверх градусов на двадцать, когда он поймал мой взгляд. В зале было полной людей, но мы видели только друг друга.

— Конрад, Конрад, — кричала толпа, даря его великолепному лицу еще большую улыбку. Крики стихли, когда он начал говорить:

— Спасибо, благодарю вас. Мы сделали это, и я благодарю каждого присутствующего, кто помог мне оказаться на этом месте. Сегодня мы победители, и вместе мы составили чертовски отличную команду! — толпа ответила ему овациями. — Для меня честь представлять наш штат, великий штат Вирджиния. Я хочу поблагодарить моих родителей. Несмотря на то, что они со мной лишь духовно, их воспитание сделало меня тем, кем я являюсь сегодня. Большое спасибо моим маме и папе, — произнес он, — Алекс посмотрел в потолок и послал воздушный поцелуй, толпа взревела еще громче. — Моя вера в Бога помогла мне пройти через эту сложную кампанию. Спасибо за вашу веру в меня, — толпа снова возликовала.

В сопровождении флагов США и штата Вирджиния Алекс выглядел как герой какого-то фильма. С его отличительной, еле заметной щетиной и уверенностью человека, победившего на этих выборах, Алекс Конрад выглядел так, будто бы владел миром. Над ним в гигантской

сетке висели воздушные шары, которые ждали момента, когда их отпустят. Вскоре нам предстояло искупаться в этом синем море.

Когда несколько сотрудников кампании начали кричать мое имя, я улыбнулась и покачала головой из стороны в сторону. Это его ночь, и он заслужил признание, а не я. Лучшего человека, чем Алекс Конрад они просто не могли избрать. В свои сорок лет Алекс был новым, энергичным, молодым сенатором, которого, казалось, любили все.

— Я хочу поблагодарить руководителя нашей избирательной кампании — Прюденса Ромэйн. За прошедший год она работала, посещала юридическую школу и посвящала все свое оставшееся свободное время подготовке меня к выборам. — Мне показалось, что он хихикнул над этим комментарием. — Она прошла долгий политический путь, и я знал, что она приведет все это к финишной черте. Это была ее первая кампания, и она проделала замечательную работу. А теперь дамы и господа, подарите ей свои аплодисменты, — толпа разразилась криками «Ура!», а сотрудники кампании скандировали мое имя.

Он снова поймал мой взгляд. Я помахала ему, когда он указал на меня и улыбнулся. Его речь продолжалась несколько минут, сопровождаясь криками ликующей толпы. Когда он закончил, заиграла песня-гимн его кампании. После того как заиграла музыка и упали воздушные шары, Алекс шагнул в толпу людей, желающих оказаться рядом с ним. Они поздравляли его высокими «дай-пять» ударами и похлопываниями по спине. Я наблюдала, как женщины стайей налетели на него, пытаясь прибиться к этому великолепному мужчине. Бальный зал погрузился в полный хаос, пока Алекс пытался пробиться сквозь толпу.

Через двадцать минут общения он сквозь толпу пробрался ко мне. Я стояла под транспарантом с лозунгом его кампании, который гласил: «Алекс Конрад — Мужчина, Который Может Сделать ВСЕ!»

— Прюденси, давай, потанцуй с новым сенатором. Я, несомненно, в долгу перед тобой, — сказал он. После его речи голос Алекса звучал хрипло и напряженно. Услышав «давай» (в оригинале «come». С английского — «давай» и «кончи»), я ахнула, представив секс-у-стены, когда мы срываем друг с друга одежду.

Он провел рукой по волосам, и я ощутила, как он осматривает меня, с головы до пят, приоткрыв губы. Я не могла поверить, что он хотел, чтобы именно я станцевала с ним его первый танец в роли сенатора.

— Мне нравится танцевать с вами, сенатор. Вы не должны были благодарить меня на сцене. Не я сделала все это, а вы. Оглянитесь на всю эту толпу. Все обожают вас. — Улыбнулась я. Алекс взял мой бокал шампанского, допил его и поставил на стол, ни на секунду не отрывая от меня глаз.

Он протянул мне руку, и я нервно ее сжала. Мое сердце ускорило, когда он притянул меня ближе. Его руки были настолько сильными и мягкими. Я увидела выглядывающие из-под рукава очень дорогие часы Картье и заметила, что верхние пуговицы его накрахмаленной белой рубашки расстегнуты, а галстук приспущен. На вечер он выбрал малиново-красный галстук, который выглядел просто невероятно в сочетании с черным костюмом от Гуччи. Несколько черных волосков на его мускулистой груди, выглядывающих из расстегнутой рубашки, искушали меня. Его руки обвили меня вокруг, а ладони легли на поясницу.

Группа начала играть одну из моих любимых старых песен «Незабываемый», и мы начали танцевать. Я хотела раствориться в нем навсегда.

— Люблю эту песню, — прошептал он мне на ушко. Его дыхание заставило мурашки

побежать по моему телу.

— Я тоже.

Быть так близко к нему было тем, о чем я могла только мечтать. Это был лишь танец, но для меня он был гораздо большим. Я хотела, чтобы это было большим.

— Спасибо тебе за помощь с выборами, Прюденс. Я имел в виду именно то, что сказал на сцене. В первую я беспокоился о тебе, поэтому сомневался — позволять ли тебе брать на себя такой объем работы, но ты сразу доказала, что ты Ромэйн. Твой дед гордился бы тобой.

Его горячее мятное дыхание грело мою шею. Его кожа напротив меня была горячей, и это заставляло меня думать о том, что мы могли бы сделать, останься одни. После того как я познакомилась с ним впервые, я думала о нем, мечтала о нем и хотела вновь его увидеть. Теперь, спустя семь лет, я танцевала в его объятиях, празднуя новую главу в жизни каждого из нас.

— Я наслаждалась каждой сумасшедшей минутой этого, сенатор Конрад, — сказала я.

Кампания Алекса была утомительной, и я прошла через нее, но вздохнула с облегчением, когда все закончилось. Это был мой первый опыт работы менеджера под руководством моей замечательной тети Тоби. Алекс дал мне шанс, согласившись и позволив мне быть ответственной за все — и это обернулось для нас обоих замечательным образом.

Его неизменная подружка Джейд стояла рядом, наблюдая за каждым нашим шагом. Я краем глаза заметила ее, смотрящую на нас сквозь экзотический неоновый-синий напиток.

Джейд Крэншоу — высокая, чрезмерно загорелая брюнетка с большими карими глазами и ногами от ушей, была его парой в этот вечер. Ранее модель, а теперь профессиональный дизайнер интерьера, она любила внимание и, казалось, никогда не находилась так далеко от ее мужчины. Она смотрела на нас, надув свои глянцевые губки, явно расстроенная.

— Ваша подружка бросает на вас злые взгляды, — сказала я.

Я прижалась к нему щекой, вдыхая необычный аромат его дорогого одеколона с запахом кожи, который отлично ему подходил.

За то время, что я провела с сенатором Конрадом, я узнала его и все его причуды. Он любил черный кофе, холодную пиццу и вишневую сельтерскую воду. Он любил старые Фиаты, хорошие итальянские кожаные сапоги и коллекционировал старые сумки. К сорока годам его тело выглядело идеально — подтянутым и мускулистым, как будто ему было всего двадцать. Он был олицетворением всего, чего я когда-либо хотела в мужчинах, и я была полна решимости сделать его своим.

Не было никого лучше Алекса Конрада, и он понятия не имел, как я хочу его. В своей постели и во мне. Пока я ненадолго привлекла к себе его внимание, я ждала возможности дать ему это понять.

— Она на меня зла, — сказал он.

— Вы были плохим мальчиком, сенатор? — спросила я.

Я старалась говорить игриво, надеясь, что он поймет намеки.

— Полагаю да, и мне придется расплачиваться за это позднее. Она хочет заставить меня быть несчастным в самую важную ночь моей жизни. Она ни слова не сказала мне за этот вечер. Ни «Я горжусь тобой!». Ничего. — Он говорил расстроено.

Как она может быть настолько невнимательной к такому человеку как Алекс Конрад? Она явно его не заслуживает. Я тяжело сглотнула. Он прижал меня крепче, и я испустила тихий стон. Действуй. Я плотно закрыла глаза и приступила к действию.

— Она должна была сделать эту ночь незабываемой. Я с удовольствием сделаю ее

таковой, сенатор. Если дела с Джейд пойдут слишком плохо, вы знаете, где меня найти. Я планирую отправиться домой и принять горячую расслабляющую ванну, надеть что-то более удобное и свернуться на кровати с хорошей юридической книжкой. Я хотела бы, чтобы вы присоединились ко мне.

— Действительно, Мисс Ромэйн? — прошептал он на выдохе, когда его губы коснулись моего уха. Неконтролируемая волна возбуждения импульсом прошла через меня.

— Да, сенатор Конрад.

— Ты впечатляешь меня, Прюденс.

Его безошибочная твердость прижалась ко мне. Это был настоящий рай.

Я ничего не сказала.

Он понятия не имел, какой влажной я стала. Вдобавок мои соски ожили в бюстгальтере, умоляя его прикоснуться. Но мы по-прежнему были на публике и не могли увлечься. Я вышла из ступора и прочистила горло:

— Кто бы мог подумать, что девочка, которую я встретил в шестнадцать, изменит мою жизнь спустя семь лет?

— Вы тоже изменили мою жизнь. Если бы не вы и моя бабушка, никто не знает, что стало бы с моей жизнью.

Он молчал. Возможно, вспоминал. Через несколько секунд молчания между нами Алекс заговорил.

— Маленькая девочка с именем в честь двух песен Биттлз и ненавидящая их.

— Пожалуйста, не напоминай, — сказала я.

Тогда он посмотрел на меня так, как я всегда хотела, чтобы на меня посмотрел мужчина, или по крайней мере, так, как я бы хотела, чтобы на меня смотрел этот мужчина.

Я вглядывалась в его темные, таинственные глаза, и представляла, как он хорош в постели. То, как он смотрел на меня, то, как двигалось его тело, следуя за моим, было признаком того, каким он является любовником. Он выглядел, как политик, но я чувствовала, каким непослушным мальчиком он будет в постели.

Между моих ног, там, где я нуждалась в нем, зародилась боль. Я хотела найти ближайший диван или подсобку и показать ему, насколько я его помню.

— Ну, я больше не неуверенная девочка-подросток, Алекс. Я не живу с матерью наркоманкой в захудалом трейлере. Слава Богу, Бьюла забрала меня оттуда. Эти дни давно позади.

— Как хорошо, что я это заметил. — Сказал он, оглядывая меня.

Платье подчёркивало все мои прелести. Я чувствовала, как мои груди набухают, угрожая вывалиться из лифчика, когда он смотрит на них.

— Твоя бабушка замечательная женщина, и я уверен, она очень гордится той женщиной, которой ты стала. — Сказал он.

— Очень надеюсь, что это так.

Я, конечно, уже не была такой же жалкой шестнадцатилеткой. Я выросла и стала уверенной женщиной. Я гордилась тем, что получила хорошее образование и обеспечивала себя. Я много работала, чтобы изменить свою жизнь и свое будущее.

На мгновение мы оказались в нашем собственном мире. Мы смотрели друг на друга, и нам не нужно было ничего говорить — то, что нужно было сказать, мы говорили при помощи взглядов.

— Алекс, ты нужен мне прямо сейчас. Они хотят сделать наше совместное фото, —

сказала Джейд очень озлобленно.

Она схватила Алекса за руку, которая была на моей талии, и потянула его прочь. Как только его теплое тело покинуло меня, я почувствовала холод. Группа начала играть быструю песню, и танцы поднялись на новый уровень. Когда Алекс уходил со своей шестифутового (почти 183 см) роста подружкой, качающей задницей, он оглянулся на меня и подмигнул. Я стояла и смотрела, как она вела его через переполненный зал.

Я так и осталась там, надеясь, что Алекс поймет, чего я хотела. Теперь все зависело от него, все было в его руках.

Вдруг я почувствовала усталость. Я провела большую часть дня в адвокатском бюро и просто хотела пойти домой и отдохнуть. Я выпила еще один бокал шампанского, попрощалась со всеми, и пошла к задней двери. Алекс поймал мой взгляд и подошел ко мне.

— Прюденс, стой, — крикнул он, когда я надевала пальто.

Он схватил мое пальто и помог мне одеться, приподняв его так, чтобы я проскользнула руками в рукава.

— Спасибо, — улыбнулась я, повернувшись к нему лицом.

— Ты так быстро уходишь? — спросил он.

Он выглядел таким горячим, мне хотелось забрать его к себе домой прямо сейчас. Он подошел ближе, и тепло струилось от его аппетитного тела.

— Это был долгий день и длинная кампания. Мне нужна горячая ванна и моя удобная постель, — сказала я, облизывая губы.

— Еще раз спасибо за все. — Сказал он.

Он посмотрел вокруг и провел рукой по волосам. Его внешность снова гипнотизировала меня. Мы были одни, за исключением нескольких официантов, убирающих кухню.

— Мне было только в радость. Не могу дождаться, чтобы поработать над еще одной кампанией. — Я соблазнительно улыбнулась.

— Ты собираешься прямо домой, верно? Там снаружи — просто сумасшествие. Тебе следует быть осторожной. Позволь вызвать тебе такси, — сказал он, приближаясь ко мне.

Дополнительный бокал шампанского придал мне сил, чтобы сделать то, что я собиралась сделать. Я потянула его галстук, притянув ближе, и поцеловала его. Долго и требовательно. Его губы оказались такими сочными и теплыми. Я хотела почувствовать их на своем теле. Другой рукой я легко провела по его члену. Он выглядел ошеломленным. Я снова облизнула губы и сказала:

— Да, я хорошо доберусь до дома, такси мне не нужно. А вы, на мой взгляд, очень вкусный. Я хочу попробовать все остальное, сенатор Конрад...

Уау, я уложила его прямо там, пребывая в шоке от собственных слов и действий. Моя внутренняя соблазнительница взяла ситуацию в оборот, и я уже не могла ее контролировать. Через несколько секунд он, наконец, заговорил:

— Боже. Меня так и подмывает бросить все прямо сейчас. Мы могли бы улизнуть отсюда вместе и побыть в одиночестве, но каким бы сенатором тогда я был? — спросил он, глядя на меня потемневшими глазами и намеренно убирая руки в карманы. Его рубашка была все еще расстегнута, как и пиджак, а волосы выглядели растрепанными. Он слишком часто проводил по ним руками. Я посмотрела на его дорогие брюки и заметила, что кое-что я сделала правильно. Я могла бы согласиться на его предложение прямо здесь и сейчас.

— Моя кровать всегда ждет тебя. Сейчас и позже.

Я повернулась и направилась к знаку «Выход». Оглянулась — его взгляд был

сосредоточен на мне. Я махнула рукой, наблюдая за ним. Заиграл гимн компании, и все начали скандировать его имя. В качестве песни для компании Алекс настоял на Барри Уайте «Ты — первая, последняя, мое все». Едва услышав песню, он ушел. Толпа приветствовала этого захватывающего человека и подпевала. Не в состоянии оторвать от него глаз, я наблюдала, как он поднимался на сцену, надев бейсбольную кепку с надписью «Конрад». Я не смогла удержаться и улыбнулась. Я бы сделала что угодно для этого человека. Еще раз взглянув на меня и подмигнув, он заставил мое тело изнывать от желания. Мой сенатор. Боже, я хотела его.

Во время короткой поездки до дома его поцелуй не выходил у меня из головы. Контур его члена через брюки загипнотизировал меня. Я жаждала большего, хотела сделать то, что я делаю с любимой конфеткой. Я хотела трахать его до потери сознания и вкусить каждый дюйм его сладкой кожи. Как мог человек, намного старше меня, производить на меня такой эффект? Мне не встречался мужчина, потрясший меня так же, как Алекс Конрад. Даже мысли о нем отправляли горящие токи по моему телу. Я даже не знаю, что бы произошло моим телом, если бы у нас был секс. Я бы, наверное, перешла к высшему уровню оргазма. До смерти.

Снаружи улицы были заполнены людьми, будто бы избрали нового президента. Люди толпились повсюду — внутри, снаружи, празднуя всю ночь напролет. Улицы наполнились полицейскими, управляющими движением. Торжества длились всю ночь. Мне приходилось укорачиваться и уклоняться на своем новом Фольксвагене в пробках, пока я ехала к дому.

Так прекрасно было наконец оказаться дома. Я не смогла удержаться от улыбки, когда вошла в дверь моей знакомой территории мира и покоя — в собственную квартиру. Парная горячая ванна расслабила мое натруженное тело. Я лежала в ней, позволяя воде струиться вокруг. Работа на кампанию повлекла за собой долгие часы работы над речами и много миль пеших прогулок в ходе агитаций. Моя тетя Тоби начинала кампанию Алекса. Через некоторое время она позволила мне взять все на себя, когда он начал подниматься по опросам. Тетя Тоби, сама конгрессмен, долгое время была менеджером компаний. Она научила меня всему, что знала, и мне так повезло иметь такого наставника. Ошеломленная поначалу, я сразу же вошла в работу и влюбилась в этот азарт.

Я наслаждалась тишиной, находясь одна дома, в моем маленьком убежище. Я сидела в горячей воде почти час, слушала Бочелли и фантазировала об Алексее.

Выйдя из ванной, я обтерлась и нашла какое-то сексуальное белье, чтобы надеть, если Алекс вдруг появится. Я хотела выглядеть настолько горячо, насколько это возможно. Я выбрала короткую черную кружевную ночную рубашку, которая открывала мою роскошную грудь и едва прикрывала зад. Выбрала соответствующие стринги, оставила волосы распущенными и, конечно, распылила на себя и постель духи. Я прилегла на постель с юридической книгой и чашкой кофе, намереваясь полностью ее изучить. Прижалась к фланелевым простыням и попыталась прочитать пару глав, пока не сплю. Взглянула на часы. Одиннадцать часов. Вечеринка должна была уже закончиться. К полуночи я провалилась в сон.

Свет, проникающий через окна спальни, оповестил, что наступило утро, но мне было необходимо больше сна. В моей голове стучало от шампанского и от недостатка отдыха. Разочарование наступило тогда, когда я поняла, что моя постель пуста. Он так и не пришел. Что он мог хотеть от молодой девчонки, которая двигалась в противоположном направлении от него? Он помнил, откуда я, и какой несчастной была моя жизнь. Это должно быть было в

глубине его сознания, когда он решил не приходить. Он увидел себя, наркотики, бедность, сумасшествие — все, что происходило в моей жизни каждый день, пока я росла с матерью. Я не могла конкурировать с бывшей моделью, Джейд. И я была уверена, что еще его беспокоил мой возраст.

Пока я собиралась, по своему утреннему обыкновению, я включила новости и не могла поверить в то, что Алекс стал их главным событием. Мой желудок мгновенно скрутило.

Глава 2

Я увеличила громкость и села на кровать, чтобы не потерять сознание.

— Главная новость сегодняшнего утра. Новоизбранный сенатор Алекс Конрад прошлой ночью попал в аварию. Расследование еще продолжается, но известно, что он находился в центре, рядом с университетом, после его победной вечеринки. Там и произошла авария. Мы не осведомлены о его состоянии, знаем лишь, что находится он в больнице Святой Терезы. Как только появится новая информация, мы обязательно вам сообщим.

О мой Бог. Когда это случилось, он был рядом с моей квартирой. Я вскочила с кровати и бросилась одеваться и чистить зубы. Я убрала свои рыжие волосы в хвост, поспешно нанесла на лицо тушь и блеск для губ и направилась к двери. К станции метро я неслась на всех парах. Припарковалась, купила парковочный талон и начала искать телефон, чтобы проверить обновленную информацию об Алексее. Ни один из новостных каналов не передавал новой информации. После двадцатиминутной езды я сделала быструю остановку в кафе по дороге, чтобы выпить чашечку кофе и взять одну с собой для моего коллеги, Томаса.

Томас был уже в офисе, когда я приехала. Ранним утром он делал интернет-покупки, делая вид, что работает, но я поймала его, когда вошла. Я передала ему его любимый мокко Фраппучино, и он взволнованно хлопнул в ладоши, улыбаясь.

— Пожалуйста, сегодня не делай этого снова. Слишком рано для гейства, — сказала я. Я надеялась, что он располагал информацией об Алексее.

— Тебе нравится моя гомосексуальность, сладкая. — Он рассмеялся надо мной, поворачиваясь к своей кабинке.

— Томас, ты слышал об Алексее сегодня утром? — спросила я.

— Сладкая, все, что я слышал, что он попал в аварию. Никто не говорит такие вещи по новостям... Но только между тобой и мной — мне кажется, он собирался на встречу с какой-то женщиной. — Сказал он. Он пытался это прошептать, как если бы это был большой секрет. Я положила сумочку на свой стол рядом с полками с книгами и компьютером. Могли Томас знать, что этой женщиной была я?

— Спасибо за кусочек рая. Я узнаю об Алексее. Скоро вернусь, — сказал он. Томас громко потянул кофе через соломинку и направился по коридору. Я устроилась на своем рабочем месте и включила компьютер.

Прошло лишь несколько минут, прежде чем я получила новости, которые жаждала услышать. Я рассчитывала, что Томас получит информацию или сплетни быстрее, чем это появится в новостях.

— Итак, Стейси из канцелярии рассказала Монике, секретарше, что после вечеринки около полуночи, он сел в свой Мазератти и направился в центр города, а недалеко от кампуса кто-то проехал знак «стоп». Он в порядке, но проходит обследование в больнице, у него синяк под глазом, порезы и ушибы ребер, ничего слишком серьезного. Я до сих пор уверен, что он собирался с кем-то встретиться. Слушай, я тут подумал: не хочешь ли ты провести субботний вечер со мной и Брюсом? Он узнал о новом клубе, «только для

посвященных». — Сказал он.

Он начал щелкать пальцами и пританцовывать, не заботясь ни о чем другом.

Случившееся с Алексом занимало все мои мысли, и я могла думать лишь об этом. Он собирался приехать ко мне, не случись эта авария в центре города. Я должна была узнать. У меня был его номер в телефоне, выданном компанией. С трясущимися руками и колотящимся сердцем, я напечатала ему сообщение.

«Только услышала об аварии. Пожалуйста, скажи мне, что ты в порядке»

Я отправила сообщение и стала ждать.

— Мисс Ромэйн, — сказала Виктория Линдхерст. Она была главным прокурором нашей юридической конторы, и я определенно не ожидала, что она подкрадется сзади.

— Да, Виктория, — сказала я, оборачиваясь на сиденье, надеясь, что она не поймает меня за смс-перепиской. Виктория не пугала меня, но все в офисе ее боялись. Томас сказал, что когда он слышит ее голос, у него съезживается все тело. Она один из лучших прокуроров в стране и злее гремучей змеи. Когда она с кем-то заканчивает, у него обычно не хватает одного или обоих яиц, а она держит их в своем кулаке. Я восхищалась ею.

— Я хотела, чтобы ты сегодня днем была в суде со мной. У меня процесс над одним уродом, и я хочу, чтобы ты посмотрела, как я его уничтожу. Мне нужно там быть к часу, так что будь готова. Этот хрен унижал всех своих пятерых жен, и они сейчас мертвы. Я собираюсь прижать его к стенке и посмотреть, как он заплачет как сучка, — сказала она, потягивая зеленый чай, который одержимо пила.

— Я с тобой, Виктория. Мне нравится, как ты прижимаешь задницы к стенке, — сказала я.

Это действительно так. То, что она делала в суде, может рассматриваться как произведение искусства. Я была свидетельницей, как многие взрослые мужчины, обвиняемые в убийствах или мафиози, плакали, когда она расправлялась с ними. Виктория была безжалостной.

— Смотри и учись, дорогая, смотри и учись. Ты будешь делать это сама в ближайшее время, так что учись у лучших. Одним козлом, терроризирующим женщин, будет меньше. Превосходный день в моей книге жизни. — Сказала она.

После этого комментария она пристально посмотрела на Томаса. Ей нравилось, что он был запуган и боялся ее.

Виктория быстро стала моим кумиром. Она не показывала страха и, клянусь, ругалась как матрос, но у нее был неизменный классический стиль. Ее платиновые волосы всегда убраны в прическу, и я никогда не видела ее без высоких каблуков. Она была в возрасте моей бабушки, но не выглядела на свои пятьдесят. Она любила ходить в оперу, и я заметила, что свои крупные победы она отмечала в МакДональдсе Биг Маком. Виктория взяла меня под свое крыло и сказала, что планирует «привести меня к величию».

Прежде чем я спросила ее кое-что по другому делу, она умчалась в свой кабинет и закрыла дверь.

Я откинулась на сиденье и выглянула в окно нашей высотки. Для ноября погода была прекрасной. Солнце ярко светило, в небе не было ни облачка. Я бегло посмотрела на телефон на предмет смс-сообщений. Тепло прилило к щекам, когда я увидела, что высветился его номер.

Рад слышать тебя. Я до тебя не доехал. Но пытался. Прости. Я в порядке. Прости поцарапало. Приходи ко мне.

Рада, что ты в порядке. Когда?

Сейчас.

Слава Богу, я сидела.

Собираюсь в суд с Викторией. В Понедельник?

Пораньше. Нужно увидеть тебя.

В 11 подойдет?

Не забудь. Жду с нетерпением.

Не забыть? Он издевается?

Он хочет увидеть меня. Я хотела бросить работу и поехать к нему. Идея прикинуться больной проникла в мой разум. Но Виктория нуждалась во мне, и я должна была поставить свою карьеру на первое место, хотя это меня убивало. Я не могла отъехать во время обеда. Я бы ни за что не вернулась вовремя в суд.

Я хотела сказать Томасу, но ждала. Я говорила ему все, но это мне нужно держать при себе. Он никогда бы не заткнулся и мог бы случайно кому-то сболтнуть. Он посмотрел на меня и, наверное, заметил, что что-то было не так. Подбежал к моему столу, размахивая руками и смеясь.

— Ты собираешься заболеть? Выглядишь больной. Я имею в виду, противная Виктория напугала тебя? Меня — да. Я прямо сейчас вытаскиваю свои яйца из задницы. — Сказал он, потирая мою спину.

— Ничего не случилось. Я в порядке. Просто прошлой ночью было слишком много шампанского, и моя голова меня убивает, — солгала я. Я потеряла глаза. Сфокусируйся. Другие люди вошли в офис, и тут стало громко.

— Если тебе надо, у меня есть ибупрофен. — Сказал он. Томас присел на край моего стола, лицом ко мне. Он выглядел таким милым в сером пуловере и желтом шарфе. Только Томас мог одеться в таком стиле. Он был великолепен со своими светлыми волосами, голубыми глазами и мускулистым телом. Когда мы встретились в колледже, я хотела с ним встречаться. Это изменилось за одну ночь, когда мы были в гостях, и он ясно дал понять, что женщины — не его тема.

— Я буду в порядке. Почему ты ведешь себя так странно сегодня утром? Прошлой ночью занимался сексом? Ты всегда ведешь себя мега странно после ночи кувырканий на сене, — поддразнила его я.

С тех пор как он начал встречаться со своим новым бойфрендом, Брюсом Сюзом, я должна была выслушивать об их «секс-вечеринках», как он их называл. Они ссорились, а затем у них был сумасшедший, фантастический секс. Я чувствовала это на следующий день, потому что он всегда становился более раздражающим.

— Ну да, конечно. У нас был праздник секса после выборов. Алекс прошлым вечером выглядел горячо. Ох, кстати, я заметил, что вы с ним танцевали. Ты маленькая шлюшка, — улыбнулся он. Томас был на вечеринке Алекса по случаю избрания. Не долго, но успел заметить нас танцующими вместе.

— Он пригласил меня потанцевать. Большое дело! Только потому, что я руководила его кампанией, и это было правильно. Его подружка видела все это, — сказала я.

— Можешь говорить, что хочешь, сладкая. Я чувствую, что у тебя что-то к нему есть. Вот почему ты была так обеспокоена сегодня утром. Я не видел тебя такой обеспокоенной из-за кого-то другого. Знаешь, может быть, у меня тоже к нему что-то есть. Возможно, он приезжал вчера вечером в гости ко мне, — сказал он, смеясь, возвращаясь к своему рабочему

месту.

— Удачи с этим! — крикнула я.

— Ну, дай знать, если тебе понадобится вызвать 911. Не хочу, чтобы ты упала там в своей кабинке, сладкая. Выглядишь бледновато, — рассмеялся он.

— Осел, — улыбнулась я. Прежде чем снова сел, Томас взмахнул ладонью, делая вид, что скачет на лошади. Виктория вышла из своего кабинета и послала ему испепеляющий взгляд. Его лицо покраснело как свекла, и я не смогла удержаться от тихого смешка над ним. Мой день из тоскливого превратился в фантастический за несколько минут.

Глава 3

В понедельник я проснулась даже раньше, чем нужно. Я ждала встречи с Алексом все выходные. Я сходила с Томасом в клуб и провела выходные, работая над предстоящим делом. Вечером воскресения я легла спать рано, однако проворочалась всю ночь. Я работала в этом офисе всю кампанию, но в этот раз все было иначе. Так как я взяла выходной, у меня появилось больше времени для себя, чем обычно. Я выбрала наряд, который обычно носила по выходным. Уложила рыжие волосы и накрасила губы красной помадой. Мои новые дизайнерские джинсы прекрасно подчеркивали задницу, и я надела свитер, который обтягивал грудь. Накинула кожаное пальто, надела сапоги до колен, мои новые солнцезащитные очки Тома Форда, и взяла сумочку Гуччи, которую Бьюла подарила мне в честь поступления в юридическую школу. Наконец я надела подарок, который преподнёс мне Алекс семь лет назад. Я не надевала его ни разу за всю его кампанию. Не хотела, чтобы прошлое мешало его избранию. Я хотела увидеть, вспомнит ли он, и какая у него будет реакция, когда он увидит, что я их ношу.

Я вошла в знакомое офисное здание и зашла в туалет, чтобы освежиться. Я освежила свои духи и поправила красную помаду на губах. Он всегда смотрел на мои губы, особенно если они красные и блестящие. Я шла к его кабинету, готовая увидеть мужчину, которого хотела больше, чем кого-либо еще.

— Могу я вам помочь? — спросила секретарь, когда я подошла к ней. Сьюзен, которую я привыкла видеть за время кампании, не было. Увидев нового человека, я растерялась. Это была женщина в возрасте, с заостренным носом и кислым выражением лица. Я заметила на ее столе виноград, который она ела, а затем попыталась спрятать, при моем приближении.

— Я здесь, чтобы встретиться с сенатором Конрадом. Я — Прюдэнс Ромэйн. Сьюзен сегодня нет? — спросила я, улыбаясь ей.

— Сьюзен больна гриппом. У нее уже несколько дней температура. У вас назначена встреча, мисс Ромэйн? — спросила она.

Женщина поправила юбку ее черного костюма, а затем синий шарф на шее. Ее седые волосы были уложены в стильный боб, чуть выше ушей. Она постучала ухоженными пальчиками по клавиатуре в поиске встреч Алекса на этот день.

Она была полной противоположностью Сьюзен, которая всегда улыбалась, любила рассказывать пошлые шутки и хвалила мои волосы, когда я приходила в офис Алекса.

— Да, на 11 часов. Мне нравится ваш шарф, — сказала я, надеясь заставить ее улыбнуться.

— Спасибо. Присаживайтесь, пожалуйста, я проинформирую сенатора Конрада, что вы здесь, — сказала она. Я мельком улыбнулась, пока сидела в зале ожидания и слушала плохую музыку из лифта. Я говорила Алексу изменить ее и поставить что-то более оптимистичное, но он этого не сделал.

Не прошло и пары минут, как он вышел из своего офиса. Его вид ошарашил меня. Я не могла встать с кресла и подойти к нему. У меня перехватывало дыхание каждый раз, когда я видела его, а видеть его в синяках, разбивало мне сердце.

Его глаз был немного прикрыт, и под ним виднелся синяк. Я чувствовала себя виноватой, зная, что я была причиной его попадания в аварию. Я хотела втолкнуть его обратно в кабинет и поцелуями забрать его боль, гладить его, забирая его страдания, и отыметь на столе, немедленно.

— Принимайте мои звонки, пока я с мисс Ромэйн, Марго, — сказал он. Тепло поползло по моему телу. Он просто стоял там и был сосредоточен на мне, когда говорил с таким напором. Хотелось бы мне прочесть его мысли.

— Да, сенатор, — улыбнулась она ему, одарив меня подозрительным взглядом, когда я пошла к его кабинету.

— Присаживайся, Прюденс, — сказал он, принимая мою верхнюю одежду. Его взгляд был между признательностью и шоком. Я никогда не одевалась так, как сейчас, во время работы на кампанию, и он оказался совершенно неподготовленным.

Я заняла место в одном из больших кожаных кресел перед столом. Глубоко вдохнула, наслаждаясь ароматом его кабинета, сочетанием одеколona Алекса и кожи. Огромный стол из красного дерева с бумагами и книгами стоял в середине кабинета, лицом к окну с прекрасным видом на город. Книги по юриспруденции занимали вишневые книжные полки наряду с фотографиями людей, на которых, как я подозревала, были запечатлены его семья и собака. Мое настроение изменилось, когда мои глаза остановились на фото Алекса и Джейда на пляже. Я видела это фото ранее, но на этот раз все было иначе. На этот раз оно принесло мне чувство кислоты в желудке. *Что я тут делаю?*

— Прости за беспорядок. Прямо сейчас здесь полный бардак. Я буду рад, когда наконец полностью устроюсь в новом кабинете. — Он говорил, поправляя галстук и улыбаясь.

— Тебе здорово досталось, Алекс, — сказала я, желая к нему прикоснуться.

— В этом нет ничего особо страшного. Просто немного болит. Мне повезло, что не было хуже. Моя машина пострадала больше, чем я. — Он потягивал воду из стакана, глядя на меня сверху вниз, стараясь не пялиться слишком явно.

— Как ты объяснил это Джейду?

Воздух между нами трещал от электрических импульсов.

— Джейд в прошлом. Она оставила меня на вечеринке. Так лучше. Самое время, — мое лицо вспыхнуло.

Мой телефон завибрировал в сумочке, но я отключила его.

— Тебе нужно ответить? — он кивнул в сторону телефона.

— Нет, это может подождать. Я очень долгое время хотела спросить тебя кое о чем. Теперь, когда все дела кампании закончились, я думаю, обсудить это будет нормальным.

— Спрашивай о чем угодно, Прюденс. — Его тон противоречил словам, будто он предвосхищал вопрос, знал, что я в итоге спрошу.

Я нервно поерзала в кресле.

— Почему ты был в Огайо с моей мамой?

Он взял свой стакан воды, сделал большой глоток и подошел к окну, глядя на улицу.

— Я поступил в юридическую школу в Огайо, и наши семьи были близки. Мой отец и твой дед в то время были сенаторами. Они отдыхали вместе, и мы проводили много выходных в их доме. После того как твоя мама сбежала, твоя бабушка узнала о ее

злоупотреблении наркотиками. Она была подавлена, узнав, что у нее есть ребенок, и она живет с ним в трейлере в штате Огайо. Она попросила меня найти вас и привезти тебя и маму домой. Она думала, что так как я учился с твоей мамой в школе, и мы были одного возраста, я смогу убедить ее вернуться. — Он замолчал, а я была под впечатлением, что у него вообще было, что сказать.

— У вас с моей мамой не было отношений? — спросила я, снова ерзая в кресле. Я должна была знать, спал ли он тогда с моей матерью, хотя я и ненавидела этот образ, всплывающий в моем сознании.

Он быстро повернулся ко мне:

— Боже мой, нет. Когда я пришел туда и увидел, в каком ужасном состоянии она была, и что происходит в том трейлере, я не захотел бы ничего, что бы она ни предложила. Я сфокусировался на том, чтобы вернуть вас обеих — или только тебя — оттуда к Бьюле.

Он приостановился на минуту, сделал еще один глоток воды и сел на край стола.

Он подождал, пока я прочищу горло, готовясь к тому, что он скажет мне дальше.

— Она несколько раз пыталась меня уговорить на интрижку. Она была тогда неумолима. Твоя мама стала другим человеком, не тем, которого я помнил со школы. Она была неузнаваемой для меня, и мне было так жаль вас обеих. Когда я пытался поговорить с ней о том, чтобы она отдала тебя твоей бабушке, она растерялась. На следующий день я нашел ее без сознания. Передозировка героином, — сказал он.

Пока он говорил, то не сводил с меня глаз.

— Я помню тот день. Мы с моей лучшей подругой Виной пришли ко мне домой, и ты пришел сказать мне, что они забрали мою маму в реабилитационный центр. Ты предложил отвести меня к ней на свидание. На следующей неделе.

— Да. Спустя день после выхода оттуда, она снова принялась за наркотики. Я даже водил ее на собрания анонимных наркоманов, но она сбежала с собрания, встретила со своими друзьями и принялась за старое. Как Вина? Ты все еще общаешься с ней?

Я могла бы сказать, что он чувствовал себя виноватым, будто бы он сделал недостаточно. Но он ошибался. Он сделал больше, чем мог. Больше, чем сделала моя собственная семья для меня и моей мамы.

— Я не виделась и не говорила с Виной с тех пор, как уехала. Я пыталась связаться с ней, но ни разу не получила ответа.

Внезапно мое настроение пропало. Я не ожидала, что этот разговор всколыхнет старые чувства. Вина была моей лучшей подругой в школе и жила в трейлерном парке с бабушкой и сестрой. Мы были неразлучны большую часть времени, и она была со мной в ночь, когда мама сказала мне убираться. Я очень по ней скучала, и мне хотелось бы ее увидеть.

— Почему ты просто не увез меня оттуда, не сказав ей? Ты мог бы вытащить меня тайком из этого ада, когда она была в реабилитационном центре. — Я хотела, чтобы это прозвучало, будто бы он не достаточно пытался.

Лицо Алекса скривилось, будто от боли. Но я не могла понять: было ли это из-за травм или моих вопросов.

— Я мог бы. И мне бы предъявили обвинения в похищении. Политической карьере пришел бы конец.

Я кивнула головой в знак согласия и не могла перестать смотреть на эти губы и его красивое лицо. Зная детали того, как он заботился обо мне и маме, даже тогда, заставляло меня хотеть его еще больше.

— Что ж, ты поймал из-за нее пулю, — я все ерзала на своем месте, пытаюсь устроиться поудобнее под его пристальным взглядом.

— Я поймал ее для тебя, Прюденс. Когда я услышал, как эти головорезы говорят о том, что собираются причинить тебе боль, я сошел с ума. Я не мог позволить этого. Ты достаточно натерпелась. — Сказал он.

Мое сердце сжалось, когда он признал это. Чем больше он открывался, тем сильнее я в него влюблялась.

— Куда попал выстрел? — спросила я, убирая волосы за уши, так как нервничала.

— Прямо сюда, в живот, — Алекс указал на точку над его пупком. — Я провел две недели в реанимации, и мне отрезали часть кишечника. Я чуть не погиб, спасая тебя. Моя неудача преследовала меня последние семь лет, Прюденс. Я не смог выкинуть тебя из головы, но не в больном извращенном смысле. Я просто хотел, чтобы у тебя была хорошая жизнь. Я хотел привести в чувства также и твою маму. В школе она была умной и могла обладать всем.

Я думала, что прошла через эти чувства, и была готова услышать все. Бьюла водила меня на приемы к психологам дважды в неделю, а затем раз в месяц к психиатру. С того дня, как я родилась, мама меня не обнимала, не любила и не предоставляла никакого физического контакта. Этого всего не было, пока я не переехала к бабушке, где я была тронута ее любовью. Мама не была «жесткой» по отношению ко мне, родила меня в задней части фургона. Этого не случилось и потом. Она просто смотрела на меня как на бремя, вторгшееся в ее образ жизни. Алекс снова встал и подошел к окну. Он выглядел глубоко задумавшимся. Я хотела подойти к нему, обернуть руки вокруг него и крепко прижать к себе. Я хотела бы поблагодарить его за все, что он сделал для меня и для мамы. Показать, что я ценю его поступки и убедить, что он меня не подвел. Он не подводил меня никогда. Запах его одеколона и кожи вернул мне настрой лишить его одежды и отыметь прямо в этом кабинете. Его правда была моей прелюдией. Он снова повернулся, и я заговорила:

— С моей мамой я тоже не говорила. Я много раз пыталась выйти с ней на контакт, но она не ответила мне. Я писала ей раз в месяц, с тех пор как уехала, и посылала открытки на праздники и день рождения, но ничего не получала в ответ. Я даже не уверена, жива ли она до сих пор.

Я посмотрела вниз, вспоминая, как ужасно выглядела моя мама в нашу последнюю встречу. Она весила не больше чем 90 фунтов, руки усеяны шрамами от игл, волосы выпали, кожа была серой и болезненной. Она была такой обдолбанной, поэтому не поняла, что я ее дочь.

— Я уверен, она находится в той же паршивой форме, если все еще занимается тем же, — сказал он.

Путешествие по прошлому расстроило меня, и я вернулась в настоящее.

— Почему ты хотел увидеть меня сегодня, Алекс? — спросила я.

— Ну, я хотел встретиться, чтобы спросить пойдешь ли ты со мной на свидание? — сказал он. Спасибо Богу, я сидела, в противном случае я могла бы упасть.

— Свидание?

— Кампания закончилась, и это не будет неуместным. Ты удивила меня своим поцелуем той ночью и своими словами. Другое дело, что ты застала меня врасплох. То, как ты взяла все в свои руки и схватила мой галстук, было сексуально, Прюденс. Я собирался увидеться с тобой той ночью, до того, как это произошло. — Сказал он.

Он снова сел передо мной. Я заметила, какими мускулистыми были его бедра, когда они прижались к столу. Я могла только представить, как они выглядели голыми. Его живот казался плоским, а грудь широкой, когда он наклонился вперед, оперевшись на руки.

— Да, я пойду с тобой на свидание. Я ждала тебя в ночь выборов. Когда я проснулась на следующее утро, была разочарована тем, что ты не появился. — Я выпрямила ноги и попыталась снова скрестить их, пока он смотрел на меня.

— Познакомиться с тобой получше и побыть наедине было тем, чем я хотел бы, чтобы закончился тот вечер. Ты была очень интригующей, если не сказать больше. — Он смотрел на меня, выжидая. И может даже нервно.

— Ну, я уверена, мы можем продолжить там, где остановились, — я посмотрела на него и улыбнулась.

— Отлично. Как тебе пятница? Я заеду за тобой, мы поужинаем и посмотрим, что произойдет, — он коснулся ушибленного века кончиком пальца и поморщился.

Я хотела поухаживать за ним до его выздоровления. Ему нужен хороший расслабляющий массаж, и я хотела бы быть добровольцем.

Я покосилась на свою сумочку от Гуччи и дорогие кожаные сапоги и не могла поверить, что сенатор Конрад пригласил меня на свидание. Поражало то, как далеко ушла моя жизнь от моей сделанной-своими-руками одежды, нищеты и матери-наркоманки, придя к сидению в офисе сенатора и разговоре о свидании. Я иногда спрашивала себя, было ли это лишь мечтой, вдруг я проснусь и внезапно вернусь к кошмару своей жизни в трейлерном парке. Мысль об этом напомнила мне о том, что я хотела показать ему перед уходом. Теперь время пришло.

Я подняла руку и отвернула рукав своего свитера.

— Помнишь это? — спросила я, показывая ему то, что так долго хранила. Его глаза расширились, когда он взглянул на часы.

Глава 4

Алекс посмотрел на мое запястье, а затем на меня. У этих дорогих часов было поцарапано стекло, а черный кожаный ремешок местами был изношен. Я помнила тот день как вчера. Он дал мне их, и поэтому я всегда приходила в школу вовремя.

Мы жили в трейлере, моя мать не полагалась на часы или время. Ночами я была в панике, что не встану вовремя в школу. Я всегда заставляла себя ложиться рано, поэтому никогда не просыпала. Живя в таком кошмаре, я опоздала в школу только один раз. Я упомянула об этом при Алексе, когда он пришел. Он увидел, как я была из-за этого расстроена, снял свои часы и одел их на мое запястье. В них был встроенный будильник, и Алекс показал, как его установить, чтобы я никогда не опаздывала снова. Я прятала их от мамы, потому что она могла заложить их, чтобы купить наркотики. Так я их хранила все это время.

— Они все еще у тебя? — сказал, поворачивая мое запястье и улыбаясь. Его губы такие полные и притягательные, я еле-еле сдержалась, чтобы не поцеловать его.

— Они все еще у меня. Я не хотела носить их во время твоей кампании, — призналась я. Он снова стоял рядом со мной, и я почувствовала жар.

— Я поражен, что ты сохранила их. Они все еще работают, — сказал он, глядя на свои старые часы.

— Я всегда говорила себе, что однажды, когда наступит подходящий момент, я верну их тебе. Я не хотела вызвать вопросы или сплетни, поэтому ждала, когда выборы закончатся.

Сейчас я могу отдать их тебе, — сказала я. Я начала снимать их, но он остановил меня.

— Пожалуйста, оставь их себе, Прюденс. Для меня честь, что они все еще у тебя, — сказал он.

С того самого момента я знала, это означает, что мы будем вместе. У нас было общее прошлое, которое больше никто не мог понять. Это было больше, чем дружба или рабочие отношения. Это было глубже и значительнее. Он почти поступился своей жизнью ради того, чтобы моя стала лучше. Он защищал меня, когда рядом больше никого не было. Не было ни сомнений, ни вопросов. Я чувствовала себя счастливой от того, что он был в моей жизни.

— Странно, я и забыл, что отдал их тебе. На тебе они смотрятся лучше. Ты выросла с ними.

— Он старался улыбнуться, не причиняя боли глазу.

Я выросла со многими вещами, я хотела рассказать ему, но он мог узнать об этом и сам, сняв мою одежду.

— Эй, предвыборная песня сработала, между прочим. Ты был прав. Она была безупречна. Видно, что избирателям она понравилась, — сказала я.

Он поколебался и посмотрел сквозь меня.

— В трейлере ты включала ее все время, после этого я ее возненавидел. Через некоторое время я дорос до того, чтобы ее полюбить. Я не мог выбросить ее из головы. Она моя любимая. Она у меня на iPad, в телефоне — везде. Ты не хотела, чтобы я использовал ее, и сказала, что она банальна, но я ответил, что она легко запоминается и это сработает, — сказал он.

Я села и позволила воспоминаниям об этой песне вернуться ко мне. Эта песня была со мной в трудные времена. Когда моя мама оставляла меня одну на несколько дней, мне было страшно в темноте, и эта песня меня успокаивала. Когда мне нечего было есть или когда отключали тепло, потому что мама потратила все наши деньги на наркотики, «Лучшие хиты Барри Уайта» были со мной. Мы смотрели друг другу в глаза и не говорили ни слова. Я хотела поцеловать его снова, но знала, что если сделаю это, то не смогу протянуть день или неделю. Сейчас пятница казалась такой далекой. Он посмотрел на меня и все понял. На его столе включился интерком, и мы оба вздрогнули.

Его секретарь сообщала, что его ждут на встрече в одиннадцать тридцать.

— Так, Прюденс, эти полчаса пролетели слишком быстро. Я заберу тебя в пятницу. Как насчет семи?

— В семь будет просто отлично, — сказала я, вставая, и взяла сумку.

— Спасибо, что пришла сегодня. Мне понравился этот маленький визит. С нетерпением буду ждать наше свидание в пятницу, — сказал он, подмигнув.

Пока я шла к двери, уверена, он провожал меня глазами. Я повернулась, чтобы помахать ему, и поймала его взгляд на моей попе.

— Увидимся в пятницу, сенатор, — улыбнулась я. Впервые я почувствовала себя женщиной.

Глава 5

На протяжении недели Томас докапывался, почему я в таком хорошем настроении. Он о чем-то догадывался, потому что я легкомысленно порхала по офису. Я пела и улыбалась, а обычно я себя так не вела. Только один раз на работе я была вся в делах, пока не ушла в конце дня.

— Милая, что это за новая личность появилась на этой неделе? У тебя есть

предположения? — спросил он одним утром за моим столом.

— Что? Нет предположений. Разве девушка не может быть просто счастлива? — я улыбнулась. Я поймала себя на том, что уже не один раз спела предвыборную песню Алекса и постоянно о нем думаю.

— Конечно, но ты себя обычно так не ведешь на работе. Я думаю, что-то происходит, и ты мне не рассказываешь. Я все узнаю. У меня свои методы, — улыбнулся он.

— Ничего не происходит, Томас. На этот раз я просто счастлива. У меня все хорошо в школе, сумасшедшая компания закончилась, и у меня сейчас больше свободного времени, чтобы расслабиться.

Пока я работала, я восхитилась моим отражением в окне. Ежедневные походы в тренажерный зал оправдали себя. Мои волосы были идеальной длины, я регулярно делала маникюр и ходила в солярий. Мы с Бьюлой раз в месяц навещали в СПА на обертывания для тела и уход за лицом. Наконец-то я была довольная своей внешностью. На самом деле я никогда не выглядела так хорошо.

— Угу, я ни на минуту не куплюсь на это. Я должен заставить тебя выпить, и тогда ты мне все расскажешь. Нам нужна ночная вылазка. Мне кажется, в этом новом настроении виноват определенный мужчина.

— Томас, заткнись, — сказала я, краснея и пытаюсь это скрыть.

***

Казалось, что эта пятница не настанет никогда. Я пришла домой после работы, налила бокал вина и поставила любимый диск Бочелли, чтобы расслабиться и создать настроение. Приняла душ, побрила и нанесла масло на каждый сантиметр моей кожи в надежде на прикосновения Алекса. Из одежды я выбрала блузку от Шанель, джинсы скинни и каблуки. Схватила кожаное пальто и надела его часы. В запасе еще оставалось время. Я надела золотые украшения и нанесла любимый парфюм.

Он приехал точно вовремя. Пунктуален, как и я. Я услышала, как он подъехал, и увидела, как он выходит из машины. Один беглый взгляд в зеркало и я направилась к двери. Дыхание покинуло легкие, как только я увидела этого сексуального мужчину за дверью, приехавшего за мной. Из всех женщин Вашингтона, округ Колумбия, я была самой везучей.

— Входи, Алекс, — сказала я. Он вошел внутрь и впервые оказался у меня дома.

— Прюденс. Ты поражает меня каждый раз, когда я вижу тебя, — сказал он, оглядывая меня.

— Как так, Алекс? — спросила я.

— С каждым разом ты еще красивее. Я не думал, что это возможно, но сегодня ты сногсшибательна. Мне нужно было купить цветы, но я не вспомнил об этом, пока не выехал, — сказал он.

Он выглядел очень мужественно в джинсах, футболке и винтажном кожаном пальто. Как тогда в его кабинете, от одного взгляда на него я забыла, как дышать. Он был достаточно хорош, чтобы съесть его, и все, что мне хотелось, это снимать с него одежду по частям. И полакомиться. Меня бы устроило, если бы мы остались дома, и я узнала его получше, особенно в области брюк.

— Я не любительница цветочков, Алекс, поэтому так даже лучше. Я не люблю романтические штучки. Я знаю, чего хочу, и что мне нужно, и это не цветы.

Я облизнула свои красные губы, когда посмотрела на него в надежде, что он понял намек.

— Неужели? — он поднял брови и улыбнулся мне. Алекс выглядел потрясенным от того, что я сейчас сказала. Он намеревался запустить руки в свои волосы, но нервно засунул их в карманы брюк.

— Прежде всего, я должна поцеловать тебя снова, пока не сошла с ума. Я хочу поцеловать тебя с того понедельника в твоём кабинете. Твои поцелуи вызывают зависимость, — сказала я.

По некоторым причинам он производил на меня такой эффект. Я выпалила все как есть. Он стоял около двери, затем легко, но решительно, приблизился ко мне.

— Я не могу смириться с тем, что ты хранила мои часы и даже помнила, когда я их тебе дал.

— Я помню даже больше, чем ты думаешь. Ты бегаешь каждый день, даже в палящий зной, ты любишь Фиаты любых цветов, ненавидишь грибы и иногда разговариваешь сам с собой, когда глубоко задумаешься. А еще я помню, как ты любишь Ван Хален, но ты говорил, что только те годы, что был Сэмми. Я никогда не забуду, что ты ненавидишь лавандовый цвет и иногда не дочитываешь книги до конца, потому что тебе некогда читать.

Без колебаний он подошел прямо ко мне и поцеловал в губы, руками притягивая мою голову ближе. Он поцеловал меня как уверенный и опытный мужчина. Не слишком сильно, но достаточно нежно, чтобы я почувствовала это во всех правильных местах. Я хотела его всего — сверху донизу. Его тело излучало жар и сексуальность, что лишало мое желание к нему всякого стыда. Я поцеловала его настолько соблазняющее, насколько могла, его рот снова накрыл мой. Я хотела его так, как ни одного другого человека до него. Я застонала, когда его язык скользнул в мой рот. На секунду мы остановились, и я посмотрела ему в глаза. Его руки двигались по моей талии, притягивая меня к нему. Я осознавала, что каждый дюйм его безупречно толстого члена упирается мне в бедро.

— Я увлеклась тобой еще в шестнадцать. Для меня ты был самым прекрасным из всех живущих.

Я поцеловала его снова. В этот момент я проникла языком в его жаждущий рот. Он застонал, пососав мой язык снова. Я не могла не думать о том, что с моим клитором он бы сделал то же самое, посасывал его, мучительно медленно, заставляя меня страдать и желать большего. Мне нравилось, что происходит с моим телом, и то, как Алекс реагирует, когда я прикасаюсь к нему, распяляет меня еще больше. Я почувствовала, как мои руки запутались в его волосах, но я только поиграла с кончиками около его шеи. Его руки скользнули к моей попе, и он положил их на нее. Мой клитор запульсировал так сильно, что мне показалось, что он почувствовал это.

— Мы можем остаться и получить удовольствие в компании друг друга. — Я была поглощена процессом и не хотела останавливаться. Я игриво покусывала его ухо.

Он поцеловал мои глаза и лоб, позволяя своему горячему дыханию танцевать на моей горячей коже и держа руки у меня на попе. Казалось он в трансе. Алекс остановился и посмотрел на меня, его глаза потускнели.

— У тебя самые очаровательные глаза и нежная кожа. Я не смогу контролировать себя, Прюдэнс. Я могу съесть тебя живьем прямо сейчас, без колебаний. Нам нужно наверстать наше время. Мы должны сбавить обороты и подождать, прежде чем пустимся во все тяжкие. Ты можешь заставить меня потерять голову, и я не хочу, чтобы это случилось, — сказал он.

— Что ты хотел сделать со мной в ночь после выборов? Я приглашала тебя не на чашку молока с печеньками. Мне нравится, что ты не ведешь себя как джентльмен, Алекс. Я

предпочитаю, чтобы ты им не был. — Я протянула руку и начала ласкать его лицо кончиками пальцев. Я позволила пальцу проследовать вокруг его идеально полных губ. На его губах была моя помада, и я стерла ее.

— Прюденс, мы должны держать себя в руках. Я был на вершине мира от счастья в ту ночь. Я бы не прислушался к здравому смыслу тогда. В ту ночь я не смог бы себя контролировать, как сегодня, когда у меня было время подумать. Кроме того, я еще не оправился от аварии и не на высоте. Давай уйдем и позволим узнать друг друга получше, не как менеджер и кандидат, а как женщина и мужчина. Я не хочу торопиться. Поверь мне, я ничего не хочу так сильно, как взять тебя в спальне и исследовать каждый дюйм твоего тела. Мысль о том, чтобы прикоснуться и дразнить каждую частичку тебя заставляет голову идти кругом. Я не мог ничего делать, только и думал о тебе с начала кампании.

Он отошел от меня.

— Ты голодна? — спросил он.

Он попытался сменить тему, подойдя к двери. Мельком я увидела его невероятную задницу. Я не могла не обратить внимания на нее во время кампании. Она была накаченной, округлой и ее хотелось укусить. Да, я была голодна. Мой аппетит к нему свирепствовал.

— Конечно. Я была бы рада сходить поесть, и, может быть, мы могли бы вернуться сюда, расслабиться или остаться там, куда мы пойдем. Может быть, если мне удастся тебя напоить, Алекс, я смогу получить от тебя пользу.

— Ты упрямая, правда? — спросил он.

Он осмотрел мою квартиру.

— Я стараюсь получить то, что хочу.

Я выключила музыку и положила бутылку вина обратно в холодильник, мои ноги все еще дрожали после наших страстных поцелуев.

— Здесь хорошо. Сильно отличается от трейлера, в котором ты жила, — сказал он. Моя квартира была маленьким кусочком рая, в котором я могла спрятаться после долгого дня на учебе или работе. Все в ней было отражением моей личности. Мне нравился антиквариат и украшения в американском стиле, а также тот факт, что все это было моим.

— Разве мог кто-то предположить, что в свои двадцать три я буду жить здесь? Бьюла хотела, чтобы я жила недалеко от школы или работы.

Я взяла сумку и повесила ее на плечо; убедилась, что взяла ключи и погасила свет. Краем глаза заметила, что Алекс смерил меня взглядом с выражением, которого я раньше не видела в его глазах. Его глаза казались темнее и таинственнее.

Мы сели в его машину и направились в необычный итальянский ресторан в центре города. Алекс сказал, что это его любимый ресторан.

По дороге в ресторан мы разговаривали больше, чем когда-либо. Он рассказывал мне о машине, что та, на которой мы ехали, была предоставлена во временное пользование, и как он все еще любит брать свой старый Фиат по выходным.

Мы поговорили про Огайо и про то, что он не был там со времен выстрела. Мне хотелось, чтобы мы ехали несколько дней и разговаривали. Мне с ним было так легко и непринужденно. Мы разговаривали во время кампании, но никогда не обсуждали ничего личного. Мне нравилось узнавать о нем что-то новое. Все, что он мне рассказывал, было интересно.

Когда мы вошли в ресторан, нас сразу посадили, хотя были люди, которым приходилось ждать. Головы поворачивались и кивали, признавая нового сенатора. Владелец ресторана,

Джованни, вышел из кухни, пожал руку и поздравил с победой в сенате.

— Поздравляю. Я приготовил особый соус специально для вас, сенатор, — сказал он.

Он обхватил лицо Алекса и поцеловал его в обе щеки.

— *Chi è questa donna bellissima con voi? (Что это за красавица с Вами?)*

— *Grazie Giovanni. Questa bella donna è la prudenza. Lei è un vecchio amico. (Спасибо Джованни. Имя этой красивой женщины — благоразумие, мой старый друг.)* — Сенатор бегло говорил по-итальянски.

— *Ah, da, da. Это та красавица с огненно-рыжими волосами,* — сказал Джованни, указывая на свою голову.

— Да, это она, Джованни. Это она, — сказал Алекс.

Джованни провел нас к тихому столику, где мы могли остаться одни в глубине ресторана. Люди шептались и смотрели на нас, не нарушая своего уединения. Комната была темная, на столах стояли свечи и были застелены белые скатерти. На заднем плане пел Дин Мартин.

— Что ты говорил Джованни? — спросила я, пока Алекс придвинул мне стул.

Я сняла пальто, чувствуя, что согреваюсь. Мне нравилось, что Алекс не мог оторвать глаз от моей груди.

— Он хотел узнать, кто ты. Он думает, что ты прекрасна со своими огненно-рыжими волосами.

— Я уверена, что то же самое он сказал и про Джейд, когда вы были с ней здесь.

Алекс серьезно посмотрел на меня и сказал:

— Нет, я никогда не брал ее сюда. Она не ест итальянскую еду, а я привожу к Джованни только особенных людей.

Он подмигнул мне и мои щеки запылали.

— Джованни отличный парень. И я его знаю всю жизнь. Мои родители брали меня сюда, когда я был ребенком. Каждое воскресенье это был наш ресторан, — сказал Алекс.

Подошел официант, и Алекс заказал для нас бутылку вина, и мы продолжили разговор.

Он рассказал мне о своих маме и папе, и как они любили друг друга, они умерли с разницей в год. Его отец умер первым от рака в шестьдесят. Год спустя от сердечного приступа скончалась его мать. Он сказал, что его мама умерла, потому что ее сердце разбилось. Она не смогла оправиться после смерти отца. Я постаралась сменить тему, чтобы избежать еще одного разговора о моем детстве. Я спросила, что лучше всего заказать.

— Еще со времен моей работы в Италии у меня развился обостренный вкус к пасте, и здесь то самое место, где готовят ее как там. Что, конечно же, я и советую тебе заказать, — сказал он.

— О, конечно. Ты ел ее целыми мисками. Даже в том отвратительном грязном трейлере ты все-таки ел мои спагетти. Они были так хороши или ты был слишком добр? Я и подумать не могла, что они съедобны, — сказала я.

Официант принес бутылку очень дорого вина. Я наблюдала, как Алекс сделал глоток и подержал вино на языке

— Как вам, сэр? — спросил официант, ожидая одобрения Алекса.

— Просто отлично. Очень хорошо, — сказал он.

Официант подлил вина в его бокал и немного в мой. Алекс покачивал вино в бокале, давая ему подышать. Официант принял наш заказ, я решила заказать то же, что и Алекс.

— Вернемся к пасте, Прюдэнс. Она была вкусной. Ты должна снова приготовить ее для

меня, — сказал он.

Мне понравилось, как это прозвучало, ничего похожего на крышесносный секс, только миска пасты.

— Одна пожилая итальянка, которая жила по соседству с нами, показала мне как приготовить соус. Я никогда не забуду, как она это делала, и я очень рада, что она нашла на это время. Однажды она увидела, как вечером на крыльце я ела чипсы. Она пригласила меня на ужин и делала так каждую неделю. Только тогда я ела по-настоящему. Она всегда говорила, что ключ к хорошему соусу — это оливковое масло и то, как долго ты готовишь его. В ту ночь я приготовила его для тебя, она дала мне продукты. Я расстроилась, когда она переехала.

После каждого глотка он облизывал губы. От вида его языка по моим рукам пробежали мурашки. Я не знала, делал ли он это специально, или это была привычка. Я не могла не думать о его языке, смоченным вином, и насколько хорош был бы его вкус у меня во рту.

— Скажи что-нибудь по-итальянски, Алекс, — сказала я, не зная смогу ли сдержать себя. Я могла потерять контроль прямо в ресторане и разорвать на нем брюки.

— *Lei è una bella donna e mi piace la vostra azienda* (Ты красивая женщина и мне нравится твоя компания), — произнес он, улыбаясь. Я изучала его и смотрела на контур его щетины. Я могла только вообразить, как от нее может гореть кожа в моих самых укромных местах.

— Что это значит? — спросила я, чувствуя, как совсем немного становлюсь влажной.

— Это значит, что ты красивая женщина, и я получаю удовольствие от твоей компании.

На какое-то время я потеряла дар речи. Мысль о том, как он говорит по-итальянски, а я верхом на нем на закате, ворвалась в мое сознание. Все, что он делал и говорил мне, было невероятно сексуальным. Я была счастлива, что моя компания доставляет ему удовольствие. Принесли нашу пасту, я увидела, как он ее ест, что заставляло ожить каждый нерв. Было кое-что, что я узнала об Алексее, работая в предвыборной кампании — он все доводил до крайности. Он никогда не останавливался на полдороги, включая манеру есть. Это заставляло меня думать о том, что он также хорош и в постели. Он отломил кусок хлеба, зачерпнул немного соуса с тарелки и наслаждался каждым кусочком. Алекс знал, как набрать пасту на ложку и не испачкать лицо. Я включила свою магию, и чтобы заставить его возбудиться и взволноваться, отломил кусочек хлеба и медленно положила его в рот. Он испытал то же, что и я, когда я облизала пальцы и закрыла глаза. Я никогда так не делала раньше.

— Тебе лучше так не делать, — сказал он с серьезным выражением лица.

— Почему? Тебя это взволновало? — спросила я, ухмыльнувшись. Я пристально смотрела ему в глаза.

— Это было... я даже не знаю... сексуально, и это меня смущает, — сказал он.

— Смущает, как это? — я улыбнулась ему, помня каким жестким он был недавно.

— Мы не можем переспать сегодня, Прюденс. Мы должны прийти к этому медленно и не спеша, — прошептал он оглядываясь. Никто не беспокоил нас в глубине темного ресторана. Джованни позаботился, чтобы люди не отвлекали нас.

— Я могу взять тебя медленно и не спеша. Я могу взять каждый дюйм тебя медленно и не спеша, Алекс, — прошептала я, облизывая свои пальцы и пристально глядя в его глаза. Секунду он ничего не говорил и закрыл глаза.

— Ты все еще напоминаешь мне ту маленькую девочку из Огайо. Мне нужно время,

чтобы прошлое отпустило. Оно по-прежнему, — он промолчал, — смущает, — прошептал он.

— Я тебе уже говорила, Алекс, я больше не она. Я — женщина. Женщина нежная, влажная, страстная. Я просто хочу поехать домой, чтобы получить удовольствие, и чтобы ты получил удовольствие от меня, — сказала я, ерзая на стуле, чтобы унять постоянную пульсацию между бедер.

Официант подошел узнать, нужно ли нам что-нибудь еще.

— Просто счет, пожалуйста, — сказал он, не поднимая на меня глаз.

Глава 6

Пока мы выходили из переполненного ресторана, он стоял за мной. Он прижался ко мне, и у меня перехватило дыхание. Ощущение его твердого члена, упирающегося мне в задницу, отзывалось покалыванием во всем позвоночнике. В течение нескольких минут, что мы выходили, я чувствовала его. Понимание того, что это с ним происходит в публичном месте, было таким соблазняющим. Было многолюдно и темно, никто не заметил, что он так близко ко мне. Никто не знал, только мы двое. Мы вышли, нас никто не потревожил, нырнули в машину и выехали на дорогу. Он притормозил, когда загорелся красный.

Оставшись наедине в его Мазератти и подальше от чужих взглядов, я потянулась и поцеловала его. Его пальцы исследовали мою щеку и легли на шею.

— Ты прекрасна и это сводит меня с ума, — он выглядел замороженным. Казалось, что его глаза проникают мне в душу, так пристально он смотрел на меня. Он поцеловал меня снова, я лизнула его губы и прикусила нижнюю губу.

— Ты тоже прекрасен, Алекс, даже с такими темными глазами. — Я наклонилась еще ближе и нежно поцеловала его глаза. Красный свет перестал гореть, но он не двинулся дальше, пока не появились другие машины. Он притянул мою голову и поцеловал меня в губы снова. Моя грудь умоляла о прикосновениях, пока сердце бешено стучало, а лицо заливал румянец. Какая-то машина остановилась за нами и посигналила. Алекс нажал на газ, и мы поехали дальше.

— Ты все еще хочешь, чтобы все происходило медленно и легко? — спросила я. Я уже была готова отдаться этому человеку. Он был таким сильным и большим, и я погладила контур его потрясающего члена сквозь брюки, пока он вел.

— Господи, что же ты делаешь со мной, Прюденс? Я не в себе, когда ты рядом.

— Я пока ничего не сделала, но я собираюсь сделать с тобой много всего, Алекс, — сказала я, не убирая руку. Я представляла, как великолепен его член внутри брюк и как было бы хорошо попробовать его на вкус.

Мы приехали в мою квартиру, и я чувствовала, что оставшись наедине у меня дома, все случится. Он должен быть в моей постели и внутри меня.

— Сядь и расслабься, Алекс, — сказала я, когда мы пришли, и указала на диван. Мы сняли наши пальто и бросили их на спинку стула.

Он снял свои большие часы и положил их на кофейный столик рядом с бумажником, телефоном и ключами. Каждый раз, когда он снимал часы, это было очень сексуально.

— Будешь вино?

— Конечно, — сказал он, присаживаясь. Я включила негромко Бочелли и открыла мое любимое игристое вино из Напа (*прим. пер. винодельческая местность в США*).

— Ты слушаешь Бочелли? — спросил он, взяв бокал вина. Его пальцы коснулись моих. Сквозь мою руку как будто прошел электрический разряд.

— Мне он нравится. У него такой успокаивающий и чувственный голос, — сказала я, включая газовый камин. Сев рядом с ним, я почувствовала, как от его тела исходит жар.

Он сделал глоток вина и поставил бокал на столик перед нами. Я сделала то же самое. Через секунду он притянул меня для поцелуя.

Я погладила его лицо и услышала его стон.

— Алекс, — прошептала я ему на ухо.

— О, Боже, Прюденс, — простонал он. Я почувствовала, как его твердый член упирается в меня. Он пробежал руками по моей спине и вдоль бедер. Его руки двигались по моему жаркому телу, даже сквозь одежду я чувствовала, что они горячие. Мои руки коснулись его груди и живота. Его мышцы были напряженными, твердыми и совершенными.

— Алекс, идем в спальню. Я хочу тебя. — Я вздохнула, теряя волю от его силы. Его эрекция заставляла меня томиться от желания его прикосновений к моему обнаженному телу. Он сел, я опустилась за ним и села на него сверху. Он придерживал меня спереди, целуя шею и прокладывая путь к груди. Глядя мне в глаза, он расстегнул мою блузку. Блузка запахнулась, моя грудь была полной и тяжелой, выпадая из бюстгальтера. Я погладила его лицо, целуя, пока он не был занят моей грудью. Мне было мало. Я хотела его всего.

— Мне нравится, какая ты на вкус. Я так жажду тебя, что мне кажется, будто я сойду с ума, Прюденс, — сказал он, затаив дыхание.

— Я не могла ничего делать, кроме как думать о тебе, Алекс. — Я ахнула, когда его руки прошлись по моему ноющему телу. Он ласкал и потирал мой чувствительный бугорок через джинсы так, что я дрожала. Я хотела, я нуждалась в том, чтобы великолепный член Алекса пронзил меня.

— О, Боже, Алекс, давай вернемся в мою комнату.

Он зарылся лицом между моих грудей, и я обвила руками его шею. Я была готова потерять контроль над моим телом прямо здесь и сейчас. Я была на грани того, чтобы кончить, а ведь я даже не была голой. Он просунул руку мне под блузку и расстегнул бюстгальтер. Обхватил руками мои груди, коснувшись набухших сосков. Блузка соскользнула с плеч, и бюстгальтер упал рядом. Я хотела быть голой, когда его руки снова скользнули по спине к бедрам и попе. *Господи, как же он, должно быть, хорош в постели.* Каждый нерв был на взводе, когда его пальцы задели мои соски. В моем теле все пробудилось. Его рот проложил дорожку из нежных поцелуев к возвышенностям моих грудей и соскам. Он остановился на одном и нежно его пососал. Он потянул меня вниз, и я легла рядом с ним. С небольшим усилием он расстегнул мои джинсы, и его рука скользнула в них. Я почти перестала дышать. Он просунул руку под кружевные трусики, пока не нашел мой клитор. Легонько нажал пальцем, и мой клитор запульсировал под ним.

— Ты стала влажной для меня. Боже, Прюденс, ты мокрая, обнаженная и такая нежная. — Он начал вводить палец внутрь, но вдруг остановился.

— Прюденс, мы должны остановиться. Я не могу так, — сказал он, убирая свою руку мне на бедро.

— Нет, Алекс, мы не должны останавливаться. Мне так хорошо, — сказала я, закрыв глаза от вожделения. Я сложила руки перед собой, чтобы прикрыть свою обнаженную грудь и отодвинулась от него.

— Прюденс, я так грязно тебя хочу, что мне больно. Но мне нужно больше времени.

— Что не так? Невозможно, чтобы ты видел во мне сейчас шестнадцатилетнюю, — сказала я.

— Я не могу так, Прюденс. Не сейчас. Прости. Это не правильно. Все слишком быстро происходит. Ты одна из самых потрясающих женщин, которых я когда-либо видел или трогал. Ты идеальна во всем, но я не могу. Мне нужно, чтобы ты поняла: это не связано с тобой, ты невозможно сексуальна, просто мне нужно больше времени.

Я поднялась, накинула блузку и застегнула джинсы. Села на диван и смотрела, как он начал собираться, ни один из нас не проронил ни слова. Он взял пальто, ключи, надел часы и направился к двери.

— Ты можешь меня поцеловать, прежде чем уйдешь? — спросила я. Он стоял спиной ко мне.

— Если я поцелую тебя снова, мы вернемся к тому, на чем остановились. — Он не повернулся.

— Тогда давай не будем останавливаться, Алекс. Ты не можешь уйти, когда нам было так хорошо.

— Я не могу, Прюденс. Прости, — сказал он, взявшись за дверную ручку. Он помедлил, прежде чем повернул ее, и ушел, не посмотрев на меня. Входная дверь хлопнула, отзвываясь эхом в моей квартире. Я услышала, как завелась его машина, и он отъехал от подъезда. Я сидела в шоке и недоумении. Мое сердце и душа болели из-за Алекса Конрада.

Я свернулась калачиком на диване и притянула колени к груди, пытаюсь сдержать слезы и досаду. Я не могла больше сдерживаться и расплакалась. Взяла телефон и позвонила Томасу. Он всегда меня утешал.

— Привет, милая, — он пытался перекричать грохочущую клубную музыку. Ему было не до меня. Я не хотела портить ему вечер, но я должна была поговорить с ним.

— Томас, ты нужен мне. Можешь приехать?

— Что случилось, дорогая? — проорал он в трубку.

— Я не могу рассказать по телефону. Мне нужно поговорить с тобой, — сказала я.

— Скоро буду. Дай мне несколько минут.

Я закончила разговор и разрыдалась в подушку, пачкая все макияжем. Если и существовал мужчина, который был мне сейчас нужен кроме Алекса, то это Томас. Прямо сейчас мне нужно было выговориться ему.

Не прошло и двадцати минут, как Томас постучал в дверь. Я открыла и бросилась к нему. Он был одет для клуба, и я чувствовала себя ужасно из-за того, что помешала его планам.

— Мне так жаль, что я тебя отрываю от твоих планов на вечер, — сказала я, вытирая свой хлюпающий нос.

Он обнял меня мускулистыми руками и сказал, чтобы я заткнулась, потому что нет ничего важнее меня.

— Что случилось, дорогая? Почему ты расстроена?

Мы вошли в гостиную и сели на диван. Запах Алекса все еще витал в воздухе, не давая сосредоточиться.

— Сегодня вечером я встречалась с Алексом, — сказала я. Я не хотела на него смотреть, потому что знала, что он разозлится.

— Какого черта? Почему я не знал об этом свидании? — спросил он, обнимая меня и поглаживая по голове.

— Я никому не говорила, Томас.

— Он вел себя как свинья? Я с ума сойду, если он обидел тебя, — сказал он.

— Нет, ничего такого. Я сама хотела. Мы были здесь оба, Томас, практически голые, целовались и ласкали друг друга. — Я не смогла говорить дальше и снова расплакалась.

— Ты с ним переспала? — спросил он, прижимая меня к своей крепкой груди, пока его майка мокла от моих слез.

— Нет, но могла бы, если бы он не ушел. Я была с голой грудью, его рука была у меня в трусах, вот и все. Потом он сказал, что мы не можем продолжать, и ушел. Это все из-за меня? — спросила я, начиная плакать сильнее.

— Ты с ума сошла? За твою грудь умереть можно, это ясно, как и то, что я гей. Твой растрепанный вид даже меня заводит. Если ты и с ним также выглядела, и он не повелся, то у меня только одна мысль — он, скорее всего, из наших.

Только сейчас я заметила, что я не надела лифчик, а блузка расстегнута. *Томас, наверное, думает, что я законченная шлюха.*

— Я тебя умоляю, Прюд. Ты прекрасна. Может ты была слишком напористой, и он струсил? Скажи мне только одно — у него большой? Можешь ответить, когда успокоишься, только, пожалуйста, ответь.

Я обняла его за талию, он снова погладил меня по голове, когда я начала шмыгать носом.

— Заткнись, Томас, как ты можешь такое спрашивать в такой момент? И да, он огромный, если ты хочешь знать.

— Я так и подумал, когда увидел его. Мне нужны детали и, возможно, дюймы, когда тебе станет лучше. — Я не могла не улыбнуться. Томасу всегда удавалось меня развеселить. Я отстранилась от него, чтобы посмотреть в глаза.

— Мы не зашли настолько далеко, чтобы я его увидела. В общем, я могла его оценить только через джинсы. Прости меня, я испортила тебе вечер. Я должна была позвонить тебе. Мне больше не с кем было поговорить. — У меня было несколько друзей, а моя лучшая подруга и соседка по комнате жила в Орегоне. Мы давно не виделись, и я не могла позвонить ей с такой проблемой. И Вина, моя лучшая подруга, была иного круга.

— Я бы разозлился, если бы ты мне не позвонила. Я злюсь, что ты мне не сказала неделю назад. Я догадывался, что это был Конрад. Я знал, что у тебя что-то есть к нему, а ты продолжала отрицать. Не волнуйся о Брюсе. Он никуда не денется. Он знает, где найти хороший секс и знает, что найдет у меня, милая. А еще он знает, как ты мне дорога. Когда я тебе нужен, все остальное может подождать, конечно, если мы только не в разгаре процесса, — улыбнулся он.

— Я люблю тебя, — сказала я, когда он снова обнял меня.

— И я тебя, милая. Помни это, когда ведешь себя на работе как стерва и создаешь мне проблемы со своей новой лучшей подружкой госпожой Змеюкой. — Он засмеялся. Я прижалась к нему. После разговоров и смеха я начала засыпать. Должно быть, он ушел рано утром, потому что когда я проснулась, я была укутана и все также лежала на диване. Рядом я нашла записку:

«Беги домой на секс по телефону. Я перезвоню. Нам нужен шопинг. Люблю тебя».

Убитая горем, я провела в постели весь день, ничего не делая. Приняла душ и оставалась в постели, пока не стемнело. Я не хотела ни с кем разговаривать, даже с Бьюлой или Томасом. Я подумала, что странно, что я ничего не слышала от них обоих, поэтому проверила свой телефон и увидела, что он выключен. Я выключила телефон после того, как позвонила Томасу прошлой ночью, и больше его не трогала. *Черт!* Алекс звонил несколько

раз и оставил голосовое сообщение. «Я надеюсь, ты в порядке. Мне не понравилось, что все так закончилось, поэтому я возвращаюсь к тебе. Сейчас полночь, и я должен быть здесь» — и это все. Должно быть, он вернулся и увидел другую машину у подъезда. Черт. Черт. Черт. Должна ли я позвонить или написать, чтобы объяснить? Или оставить как есть? Я решила пождать и дать возможность ему позвонить первым. А потом я ждала и ждала.

Глава 7

Говорят, время лечит все раны. Время позволило мне забыть жизнь в Огайо. Боль, которую я чувствовала каждый день, была забыта благодаря годам интенсивной терапии. Я помнила постоянную борьбу и страх от того, что не понимала, что может произойти в любую минуту. Сбежала ли мама, оставив меня, или умерла после ночной попойки? Разные запахи и места вызывают поток воспоминаний, как хороших, так и плохих. Таким ранам, как эти, нужно время чтобы затянуться. Что касается Алекса, то он так и не позвонил. Я ждала и ждала впустую. Алекс Конрад бросил меня, вот и все. После нескольких недель непрерывных слез и проверок пропущенных звонков я потеряла всякую надежду. Я наконец поняла, что той ночью у нас с Алексом все закончилось.

Прошли недели, в воздухе запахло весной. Вашингтон был наполнен вишневым цветом. Но даже ему я не могла радоваться. Для меня, подавленной расставанием с Алексом и опустошенной тем, что произошло между нами, прекрасные дни пролетали незаметно. Я продолжала тренироваться, в рекордные сроки окончила юридическую школу, как можно больше работала. Дни начинались и заканчивались. Лежа одна в постели я представляла, как он трахает какую-нибудь супермодель, не дай Бог Джейд. Эти мысли ночами заставляли меня метаться и ворочаться. Кофе помогал продержаться днем, а то, что я забывала поесть, заставляло Бьюлу переживать, что я слишком похудела. Ее вариант решения проблемы? Мероприятие в виде вечеринки. Не просто какой-нибудь вечеринки, а огромной. Такой, которую бы все обсуждали. В качестве повода пригласить сотню близких друзей и семью на вечер в мою честь, Бьюла решила использовать мой выпуск из юридической школы.

Бьюла так гордилась моими достижениями, что хотела, чтобы об этом знал каждый. Поэтому она настояла на том, чтобы я уложила волосы, сделала маникюр и, конечно же, сходила в солярий. Она купила мне платье Шанель, серое, металлического оттенка, без бретелек, и черные шпильки. Платье великолепно подходило к моим рыжим волосам, даже несмотря на то, что я стала тощей как тростинка. Мои волосы были собраны в небрежный пучок, а свободные пряди обрамляли лицо. Я чувствовала себя совершенно прекрасной.

Томас был первым прибывшим гостем. Я стояла в огромном, размером с цирк, шатре с бокалом шампанского в руках и наблюдала, как репетируют музыканты. Да-да, она и музыкантов пригласила.

— Господи Боже, женщина, в чем твой секрет? Ты выглядишь сейчас такой горячей, — спросил он, целуя меня. Он выглядел чертовски хорошо в костюме от Армани и небрежно уложенными светлыми волосами. Его сопровождал Брюс, он тоже выглядел потрясающе — его черные, как смоль, волосы были длиной до воротника, он был в сером костюме без галстука и, конечно же, очень дорогих туфлях.

Мой папа, его жена, мои сводные брат и сестра прилетели из Калифорнии специально ради этого дня. Ничто не могло осчастливить меня больше. Я всегда буду благодарна Бьюле за то, что она нашла его и убедила наладить наши отношения. По правде говоря, я и не мечтала, что когда-нибудь увижу отца и смогу обнять его. Мама всегда настаивала на том, что понятия не имеет, кто мог им быть. Но я сразу все поняла, как только его увидела. Не

только потому, что у нас волосы были одинакового цвета, а потому что всем своим нутром чуяла, что это он. Теперь мы общались, по крайней мере, раз в неделю.

Вечер еще только начинался. Здесь не было двух людей, по которым я больше всего скучала: мамы и Алекса. Бьюла отправила маме приглашение, но, как и все, что ей отправлялись ранее, она проигнорировала его. Неважно, насколько я стала старше или как далеко уехала от Огайо, глубоко в душе я надеялась, что однажды она объявится, расспросит обо мне и захочет встретиться. Насчет Алекса я была уверена, что у него нет намерений увидеться со мной снова.

В этот вечер я ела со здоровым аппетитом, вкус еды был чудесным. Бьюла заказала мои любимые блюда: жареную курицу, картофельное пюре, брюссельскую капусту и, конечно, ежевичный кобле. Пока шел вечер, я все меньше думала об Алексе и получала удовольствие от вечеринки. Виктория пришла одна, и я представила ее Бьюле. Они хорошо поладили и даже договорились вместе пообедать. Пока гости ели и выпивали, начались танцы. Мне было хорошо, пока не начали играть песню «Незабываемый», и мысли об Алексе снова проникли в мое сознание. Мне хотелось заплакать, потому что все с кем-нибудь танцевали. Брюс и Томас танцевали, тесно прижавшись друг другу, пока я вспоминала ночь после выборов, когда под ту же песню я танцевала с Алексом.

Я почувствовала его аромат и поняла, что он стоит у меня за спиной.

— Потанцуй со мной, — Алекс все-таки пришел.

Я резко повернулась. Мое сердце пропустило удар, когда я посмотрела на него. Прошло несколько месяцев с момента, когда я видела его в последний раз, сейчас он выглядел даже лучше, чем я его запомнила. Его волосы идеально уложены, а губы казались еще более полными и аппетитными. Я сразу возбуждалась. Я не могла ничего с собой поделать.

— Алекс? Что ты здесь делаешь?

Музыка играла где-то далеко. Вокруг меня смеялись и разговаривали люди. И в центре всего этого были только мы вдвоем. Время застыло.

— Твоя бабушка пригласила меня, чтобы отпраздновать это замечательное событие. Поздравляю, Прюдэнс. Ты достигла того, что не многим по силам. Потанцуй со мной. Пойдем, это наша песня. Я заплатил тому парню, чтобы он начал играть ее в нужный момент, — сказал он, не отводя от меня глаз. Звук его хриповатого голоса ввел меня в оцепенение.

Он протянул мне руки так же, как и в день выборов, и прижал меня к себе. Он был одет в черный блейзер и брюки цвета хаки, это был его обычный официальный вид. Его запах опьянял меня, я таяла в его руках и чувствовала, как жар его тела обжигает меня. В танце он вел уверенно и изящно. Этот танец отличался от того, что у нас был. Он был главным и держал все под контролем. И это было еще более сексуально.

— Ты сегодня невероятна. Мне нравится это платье и его цвет — это что-то. Ты выглядишь очень похудевшей, — прошептал он мне на ухо.

— Спасибо. Я много занималась. Почему ты здесь? Я выставила себя полной идиоткой, ничего не слышала о тебе несколько месяцев. И почему той ночью ты мне так много звонил? Я получила твое сообщение, но почти ничего не поняла, — спрашивала я его, пока моя голова покоилась у него на плече. Его кашемировый блейзер был такой мягкий и теплый. Каждая ниточка пахла им. Мне понравилось, как его руки тесно прижимали меня к себе. Я чувствовала рельеф мышц под его одеждой. Всем своим телом я отдыхала с ним. Это было похоже на долгое путешествие, после которого я наконец-то вернулась домой, где он

обнимал меня.

— То, что случилось той ночью, не твоя вина, Прюденс. Никакая ты не идиотка. Кто угодно, но не она. Я звонил тебе, потому что уехал Бог знает куда, и хотел вернуться, чтобы убедиться, все ли с тобой в порядке. Я оставил тебя там и не сразу понял, как сильно обидел. Я старался забыть ту ночь и ушел в работу, чтобы выбросить тебя из головы. И это хорошо работало, пока не получил приглашение от твоей бабушки. И опять я мог думать только о тебе. Я должен был прийти, — говорил он, пока мы танцевали. Группа уже играла другую песню, а мы продолжали прижиматься друг к другу. Окружающий шум казался приглушенным, и я сосредоточилась на этом моменте, который казался мне таким важным.

— Ты тогда вернулся? — спросила, желая знать, действительно ли он вернулся.

— Да, но у твоего подъезда стояла машина, поэтому я вернулся к себе. Я не хотел беспокоить тебя на случай, если ты кому-то позвонила, — сказал он. Я прижалась ближе к нему и почувствовала, что чем он ближе ко мне, тем тверже становится его член.

— Я позвонила кое-кому, но это не то, что ты думаешь. Моему лучшему другу Томасу. Он остался со мной в ту ночь, потому что я была расстроена. Я не хотела, чтобы ты приходил сюда сегодня, Алекс. Я просто вдыхаю твой запах и слышу твой голос, и только это уже заставляет желать тебя, — я говорила, стараясь не смотреть на него.

Его руки сжались вокруг меня, прижимая меня ближе и заставляя сердце бешено колотиться. В голове застучало, когда кровь бросилась по венам, а дыхание в груди остановилось. Мы снова были в нашем собственном мире. В мире, который мне бы никогда не хотелось покидать. Только сейчас я поняла, как сильно по нему скучала и как сильно хочу заняться любовью с этим невероятным мужчиной. Мы танцевали в молчании, я закрыла глаза и наслаждалась происходящим.

— Прюденс, что ты делаешь со мной? Даже когда я просто прикасаюсь или смотрю на тебя, во мне просыпается желание. Я знаю, что ты уже это почувствовала, ты чувствуешь, каким твердым я стал. Я так жажду тебя, всю тебя. Это безумие. И я не могу его объяснить. По этой причине я держусь в стороне. Все в тебе захватывает меня, и это неправильно, — произнес он, пока мы продолжали наш медленный танец. Он прижал меня к себе и тут же отстранился.

— Я не понимаю, почему желать меня это неправильно, Алекс. Наши сердца и тела не могут не чувствовать того, что есть. Почему же я так стремлюсь к тебе? Я здесь, прими меня. Раз и навсегда. Мое тело желает тебя прямо сейчас, я чувствую это только с тобой. — Я начинала злиться из-за того, что он одновременно и дразнил меня и отстранялся.

Музыка остановилась, и его руки отпустили меня. Он отошел от меня и посмотрел тем же взглядом, что и в ту ночь у меня дома — со страстью и страхом.

— Это неправильно. Неправильно, потому что продолжаю поступать так с тобой. С моей стороны нечестно желать тебя и в то же время отталкивать. Ты слишком особенная и чудесная. Ты как наркотик, которого всегда мало. Я знаю, что обладать тобой неправильно, но желание обладать так велико, что приходится довольствоваться малыми дозами. Разве ты не видишь? Мы даже потанцевать не можем без того, чтобы не желать друг друга. Слишком быстро. Все слишком. Прости меня. Снова. Мне не следовало приходить сегодня. Я думал, что если увижу тебя, то что-нибудь изменится. Связь с тобой даже стала сильнее, Прюденс.

— Так почему ты сопротивляешься? — злость взяла верх надо мной. Голос начинал дрожать при одном взгляде на этого человека, который разрывал мне сердце всякий раз, когда оказывался рядом. Что бы ни происходило между нами, оно не могло прекратиться,

несмотря на его сопротивление. Музыка опять заиграла, а мы просто стояли там, где остановились. Краем глаза я увидела, что Томас смотрит на нас, готовый вмешаться в любой момент.

— Я должен идти. Прости меня снова. Быть рядом с тобой — это слишком для меня. Я просто... Я не могу. Прюденс, пожалуйста, передай Бьюле мою благодарность и поздравления. Я так горжусь тобой. Ты теперь полноценный юрист. Ты настолько же умна и талантлива, насколько красива и сексуальна. Мне нужно идти, — сказал он, отрывая от меня взгляд, затем повернулся и ушел. Я не пошла за ним. Я не умоляла его остаться. Я стояла на месте и смотрела, как Алекс уходит от меня снова. И снова моя душа была ранена.

В то же мгновение Томас обнял меня и, рыдая, я уткнулась ему в шею, чтобы в мой праздник никто не видел моих страданий. Я не хотела, чтобы Бьюла видела меня в слезах после того, как она приложила столько усилий, чтобы сделать этот вечер особенным. Она понятия не имела, что испортила вечер, пригласив этого человека. Я видела, что гости смотрят и шепчутся. Мне захотелось исчезнуть.

— Тише, милая. Все хорошо. Все хорошо, — сказал он, похлопывая меня по спине. Больше ничего не нужно было говорить. Он вывел меня из шатра. Снаружи мы были одни. Он протянул мне бокал вина, и я осушила его одним большим глотком. Он дал мне бумажные салфетки, я промокнула глаза и лицо.

— Я как идиотка мечтала о нем снова и снова, а он опять свалил. — Я плакала, стараясь, чтобы гости не видели мое горе и не слышали, о чем я говорю.

— Ты должна смириться, Прюд. Ничего не изменится. Он всегда будет видеть в тебе маленькую девочку, это всегда будет удерживать его на расстоянии, милая, — сказал Томас, крепко обнимая меня.

— Почему? Я не понимаю. Мы должны быть вместе. Я чувствую это, вижу это в его глазах.

— Я не знаю почему, милая. Ты должна двигаться дальше и выбросить его из головы.

— Я не хочу, Томас. Он в моей голове, в сердце, внутри меня. Я не знаю, как это объяснить. Я не могу описать это. Он — часть меня, и когда он так поступает, эта часть умирает, — я продолжала плакать. Закрыла лицо салфеткой, чтобы заглушить рыдания.

— Ты должна отпустить, милая. Ты должна жить без него, — произнес Томас, все еще крепко обнимая меня.

— Не думаю, что смогу, — я рыдала.

Подошел Брюс, Томас оставил меня с ним, чтобы сходить за бутылкой шампанского. Это помогло успокоиться и на время забыть о человеке, о котором я мечтала больше всего на свете. Я постаралась унять боль и насладиться вечеринкой, чтобы быть благодарной людям, которые пришли отпраздновать со мной. Было тяжело, но после еще нескольких бокалов шампанского мне стало лучше. Вечер подходил к концу, и я отлучилась, чтобы привести себя в порядок и собраться с мыслями. Томас пошел со мной в мою комнату и помог мне с макияжем. В мгновение ока я стала выглядеть лучше. Остаток ночи я провела с отцом и его семьей. К счастью, мой отец не знал о связи между мной и Алексом. Спустя еще несколько бокалов вина мне стало совсем хорошо. Той ночью я намеревалась утопить мысли об Алексее в алкоголе.

Он еще раз разбил мое сердце иллюзиями, что все возможно, и оставил меня. Почему тогда он не мог держаться в стороне? Если бы он оставил меня в покое, я могла бы продолжать жить так, как раньше. Я должна держаться от него подальше и заниматься своей

жизнью. Я действовала как безнадежно влюбленная девчонка, и вот где я оказалась. Виктория уже просто оторвала бы ему яйца, а во мне разочаровалась. Я должна стать жестче. Хватит с меня.

***

Рождество и Новый Год я провела несчастная, но в попытках сделать их лучше. Всю зиму я много работала и иногда навещала папу в Сан-Диего. Я хорошо проводила время, но однажды, когда вернулась, воспоминания об Алексе нахлынули на меня тяжелой волной. Я обнаружила, что маниакально смотрю местные каналы, на которых транслируют заседания Сената. Я искала его везде, куда бы ни приходила. Чем бы я ни занималась, я думала только о нем.

Я бросила все силы на подготовку к экзамену в коллегиию адвокатов и, к своему удивлению, сдала его с первой попытки. Это было адски трудно, и подготовка, кажется, даже труднее. Она отнимала каждую свободную минуту, что мне было только на руку.

Фирма Виктории предложила мне начальную ставку под ее руководством. То, что она будет моим наставником, уже было хорошей наградой. А от неплохой зарплаты, предложенной мне, и карьерных перспектив я была на седьмом небе от счастья. Казалось, что все встало на свои места. Только одна деталь была не на месте, и она была существенной. Меня не отпускали мысли об Алексе Конраде, заставляя осознавать, что не все идеально. Я скучала по его губам, рукам, телу.

На следующий день после урагана, который валил деревья и обрывал линии электропередач, Виктория предложила мне пообедать. Я была удивлена, потому что она никогда не обедает, тем более с кем-то из офиса. Я чувствовала себя польщенной тем, что она выделила меня. Она спросила, хотя скорее сообщила, что обедать будем рано, тем же утром. Она выглядела измотанной, что было очень странно для такой женщины, как она. Раньше ничего не могло выбить ее из колеи, а сейчас, похоже, у нее возникла какая-то трудность. Я даже не знала, есть ли у нее муж или дети — ничего о ее внерабочей жизни. Она никогда не показывала никаких эмоций, за исключением судебных заседаний, и то, там могла быть только одна эмоция — злость. Она никогда не испытывала сочувствия к клиентам, только необходимость отомстить, добиться справедливости или запугать.

В очень элегантный ресторан под названием Синий Базилик, часто посещаемый элитой Вашингтона, мы поехали в ее четырехдверном Порше. Я никогда там не была, но слышала, что это место для тех, кто что-нибудь из себя представляет в Вашингтоне. Ресторан был расположен в обычном кирпичном здании, перед которым рос плющ, а над входом висел синий навес с названием ресторана. Внутри было просто чудесно: темно, кирпичные стены украшали рисунки местных художников. Столы были накрыты синими скатертями, в центре которых стояли свечи. Когда мы там оказались, он не был забит, потому что час для ланча был слишком ранний. Я заказала салат, а она заказала стейк и большой бокал вина. Я была поражена.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Беспокоиться я начала, когда мы заняли столик. Подумала, что возможно таким способом она хотела уволить меня. Рабочие дни мелькали у меня в голове, пока я пыталась вспомнить, где могла допустить ошибку. Я не могла припомнить ничего, кроме дружбы с Томасом, которого она на дух не переносила.

— Это мой увольнительный ланч или что-то вроде того, Виктория? — спросила я, делая глоток воды. Возможно, я работала не настолько хорошо, как о себе думала. Подошел

официант и подлил ей вина, по отношению к нему она вела себя менее чем приятно.

— Что? Конечно, нет, Прюденс. Господи Боже, я же не чудовище. Кроме того, ты одна из лучших юристов здесь. Я просто хотела выбраться сюда с девушкой. Ты должна увидеть это место, потому что будешь обедать здесь с клиентами. Я сама хотела показать его тебе. Между нами, мне здесь не нравится, и еда у них не очень, но тебя должны здесь увидеть и сегодня для этого подходящий день. Кроме того, я хочу узнать твое мнение по одному очень личному вопросу, если ты не против.

Ого. Она хотела узнать мое мнение. Я была сбита с толку. Она понятия не имела, что ей интересно мнение девушки, которая когда-то жила в трейлерном парке. Никто из тех, с кем я общалась, не знал о моем прошлом, за исключением Томаса и, конечно, Алекса, и никто меня об этом не расспрашивал. Я уверена, что никогда никому не рассказывала о своих личных делах, и никто меня не расспрашивал. Я предпочла, чтобы так все и оставалось.

— Я даже не представляю, каким советом могла бы помочь. Хотя я готова попытаться, — сказала я, ковыряя салат.

— Это личное, только между нами. Хоть ты мне и нравишься, я буду очень расстроена, если ты будешь это с кем-нибудь обсуждать. Твой болтливый дружок Томас обожает сплетни и большую часть времени торчит за чьим-нибудь столом, занимаясь только этим. У него длинный язык, и я узнаю, говорила ли ты ему что-нибудь. У меня нет привычки обсуждать свои личные дела с кем-нибудь. И тебе советую в дальнейшем делать так же. Чем меньше людей знает, тем лучше. Большинству наплевать, но они могут использовать это, чтобы причинить тебе боль, — сказала она.

— Я сохраню все в секрете, Виктория.

Она нервничала, и когда я смотрела ей в глаза, казалось, что она плакала. Я никогда не замечала, что у нее зеленые глаза. Я никогда не замечала, что у нее есть привычка кусать губы, когда она волнуется. Она сделала большой глоток вина и начала говорить:

— Я замужем. Не знаю, в курсе ты или нет. Двадцать восемь лет с одним и тем же хреном, и я была счастлива. По большей части. Я никогда ему не изменяла. У меня никогда не было ни времени на такого рода поведение, ни желания. Я переживала его измены и терпела их слишком долго. Он знал, что может так делать, и я ничего не скажу, потому что я такая. Я не хотела выносить этот сор и выставлять себя слабой. Я бы потеряла все, если бы кто-то узнал, что мой муж мне изменяет.

Она проглотила еще вина и взъерошила свои волосы. Было видно, что говорить о себе для нее непривычно. Я не хотела ее перебивать, поэтому она продолжила рассказывать мне о своей жизни.

— На прошлой неделе я поймала его с нашей горничной из Гватемалы. Это было жалкое зрелище, когда я вошла к нему, он весь потный пыхтел над ее тощей задницей. Мне не стоило ее нанимать, но она брала дешево. Я никогда не думала, что брать дешево и шлюха — это одно и то же. Я почти ударила ее. Я была в бешенстве и уволила всю прислугу сразу после того, как подумала, что они как-то связаны между собой. Если они заговорят об этом, то тоже пострадают, поэтому я уверена, что ни один не заговорит, если не хочет быть депортирован. Я выгнала мужа, и он перебрался в наш дом на заливе. Я не знаю, что делать, мне нужен совет женщины женщине. Как бы ты поступила, если бы оказалась в такой ситуации?

Я была шокирована тем, что она рассказала мне об этом. Мне нужна была цистерна вина, чтобы переварить этот рассказ, но все, что у меня было, это вода. Впервые мы

разговаривали больше двух минут о чем-то, кроме работы. Я была поражена тем, что она считает, что я в достаточной степени заслуживаю доверия, чтобы выложить все это. Мне захотелось спрятаться. Я понятия не имела, чего она ждет или какого рода сведения я должна ей выдать, чтобы ей стало лучше. Я имею в виду, по-настоящему. Что если я скажу что-нибудь не то, и она разозлится на меня? Боже правый. Это было слишком тяжело. Я не знала, что сказать. А она ждала от меня ответ, который я боялась ей дать. Я сделала большой глоток воды и быстренько помолилась прежде, чем решиться.

— Итак, ты любишь его? Это должно быть первое, о чем ты должна себя спросить. Я имею в виду, способна ли ты продолжать жить без него, чтобы позволить ему уйти?

Она посмотрела на меня, и мне стало понятно, о чем она думает. Не думаю, что она когда-либо задумывалась о любви или чувствах вне зала суда. Я наблюдала, как она кусает губу и скручивает в руках салфетку.

— Я люблю его, да. Я всегда буду любить его, и я не знаю, что должна сделать, чтобы перестать его любить, или чтобы его не было в моей жизни. Я не хочу его терять, не сейчас. Я столько времени потратила на него. Не думаю, что есть еще один человек, способный меня вытерпеть. И, безусловно, я не потеряю его из-за какой-то мерзкой шлюхи. У нас есть совместный ребенок. И хотя он вырос, я не хочу, чтобы его это коснулось, — сказала она. Я снова была поражена. У нее есть ребенок.

— Тогда тебе нужно спасти свой брак. Похоже, что он разрушался на протяжении долгого времени. Ты проходила какую-нибудь терапию или, может, рассматривала такую возможность? — официант продолжал подходить и наполнять наши бокалы для воды, и она переставала говорить. Взглядом она давала ему понять, что он прерывает ее.

— Я сдулась, а он — нет. Несколько раз он предлагал сходить, но я отказалась. Я не хотела, чтобы кто-нибудь еще знал, что у меня есть и другая сторона, и мой муж выдал ее. — Кто бы мог подумать, что существует человек, способный вызывать у Виктории эмоции?

— Ты должна бороться за него и пойти с ним к психотерапевту, чтобы понять, почему он изменяет. Это самое простое, что может наладить брак и предотвратить подобное. — Я пыталась есть салат между брачными консультациями женщины, с которой я никогда до этого серьезно не разговаривала. Она кивнула и начала есть стейк, пока несколько минут мы сидели в молчании.

— В этом есть смысл, Прюденс. Я, пожалуй, попытаюсь еще раз и посмотрю, что получится. Я не хочу, чтобы он видел меня слабой.

Спасибо, Господи, она не задушит меня за то, что я ей сказала. Она выслушала меня.

— Я не думаю, что ты будешь выглядеть слабой. Он хочет знать, любишь ли ты его, и, возможно, в этом и есть проблема.

Ресторан наполнялся людьми, пришедшими на ланч, и Виктории стало не по себе. Было видно, что она хочет уйти. Я уверена, что она точно не хотела встретиться с кем-нибудь, кто узнал бы ее или увидел в таком эмоциональном состоянии.

— Виктория, я думаю, что ты хочешь, чтобы все получилось, но не хочешь уступать. Ты не привыкла уступать, и эта мысль пугает тебя. Ради любви этого человека ты должна показать ему, что любишь его. Иногда нужно проглотить свою гордость и дать ему то, что ему нужно. Он тянется к тебе и поступает так, чтобы привлечь твое внимание, — я вошла в роль.

Она не ответила, но продолжила есть и кивнула в знак согласия.

— Спасибо. Ты помогла мне сегодня увидеть другую точку зрения на то, как должна

поступать женщина. Я ценю это. Если появится что-нибудь, что я смогу для тебя сделать, не сомневайся. Ты делаешь великолепную работу, Прюденс. Я не могу поверить, что ты думала, будто я хочу уволить тебя. Тебе нужно быть более уверенной в себе, чтобы не оплошать в зале суда, где ты окажешься один на один с устрашающими преступниками. Если ты не уверена, то притворись, и в конечном итоге такой и будешь. Я сама начинала с этого. Ты напоминаешь мне меня. Я вижу, что у тебя большое будущее. Поверь в себя, — сказала она, глядя мне в глаза.

Виктория снова поразила меня, на этот раз комплиментом и советом.

— Спасибо, Виктория. Этим я обязана тебе. Ты чудесный учитель и замечательный пример для подражания. Я надеюсь стать хотя бы в половину такой же жесткой, как ты. В любой момент, когда тебе нужно будет поговорить, просто скажи мне. Поверь, что то, что ты мне рассказала сегодня, не выйдет за пределы этого ресторана, — сказала я.

— И снова спасибо, Прюденс. Маленький девчачий разговор помог, я буду размышлять об этом все выходные. Ну что, вернемся и посмотрим, что за бедствие случилось у Томаса в офисе, пока нас не было? — спросила она, опустошая свой бокал вина одним большим глотком.

— Да. На этой неделе я просто завалена работой. — Я вытерла губы и поднялась, чтобы идти.

Нам пришлось пробираться через скопление людей, которые пришли на ланч. Каждый считал нужным что-то сказать ей, пока мы пытались быстро уйти. Когда мы наконец оказались около двери в ожидании ее машины, я увидела Алекса и Джейд. Мой салат начал подниматься к горлу. Я не видела его с той ночи. Пять месяцев назад. Алекс стоял там, хорош как никогда. Он был чисто выбрит, а его волнистые волосы выглядели короче. Я заметила, что он загорел, и она тоже. С ним была Джейд, и мое сердце упало, когда я увидела, как они держатся за руки. Его руки, по которым я скучала, касались ее, а не меня. Она посмотрела прямо на меня, в тот же момент что и он. Я не знала, что делать.

Я не могла говорить, я не могла ничего сделать достаточно быстро. Мои ноги онемели, и я застыла, просто стоя там и пристально глядя на них обоих. Мое сердце замерло, когда она прижалась к нему и сжала его руку, ухмыляясь мне. Она показала, что он принадлежит ей, а я должна отступить.

— Здравствуй, Виктория, рад тебя видеть здесь. Здравствуй, Прюденс. — Алекс выпустил руку Джейд и поцеловал нас обеих в щеки настолько холодно, насколько смог. Я не хотела, чтобы он ко мне прикасался, потому знала что его запах, его губы пробудят снова те чувства. Аромат его одеколона с нотками дорогой кожи и вина мог вернуть меня в ту ночь, когда он ушел от меня, или в ночь вечеринки. Я изо всех сил старалась не заплакать. В том, что он был с Джейд, не было ничего неожиданного. В глубине души я понимала, что он с ней. Я представляла их вместе, но не хотела верить. Теперь я видела это наяву. Я не могла смотреть ему в глаза, хотя и нуждалась в этом. Мне нужно было видеть эти глаза цвета расплавленного шоколада, которые пронзали все мое существо.

— Здравствуйте, сенатор Конрад. Рада снова вас видеть. У меня состоялся обед с вашим предвыборным менеджером и одной из лучших моих коллег. Она одна из самых крепких юристов, которых я когда-либо растила в качестве протеже.

— Что? Да, да, она провела потрясающую кампанию для меня. Как поживаешь, Прюденс? — Джейд закатила глаза и отвернулась. Алекс приковывал мой взгляд своими потрясающими темными глазами, проникающими насквозь, позволяя мне видеть, что он все

еще хочет меня. Он выглядел великолепно в костюме от Гуччи и темных очках на голове. Такой же костюм был на нем в ночь выборов, когда я оказалась в его руках. Было так тяжело стоять там и видеть человека, которого я любила, с другой женщиной. Я знала, ее он не мог любить.

— Замечательно. Спасибо, что спросили, — сказала я, стараясь не выдать голосом свое горе.

— Ты, должно быть, адски работаешь, если Виктория так хвалит тебя, — сказал он. Я уверена, просто из вежливости. Джейд смотрела на себя в пудреницу, крася помадой и без того огромные губы.

— Спасибо, я многому учусь у нее, — сказала я, прикованная взглядом к его прекрасному лицу, и улыбнулась. Он продолжал смотреть на меня, когда начал говорить с Викторией.

— Виктория, встретимся на следующей неделе на оглашении законопроекта. Хочу спросить тебя о нескольких вещах, пока мы держим их под контролем, — сказал он. Он старался смотреть в сторону, но я поймала его взгляд на моих губах и груди, пока он говорил. Я была так рада, что отлично выглядела с собранными волосами, в блейзере Шанель и такой же юбке длиной до колена и шпильках телесного цвета. На мне была прозрачная белая блузка, поэтому бюстгальтер был заметен под ней. Это и зацепило его взгляд.

— Отлично, сенатор. Пусть Сью позвонит мне в офис, и мы организуем это. Здравствуй, Джейд, — сказала она. Эта фурия стояла полуголая в платье из последней коллекции и на высоких каблуках. Она выглядела так, как будто хотела заставить свои губы стать еще больше, а ее загар напоминал пережаренную кожу. Хоть убей, но я не понимала, что он нашел в этой пластиковой подделке под женщину.

Она не ответила, лишь кивнула. Казалось, она прикладывает большие усилия, чтобы говорить. Я уверена, что это из-за того, что ее губы тянут вниз весь рот. Что это за шикарная женщина, которая не может говорить или поддерживать разговор. Я была уверена, что все, на что она способна, это обслуживать его своими огромными губами. Эта мысль заставила меня снова сдерживать салат внутри. Она просто не могла любить его так, как я. Даже несмотря на то, что, скорее всего, так оно и было, я должна прекратить об этом думать.

Слава Богу, кто-то захотел поговорить с Алексом, поэтому мы извинились и вышли. Мне нужен был поток свежего воздуха, чтобы не задохнуться. Мой блейзер намок от проступившего пота, а в голове стучало. Я почувствовала, как ко мне возвращается давняя паническая атака, которая у меня случалась, когда я была ребенком. С тех пор как мы с Бьюлой переехали, у меня не было ни одной, но сейчас я чувствовала, как она нарастает.

Мы покинули ресторан, Виктория говорила, пока парковщик подгонял ее Порше.

— Терпеть не могу ту сучку, которая с ним. Я никогда не пойму, что он в ней нашел. Она знатная шлюха. Мне интересно, она в курсе, что кожа не должна быть оранжевой?

Если бы я не была так расстроена, я бы рассмеялась от ее комментария. Я не хотела, чтобы она видела, как я расстроена, поэтому старалась как можно меньше поддерживать разговор.

— На этот счет я с тобой согласна, Виктория, — сказала, стараясь, чтобы слезы не проступили на глазах.

— Не знаю, думает ли он о том, как это влияет на его карьеру. С такой партией, как она, все, чего он добьется, это трудности. Надо будет поговорить с ним об этом во время встречи.

Надеюсь, он прислушается. Мы с Алексом давно знакомы. Я была его наставником, еще когда он посещал школу юристов, и помогла убедить его баллотироваться в Сенат.

Я была слишком подавлена горем, чтобы отвечать. Я старалась участвовать в разговоре и вести себя так, как будто ничего не случилось. Думаю, у меня получилось. Меня убивало, что он с ней. Он сказал, что они расстались, когда собирался ко мне той ночью. Или он мне солгал тогда, или их чувства вспыхнули с новой силой.

После нашего ланча и так называемого «девчачьего разговора» я вернулась на свое рабочее место и хотела побыть одна. Я не хотела ни с кем разговаривать, поэтому снова погрузилась в работу. Томас, конечно, хотел знать, почему я обедала с госпожой Змеюкой, и как только он меня увидел, то поспешил к моему столу.

— Это не твое дело, Томас. Мы должны были поговорить о клиенте, и она хотела сделать это за ланчем. Кстати, угадай, кого мы встретили, когда выходили из Синего Базилика?

Я хотела отвлечь его другой сплетней, чтобы он забыл, что я ездила на ланч с Викторией.

— Она взяла тебя в Синий Базилик. Там стакан воды стоит десять долларов. Там так хорошо, как о нем говорят? — Он посмотрел на себя в зеркало и поправил волосы. Он так сосредоточился на том, как выглядит, что я улыбнулась.

— Да, все так и есть, и когда мы выходили, то встретили Алекса с той шмарой.

— Да ладно! Как так? — спросил он. Быстро развернулся и сел на мой стол. Он любил так делать, когда был весь во внимании.

Я рассказала ему о ее огромных губах, и как Алекс поцеловал меня в щеку, и все. Я рассказала, как она прижималась к нему и пялилась на меня, когда мы выходили. Я сохранила самообладание и сдержала слезы. Надеялась, что это все звучит, как ничего не значащая мелочь.

— Она потаскуха, милая. Жаль, но такое не поможет его политической карьере. Он всего лишь пользуется ее губами. Ой, прости, я не должен так говорить при тебе, — скривился он.

Виктория, проходя мимо нас, прочистила горло. Я поняла, что это было напоминание держать рот на замке и способ отправить моего болтливого друга работать.

Мне было трудно сосредоточиться на работе, я все еще чувствовала жар от его губ на своей щеке. Воспоминания о его запахе снова были сильны. Я трогала свою щеку, вспоминая о его прикосновении, полных губах, и том, как они податливы. Хорошо, что в тот день у меня было еще две встречи, это помогло мне не думать о нем.

Позже, когда рабочий день подошел к концу, я проверила телефон и увидела сообщение от Алекса. Мое лицо залила краска, когда я увидела, как его номер вспыхнул в моем телефоне.

Глава 8

У меня было желание удалить сообщение не читая, но как я ни старалась, не смогла. Я должна была его прочитать.

Как бы ни было, я рад, что мы увиделись. Выглядишь потрясающе. А.

Я помедлила, прежде чем написать ему, но мне хотелось знать, что он скажет.

Вижу, Джейд вернулась.

Она не ты.

А я никогда не буду ей, правда?

Я скучаю.

Вот и все, что я от него получила. Я не знала, стоит ли мне отвечать дальше. Я больше не хотела ничего такого слышать. Он скучал по мне и не мог быть со мной. Я слышала это раньше и устала от этого.

Нужно ли мне ответить? Что это изменит? И я забила.

***

Бьюла поставила себе задачу изгнать из моих мыслей Алекса Конрада. Она решила водить меня на ланчи так часто, как это было возможно, а в свободное время устраивала смотрины с потенциальными кавалерами.

— Неужели кроме Алекса Конрада тебя больше никто не интересуется? — однажды за ланчем спросила меня бабушка. Мы сидели в нашем любимом месте под названием «Цветок Вишни», в котором бывали еще до моего переезда к ней. Бабушка была здесь звездой и ей это нравилось. Здесь все ее знали, любили и общались с ней. Это была обычная закусовая, но кофе и еда здесь были лучшими в Вирджинии. Мы заняли свои места в одной из виниловых кабинок с бумажной скатертью и пластиковым меню среди сенаторов, конгрессменов и их семей.

— Нет, я вообще ни с кем не хочу встречаться. Я всю жизнь буду одна и заведу кошек. Меня больше ничего не волнует. Может только ты и Тоби, — сказала я, глядя в свой стакан с водой. Эти разговорчики о свиданиях с моей бабушкой вызывали у меня жажду, поэтому я попросила у официанта еще один стакан. Она все время пичкала меня разговорами о мужчинах, хотя мне никто даже близко не был нужен.

— Это полный бред, Прюдэнс. Я могу организовать тебе свидание с любым из этих молодых людей или мужчин постарше, если хочешь. Назови любого. Тоби уже в кармане и никуда не денется от нас, — сказала она, обводя вилкой зал.

— Как тебе тот хорошенький парнишка, что сидит позади меня? Это сын сенатора Фишборна. Он поступает в Гарвард. Разве он не сказка? Я за секунду устрою тебе свидание. Просто скажи, — совершенно серьезно говорила она. Ее подработка свахой начинала меня раздражать.

— Нет, — заявила я, даже не глядя на сына сенатора Фишборна. У меня больше не было сил об этом думать.

— Ты ведешь себя как ребенок, Прюдэнс. Ты должна собраться и начать жить. Прюдэнс, тебе почти двадцать пять, а ведешь себя как двенадцатилетняя, или даже хуже, восьмидесятилетняя.

— Если я не могу быть с тем, кто мне нужен, значит, мне не нужен никто, — сказала я, с каждой минутой злясь больше, а я никогда не злилась на бабушку. Кажется, вот и еще одна тема для разговора.

— Помнишь ту песню? «Если не можешь быть с тем, кого любишь, люби того, кто рядом с тобой», — сказала Бьюла.

— Ненавижу эту песню.

— Ты невозможна. Я не понимаю, Прюдэнс, он же не единственный человек на этой земле.

— Для меня — единственный, — мне хотелось плакать. Даже мысль о нем превращала меня в фонтан, хоть я и старалась быть менее эмоциональной.

— Напоминаю, что он старше тебя. Это сейчас крутить роман с «взрослым» сенатором мило, а когда тебе будет пятьдесят, ему стукнет семьдесят, и он начнет носить подгузники.

Ты же будешь в самом соку, и вокруг тебя будут кружить старые дряхлые стервятники, — улыбнулась она.

Я не слышала ни единого слова, сказанного ею.

Бьюла не сдавалась и продолжала выливать на меня поток приемлемых для меня мужчин, хотя мне это было совершенно не интересно. Воскресный обед у нее больше напоминал брачное агентство. Конечно, она пыталась оправдаться фразами типа «Мой давний друг был проездом в городе!», или «Я подумала, ему было бы приятно тебя увидеть!», или «Я подумала, ему было бы приятно тебя увидеть!». Все стало еще хуже, когда каждый раз, как я приходила к Бьюле в воскресенье, ко мне подсаживали нового мужчину. Я так устала от этого, что начала брать с собой Томаса, чтобы сбить их с толку.

В конце концов, один меня заинтересовал, хоть он и не был одним из тех, кого сватала мне моя бабушка. Тревор Нэш был прекрасен, но он не был Алексом. Фактически внешне он был его противоположностью, и я решила, что так для меня даже лучше. У Тревора были светлые волосы, голубые глаза и невысокий рост. Он много тренировался, поэтому обладал мускулистым подтянутым телом. Тревор был старше меня и тоже работал юристом, и со стороны казалось, что мы хорошо подходим друг другу. Мы занимались в одном клубе, и несколько раз я обращала на него внимание. Он кружил мимо меня, пока я занималась кикбоксингом, и однажды вечером подождал меня у выхода.

— Привет, ты Прюденс Ромэйн?

— Да, — я замялась. Тревор всегда занимался поднятием тяжестей, пока я бегала на беговой дорожке, но я и не думала, что он знает меня. Я была разгоряченной, потной, растерянной, и не горела желанием говорить с кем-либо.

— Я много слышал о тебе, — сказал он. Я посмотрела в его томные серые глаза и была очарована его видом. Я понятия не имела о чем он, но продолжала слушать.

— Надеюсь хорошее?

Мы разговаривали перед залом, в который входили и выходили люди. Он попросил у меня номер телефона и через день позвонил, чтобы пригласить меня сходить куда-нибудь. Я неохотно согласилась, думая, что это будет забавно и остановит мою бабушку от дальнейших попыток организовать мне свидание, и надеюсь, что это уймет ее хотя бы на какое-то время.

— Я не заглядываю так далеко наперед, бабуля. Ты знаешь, что я чувствую к Алексу, и это не то же самое. — Я делала уборку в квартире после обеда в субботу, и она пришла помочь.

— Просто попробуй. Ради Бога, ты же не замуж за него собираешься. Всего одно свидание, — сказала она.

— А вдруг я нарвусь на Алекса, и он подумает, что я его забыла?

— Ну, в этом случае ему придется стараться сильнее, чтобы вернуть тебя. Если так суждено, Прюденс, то так оно и будет. А теперь иди и веселись, — выпроваживала она меня.

Тревор пригласил меня на выступление Джимми Баффетта, и мы отлично проводили время. Мы смеялись всю ночь напролет. Свидание стало просто идеальным, когда мы сидели на газоне с кричащими фанатами Джимми Баффетта и веселились до утра. Я пила пиво и слушала отличную музыку.

Мы начали время от времени встречаться, и вскоре уже были парой. У Тревора был один недостаток — он очень любил вечеринки. Когда мы только начали встречаться, он напивался только в выходные. Чем больше он привыкал ко мне, тем чаще я стала замечать, что он мог быть пьян и в любой день недели. Когда он напивался, ко мне возвращались

воспоминания о маме и моей прежней жизни. Все, чем мы занимались, крутилось вокруг выпивки или его друзей по колледжу. Однажды вечером мы решили поужинать после работы. Он уже расправился с тремя рюмками водки и страшно злил меня.

— Да перестань, Прюденс. Мне это просто необходимо, — сказал он, когда мы сидели в чересчур переполненном «Синем Базилике». Он сказал это так громко, что его услышал весь ресторан. Я была потрясена.

— Тревор, пожалуйста, заткнись. Я в курсе, чего ты хочешь, и мы это сделаем, когда окажемся дома. А сейчас нечего так орать, — прошипела я сквозь зубы.

— Ведешь себя благоразумно, Прюденс [*Prudence в переводе с английского — благоразумие*], — засмеялся он. Я пыталась закончить ужин, пока он изо всех сил старался не свалиться с ног. Чем дальше шел вечер, тем быстрее переполнялась чаша моего терпения.

— Ты меня так заводишь, детка. Это все твои большие сиськи. Они сносят мне крышу, — он не унимался и попытался схватить меня под столом, пока мы ели. Это была последняя капля, поэтому я попросила счет, чтобы уйти и, как обычно, отвезти его домой.

Не считая его постоянного пьянства, он разделял мою любовь к старой музыке, политике и антиквариату. К несчастью, он был убежденным республиканцем, но мне нравилось вести с ним политические споры, когда он был трезв. Я рассказала ему об Алексе, и он не был удивлен или расстроен. Мне нравилась его компания, и секс с ним был не плох временами. Мы встречались, и жизнь продолжалась. Он был хорош собой и, если мы куда-то ходили, и он был трезв, нас считали красивой парой. Но как только он напивался, то превращался в настоящего придурка.

После нескольких месяцев свиданий Тревор пообещал прекратить пить, и мы отправились отдохнуть на Арубубу на неделю. Это был наш первый настоящий отдых за то время, что мы были вместе, и я впервые была на Арубубе. Мысль о том, чтобы рвануть на пляж и несколько дней посвятить отдыху, была чудесна. Я не могла дождаться отъезда, чтобы забыть об обязательствах, холодной погоде и политике. Но моя эйфория была не долгой. Весь отдых я занималась тем, что каждый день вытаскивала Тревора из бара.

— Тревор, ты пьян. Ты же обещал, — говорила я. Мы еще даже не успели выйти из номера отеля, а он уже был готов.

Я занималась всем этим из единственного соображения — я не могла быть с тем, с кем хотела, а Тревор был тем, кто рядом.

— Дорогая Прюденс, улыбнись, — пропел он, пока спотыкаясь и смеясь выходил из душа. Когда он был пьян, он любил напоминать мне о моем имени и той песне. Моя мама любила всего две вещи. Наркотики были на первом месте и «Битлз» на втором. Она дала мне имя в честь двух их песен «Дорогая Прюденс» и «Эй, Джуд». Я ненавидела свое имя и хотела его поменять, сколько себя помнила. Но чем старше я становилась, тем спокойнее принимала тот факт, что когда люди слышат его, они могут начать петь эту песню или как-то глупо упоминать о ней. После той ночи большую часть своего отдыха я провела в одиночестве, потому что он или спал, или напивался до тех пор, пока не вырубался. Само собой, я мечтала скорее вернуться домой.

После нашего ужасного совместного отдыха я нашла повод порвать с ним. Наша любовная связь очень быстро сошла на нет. Я боялась, что если останусь с ним, то его пьянство и оскорбления с каждым разом будут все хуже и хуже. Мне не нужен парень, который тянет меня вниз, а это именно то, к чему мы, скорее всего, пришли бы. Его постоянные пьянки напомнили мне о том, как я жила с мамой, и том хаосе, в котором

оказались из-за этого.

Незадолго до того, как мы расстались, я приняла приглашение на мероприятие по сбору средств Демократической партии, и Тревор был моим сопровождающим. Это было одно из крупнейших благотворительных мероприятий года, в числе присутствующих были самые громкие имена, включая президента. Поскольку я собиралась участвовать в следующей предвыборной кампании, я должна была вращаться в этих кругах. Мне очень хотелось, но я боялась встретить там Алекса и Джейд. Вероятность была довольно высока, потому что они, скорее всего, были в числе приглашенных. Алекс любил такого рода мероприятия, и если он там будет, то и она, скорее всего, тоже. Я умоляла Тревоора быть хотя бы слегка трезвым, но уже ранним вечером стало понятно, что все зря.

Я стояла рядом с баром, пытаюсь увести оттуда Тревоора. Я выглядывала в толпе знакомые лица, когда мой взгляд упал на Алекса. Небрежно опираясь о стену с бокалом в руке, он беседовал в компании нескольких человек и, как всегда, был неотразим. Он подмигнул мне, и я схватилась за барную стойку, чтобы не упасть с высоты своих шестидюймовых шпилек. Я попросила бокал шампанского, чтобы успокоить нервы. Парой глотков я его осушила и попросила еще один. Конечно, Джейд была где-то неподалеку, следила за ним и, я подозревала, могла объявиться в любой момент. Поток гостей непрерывно двигался, и люди из него постоянно разговаривали с ним, но между рукопожатиями, похлопываниями по спине и короткими политическими беседами он продолжал смотреть на меня.

На мне было платье из последней коллекции Гуччи. Оно было коротким, черным, кружевным, и идеально облегало мою фигуру, подчеркивая каждый изгиб. Я купила новую пару шпилек от Лабутен и, надо признать, выглядела очень сексуально. Я хотела выглядеть соблазнительно, чтобы помучить Алекса, когда он увидит меня с другим. Это и был тот самый момент.

Наши глаза встретились снова, и я забыла о том, что надо увести Тревоора, и села с ним у бара. Меня больше не интересовало, чем он занимается. Мое внимание было сфокусировано только на одном человеке. Алекс Конрад был в зале, все остальное не имело значения. Я хотела свести его с ума, чтобы он понял, что потерял. Покусывая губы, я убедилась, что когда скрещиваю ноги или кладу ногу на ногу, он может мельком видеть мое бедро. Получилось. Он не мог оторвать от меня глаз. С другой стороны Тревор не мог оторвать от меня руку, но я была не в настроении, чтобы он прилюдно показывал, чего хочет. Я оттолкнула его жадные руки, когда он попытался просунуть их у меня между ног.

— Тревор, пожалуйста, не здесь. Я не хочу выглядеть как дешевая шлюха. Здесь слишком много важных людей, мне нужно поддерживать имидж. Господи, да где-то здесь президент, — произнесла я, снова отталкивая его от себя.

Он напился еще до того, как начали подавать еду. Вел себя громко и отвратительно, и все время находил способы поставить меня в неловкое положение.

— Детка, я люблю тебя. И хочу, чтобы каждый здесь знал, что ты моя. Твое упругое тело заводит меня. Прюденс Ромэйн — моя, — заорал он и рассмеялся. В голове пронеслась мысль треснуть его каблуком по голове.

— Тревор, пожалуйста, прекрати. — Я снова оттолкнула его, хорошо зная, что ничего не изменится. Он выглядел исключительно хорошо в смокинге, но его поведение так все портило, что это переставало иметь значение. Я уже решила, что ничего в плане секса между нами не будет, когда мы уйдем. Я собиралась порвать с ним этим же вечером.

Поглядывая на Алекса, я поняла, что он наблюдал за нами, пока я отталкивала от себя Тревора.

— Эй, барная давалка, еще виски и пива, — проорал он официантке, которая была занята обслуживанием других гостей.

Отвернувшись, я решила, что с меня хватит, и я должна как можно быстрее уйти от него. Он даже не заметил, когда поднялась и ушла. Я вышла на улицу, чтобы глотнуть свежего воздуха и найти место, где не курят. Небо было чистым и усеяно звездами, я села на холодную бетонную ступеньку и вдохнула прохладный ночной воздух.

Минуту спустя я заметила, что Алекс пошел за мной. В смокинге он был неотразим, и мой пульс подскочил до небес.

— Бойфренд сегодня в ударе. Похоже это ты на него так действуешь, — сказал он. Алекс сел рядом со мной, держа в руках два бокала с шампанским. Он протянул мне один из них, и я вздрогнула, когда наши пальцы соприкоснулись. От него как всегда приятно пахло.

— Что тебе нужно, Алекс? Ты всегда стараешься сбежать в другую сторону, когда меня видишь. Может тебе и сейчас так сделать?

Хоть я и была рада увидеть его, но настроения идти у него на поводу только лишь для того, чтобы увидеть, как он сбегает, будто мальчишка, у меня не было. Мой лимит мальчишек на сегодня был исчерпан.

— Я хотел увидеть тебя. Мы так и не поговорили. — Алекс выглядел прекрасно и то, что он был у меня перед глазами, не давало ясно мыслить. Я тянула момент, когда могла выпить с ним незаметно от всех. Я не знала, когда еще мы будем так близко друг к другу.

— Не по моей вине. Разве ты не должен быть там со своей подружкой пока она тебя не хватилась? Я вижу, вы опять вместе. Может это любовь? — спросила я. Тепло его тела обжигало меня. Его бедро касалось моей голой ноги, посылая волны жара в то место, которое жаждало его внутри. Я даже не осмеливалась посмотреть ему в глаза.

— Ты выглядишь чертовски прекрасно сегодня. Надеюсь, ты побудешь здесь еще немного, — сказал он, делая глоток шампанского и игнорируя то, что я сказала про Джейд.

— Ну, теперь ты должен сказать, что я тебя возбуждаю, но ты не можешь так? Я больше не хочу это слышать.

Он опять пропустил мимо ушей мой ехидный комментарий.

— Этот недоразвитый богатенький мальчик тебе не пара. Дай угадаю, тебе скучно и неловко, — сказал он.

— Парень, который мне пара, не хочет меня. Каждый раз, когда мы вместе, парень, которого я хочу, бросает меня и не говорит почему. Я надеюсь, ты больше не будешь подсаживаться ко мне и разговаривать. Мне больше нечего тебе сказать. Я должна забыть тебя после той ночи и после моей вечеринки, когда ты оставил меня. Каждый раз, когда я тебя вижу, чувства возвращаются, и я с этим ничего не могу поделать.

— Прюденс, я хотел быть с тобой той ночью, и до сих пор хочу. Твое тело, твой запах — все это до сих пор в моей памяти. Я думал, что если приду к тебе на вечеринку, то поменяю мнение, но все только усугубилось, — сказал он.

Я не могла ничего говорить, мне казалось, что он забыл меня, потому что они с Джейд все еще были вместе.

— Это слишком для меня. Я не могу забыть, что тебе уже не шестнадцать. То, как ты возвращаешь меня к жизни, каждый раз, когда я рядом с тобой, пугает меня. Так не должно быть.

— Так если ты не можешь об этом забыть, почему достаешь меня, тратишь свое и мое время, говоря все это? — прохладный воздух и тепло его тела так близко от меня вызывали дрожь.

— Я не вижу в тебе маленькую девочку, как было той ночью. Я не знаю. Что-то есть в том, как ты выглядишь сегодня. Что-то изменилось, Прюденс. Я чертовски по тебе соскучился. — Я закрыла глаза и, наслаждаясь его присутствием, захотела свернуться клубочком и раствориться в нем. Это был единственный человек, которого я любила, и притяжение, которое влекло меня к нему, было очень сильным. Мы были как магниты, которые пытаются предотвратить неизбежное.

— Не общаться с кем-то, потому что тебя это «пугает», просто смешно. Оттолкнув меня на моей вечеринке, ты причинил мне сильную боль. Ты сказал, чтобы я дала тебе время. Я дала, но ты так и не вернулся. Я не маленькая девочка, Алекс. Что я еще должна сделать, чтобы стать более желанной? — Я скрестила ноги, и мое платье поднялось выше. Он заметил.

— Ты всегда была желанна для меня, Прюденс. Господи. Неужели ты думаешь, что уйти в ту ночь для меня не было пыткой? Я сел в машину и колесил всю ночь, стараясь выбросить тебя из головы. Я так много раз хотел позвонить или повернуть обратно и приехать к тебе. Наконец я позвонил, и ты не ответила. Когда я вернулся, кто-то уже припарковался у твоего подъезда, поэтому я уехал. Ты в моих мыслях каждую минуту, что я бодрствую. Каждую ночь перед сном я представляю тебя, стоящую передо мной без блузки и в тех джинсах. Твоя грудь такая красивая. Я скучал по вкусу твоих губ. Когда я дотрагиваюсь до себя, в мыслях только то, как ты доводишь меня до грани. Ты не представляешь, как я соскучился по тебе и как сильно я хочу тебя. — Я застыла. Он хотел меня так же, как и я его.

— Тебе холодно? — спросил он, когда я посмотрела ему в глаза.

Я не ответила. Я не знала, оцепенела ли я от того, что он сказал, или от того, что холодно. Алекс снял смокинг и набросил его на мои плечи. Он был теплым от его тела и пах его одеколоном.

Он продолжил говорить:

— Я слышал, что у тебя все серьезно с Тревором, и держал дистанцию. Я решил, что если я буду нужен тебе, то ты сама сможешь прийти. Ты не приходила, поэтому я снова начал встречаться с Джейд. Она не заменила мне тебя. Ни в коей мере. Мне нужна женщина, которая сопровождала бы меня на такого рода мероприятия. Джейд подходит эта роль, вот и все. Это все, что есть между нами. Ты не можешь быть счастлива с тем придурком. Он не достоин тебя.

Я наградила его тяжелым взглядом. То, что он сказал, было правдой, но это не давало ему права ставить под сомнение мой выбор и указывать мне с кем быть, после того, как посреди ночи он бросил меня, распаленную и жаждущую его. Это он ушел от меня.

— Во-первых, давай не будем говорить о том, что достойно или не достойно меня, пока ты таскаешься с этим пережаренным куском кожи в стриптизерских туфлях. С какой стати я должна была сама к тебе прийти, когда это ты от меня ушел и, между прочим, дважды. Я не играю с мужчинами. Есть одна вещь, которую я знаю точно: я не гоняюсь за мужчинами и не заставляю их встречаться со мной. Даже тебя, Алекс Конрад. И этот манекен, которого ты называешь подружкой, так же отвратителен, как и Тревор, если не хуже.

— У тебя был секс с этим идиотом? — спросил он, делая последний глоток шампанского и ставя бокал на пол. Он облизнул губы, и от этого вида я вздрогнула.

— А как ты думаешь, Алекс? И с какой стати тебя это волнует? Тревор не отталкивает меня. Он хочет меня. И он не болтает и не дразнит. Он просто рядом. Я могу задать тебе тот же вопрос. У тебя был секс с Джейд?

— Она даже не твоего уровня, Прюденс. Это просто выход. Быть с ней — ничто, по сравнению с тем, что я чувствовал к тебе той ночью, хотя я даже не занимался с тобой любовью. Я не могу просто стоять и смотреть, как тот парень прикасается к тебе. Меня тошнит от того, что вижу, как он трогает твои ноги и целует тебя. На его месте должен быть я.

Мое сердце заныло, когда он сказал это.

— На его месте мог быть ты, много раз, но ты оттолкнул меня, — сказала я, делая глоток шампанского.

— Стой здесь. Я быстро вернусь. Прошу, не уходи, — сказал он. Я пристально смотрела на него, когда он уходил, забирая наши пустые бокалы и оставив свой смокинг накинутым мне на плечи. Закрывая глаза, я поднесла рукав к носу и вдохнула его запах. Мои соски затвердели в бюстгальтере. Я не могла сопротивляться ему. Потребность, которую я чувствовала, была слишком сильной. Боже, как же я хотела его.

Через несколько минут Алекс вернулся.

— Мистер Нэш в порядке. Я попросил одного из моих людей убедиться, что он добрался домой целым и невредимым. К твоему сведению, он был занят одной брюнеткой, такой же пьяной, как и он сам, — сказал Алекс. Он развязал галстук-бабочку и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

— Служащий должен подогнать машину. Пойдем со мной.

По его сигналу машина подъехала прямо ко мне.

— У тебя есть «свои люди»? — спросила я, не сильно этому радуясь. Я неохотно села в машину, но он был так красив, что невозможно было злиться.

— Садись в машину, Прюденс. Я хочу заниматься любовью с тобой всю оставшуюся ночь, а она скоро закончится, — сказал он.

Служащий подмигнул, выходя из машины Алекса.

— Куда мы едем? — спросила я, позволяя ему взять ситуацию в свои руки.

— Ко мне домой. Я устал от подлиз. Я хочу лечь с тобой в постель и получить то, что мне причитается.

Жар пронизывал все мое тело. У меня перехватило дыхание от желания и от страха, что он снова оттолкнет меня. Могла ли я верить, что он не причинит мне боль?

— Ты уверен, что в этот раз справишься?

— О, да, чертовски уверен, — улыбнулся он, переключая передачи и устремляясь в ночь.

— Лучше, чтобы так оно и было, Алекс Конрад, потому что я даю тебе шанс в последний раз. — Он взял мою руку и поднес ее к губам, целуя мои пальцы и не отрывая глаз от дороги. Его губы на моей коже обжигали и пробуждали воспоминания о том, что они были и на других частях моего тела.

Глава 9

— Что заставило тебя передумать?

— Я решил послать все к черту, Прюденс. Я хочу тебя, ты хочешь меня, так какого хрена я делаю? Я же гребаный сенатор штата Вирджиния. Я должен быть мужиком и вести себя соответственно. Я должен взять свое до того, как какой-нибудь идиот решит опередить меня.

На следующем красном сигнале светофора я поцеловала его. Я мечтала об этих губах слишком долго, помня о том, какими я их чувствовала на своем теле. Его губы были такими теплыми и влажными, и я захотела большего.

Я взяла его правую руку с руля, поцеловала пальцы и положила ее под платье между ног. Из-за него я становилась горячей и влажной, и я хотела, чтобы он узнал об этом как можно скорее. Он хитро улыбнулся.

— Вот, что ты со мной делаешь, Алекс Конрад, — прошептала я, глядя на него.

Он отодвинул мои трусики, и его палец начал изучать меня, пока он смотрел на дорогу. То, что я почувствовала от его прикосновений, накрыло меня. Я не могла сопротивляться ощущениям от его пальца внутри меня. Я сглотнула, пытаюсь не застонать.

— Прюденс, ты такая нежная и тугая, — сказал он, продолжая внимательно следить за дорогой.

Я закрыла глаза и наслаждалась ощущениями, которые проходили через мое слишком чувствительное тело. Я не чувствовала такого с тех пор, как он последний раз прикасался ко мне.

— Давай оставим это до приезда домой. Я хочу, чтобы ты была в моей постели, когда кончишь в первый раз, — сказал он, выскользывая и сжимая мою ногу.

Он нажал на газ, и, казалось, через минуту мы подъехали к его дому. Он оказался огромным бревенчатым строением, по крайней мере, в три этажа, и находился на отдельном участке земли без соседей поблизости. Дом был похож на лыжную базу с соснами, водопадами и освещением по всему газону. Я слышала о нем во время кампании, но сама никогда не видела.

— Милое место, сенатор, — сказала я, когда машина въехала во вместительный гараж. Там уже стояли две более старые машины, мотоцикл и снегоход. Он остановился и заглушил мотор.

— Слишком большой для одного парня с собакой, — сказал он, поднимаясь.

Двери гаража закрылись, я не стала ждать, пока он откроет мою дверь. Я была намерена оказаться с ним в постели до того, как он передумает.

Мы вошли внутрь, и пока направлялись в просторную кухню, которая была выполнена в том же деревенском стиле, что и дом, его рука лежала на моей заднице. Его пес, сенбернар, начал лаять на меня.

— Бекет, нет, — сказал он, когда пес прыгнул на меня и лизнул в лицо, практически сбив с ног. Хотя бы кто-то не боялся меня поцеловать.

— Привет, Беккет, разве ты не милашка? — сказала я, глядя его по голове.

— Беккет — спасатель. Он попал ко мне еще щенком. Пять лет назад он еще был нормального размера, а сейчас на него можно ставить седло. Он мой лучший друг, но ест как конь. Беккет, сюда, — сказал Алекс. Схватив его за ошейник, он затащил пса в комнату для стирки и закрыл дверь.

— Извини, он не привык к гостям, особенно к сексуальным женщинам в коротких платьях. Я уверен, он покорен твоей красотой.

— Не могу поверить, что у тебя не бывает много гостей, Алекс.

Алекс подошел ко мне сзади и начал поднимать платье, чтобы рассмотреть меня. Я оттолкнула его руки, чтобы он не смог ничего увидеть, пока мы не окажемся в спальне.

— Думаю, ты можешь подождать, пока я не буду уверена, что ты снова не сбежишь, — сказала я.

Он засмеялся и выложил на стол ключи, телефон и бумажник. Снял часы, и это выглядело очень сексуально. На мне все еще был его смокинг, я сняла его и положила на стул. Алекс внимательно за мной наблюдал.

Я воспользовалась возможностью лучше разглядеть его дом. Бревна были повсюду. Кухня была огромной с гранитной столешницей и встроенной духовкой. Столовая и гостиная были просторными, благодаря сводчатым потолкам и мансардным окнам. Дом был безукоризненным и брутальным, с жесткими чертами, прямо как его владелец. Было ясно, что Алекс гордится им.

— Где твоя спальня? — спросила я, не желая больше тратить время впустую.

— Вверх по лестнице, первая дверь налево. Я принесу вина. Иди и чувствуй себя как дома. Я скоро буду.

— Поторопись.

Он тяжело выдохнул, заглядывая в холодильник, когда я поднималась по винтовой деревянной лестнице на второй этаж.

Дверь в спальню была открыта. Я остановилась, осознавая, что вхожу в святая святых Алекса Конрада. Комната, о которой я так много фантазировала, о ее запахе, и том, какая там должна быть кровать. Первое, что я увидела, огромная не заправленная кровать королевского размера с балдахином, застеленная клетчатыми фланелевыми простынями, большими подушками и смятым одеялом. Вид его кровати с балдахином впечатлил меня больше всего. Я представила, как он спит на животе с включенным светом или, что еще лучше, если бы он спал голым. А потом я представила, что раньше здесь была Джейд. Эту мысль я выбросила из головы.

В стену был встроен камин, а напротив кровати висел телевизор с плоским экраном. Комната была большой, в ней находились диван и письменный стол, который стоял в углу напротив панорамного окна от пола до потолка с видом на пруд. Я вдохнула слабый запах его одеколona и обожженного недавним огнем дерева. Я нашла дорогу к ванной для того, чтобы освежиться. Я ждала этого дня с того момента, когда мне было шестнадцать, и не могла допустить, чтобы что-то его испортило.

Когда я вышла, Алекс сидел спиной ко мне, разжигая огонь. Холодный бокал с вином стоял на тумбочке у кровати. Я была так взволнована, что хотела выпить все залпом. Но Алекс подошел, взял бокал и сделал глоток, не дав мне такой возможности.

В его взгляде было такое напряжение, которого я раньше не видела.

— Что за выражение я вижу на твоем лице, Алекс? Ты такой серьезный, — сказала я, взяв у него бокал и делая глоток. — Только не говори, что снова передумал.

Он взял бокал у меня и допил то, что в нем оставалось, не отрывая от меня глаз.

— Не в этот раз. — Он оглядел меня с ног до головы.

— Что не так? — спросила я, прижимаясь своим разгоряченным телом к нему. У него была эрекция, и я потерлась об него.

— Я думаю о способах, которыми заставлю тебя кончить сегодня в своей постели. Постели, в которой ты уже давным-давно должна оказаться. Ты чертовски сексуальна, Прюдэнс.

Я опустила глаза, но он взял меня за подбородок и заставил посмотреть на него.

— Мне нравится смотреть на тебя. Нравится с того дня, как ты начала работать у меня. Мне нравится, как ты стоишь, сидишь, ходишь и разговариваешь, так уверенно и грациозно, как будто мир принадлежит тебе.

— Это все годы притворства и непрерывной терапии, — я покраснела под его испытывающим взглядом.

— Тут что-то большее. Ты прекрасна без усилий. Некоторые девушки не могут прожить без тонны макияжа и гонятся за прическами как у звезд. Они должны купить что-то от того или другого дизайнера, все их усилия направлены на то, чтобы казаться привлекательнее. Но ты, Прюденс, ты ошеломительна, великолепна от природы и так сексуальна, и даже не осознаешь этого. Я так давно хочу тебя. — Его дыхание пахло вином, я захотела снять с него одежду и затащить в постель. И я поцеловала его.

— И я хочу, Алекс. Очень, — прошептала я ему в губы.

Он стянул заколку с моих волос, наблюдая, как они рассыпаются по моим плечам. Я встряхнула ими и повернулась спиной, чтобы он расстегнул мне платье. Алекс поставил бокал и начал медленно расстегивать молнию, позволяя своим, пока еще холодным, пальцам скользить по моей теплой коже. Придерживая платье спереди, я повернулась, посмотрела на Алекса и дала платью упасть на пол. Я стояла перед ним в кружевном бюстгальтере, трусиках и туфлях. Я выбрала комплект, как я думала, его любимого цвета — черный и кружевной, как мое платье.

— Ты так красива, что сводишь меня с ума, — сказал он, пока его взгляд скользил по моему телу.

Мое дыхание стало прерывистым, когда поняла, что тот самый момент настал. Мысли о ком-то еще кроме него покинули меня, я полностью принадлежала ему.

— Я вся твоя. — Я взяла его за руку и потянула к кровати. Толкнула и забралась на него сверху, сбрасывая туфли. Он был как исполнившаяся мечта. Его тело было так притягательно, я могла только представить, как хорошо будет чувствовать его. Но он не спешил прикасаться ко мне.

— Ты можешь дотронуться до меня. Это делается вот так. — Я улыбнулась, стараясь поощрить его.

— Ты как запретный плод, Прюденс. — Его голос прозвучал хрипло и чарующе.

— В этот раз Вам лучше не останавливаться, сенатор. — Я поцеловала его долгим и страстным поцелуем, который, казалось, длился вечность. Я позволила своему языку скользнуть между его губами и проникнуть внутрь его рта. Пососала его язык, который заставлял меня хотеть сделать то же самое с его членом. Он застонал животным хрипом и ответил на поцелуй, схватив мою голову и прижав меня ближе к себе. Его тело подо мной было напряжено, и я не знала было ли это от страха или от того, что происходило. Его стон говорил о том, что он сдался мне на милость и был моим, по крайней мере, в эту ночь. Я прервала наш поцелуй, проследовав губами вниз по шее, вычерчивая языком узоры на его коже. Его щетина царапала мой язык, и я почувствовала, как он наконец-то расслабился подо мной.

Я начала расстегивать его рубашку. Казалось, что пуговицы никогда не закончатся. У меня не получалось раздеть его так быстро, как мне хотелось.

— Господи, Прюденс.

В прошлый раз у меня не было возможности разглядеть его перед тем, как он сбежал. В этот раз я впитывала каждый дюйм невероятного тела Алекса, стараясь запечатлеть его в своей памяти. Я не могла поверить, что вот уже сейчас он будет обнажен. Все, о чем я мечтала, было передо мной. Наконец я расстегнула все пуговицы на его рубашке. Поцелуями проложила дорожку к его животу, пока не увидела шрам.

— В тебя стреляли сюда? — спросила я, пробегая пальцами по большой отметине на его животе.

— Сюда.

— Я до сих пор не могу поверить, что ты принял пулю на себя, — прошептала я, глядя в его глаза.

— Я бы сделал это снова, если бы пришлось, — прошептал он в ответ.

Мое сердце таяло от понимания, на что этот человек пошел ради меня.

Мне захотелось подразнить его, и я начала расстегивать его ремень зубами. Он положил подушку под голову, чтобы видеть меня. Застонал снова, в этот раз более сладострастно, и провел рукой по моим волосам. Я вытащила ремень и швырнула его на другой конец кровати.

Я взволнованно расстегнула пуговицу на его брюках, расстегнула молнию. Я хотела увидеть черную полоску, которая шла от пупка к его потрясающему члену. Мой язык проследовал по ней, целуя и покусывая. С помощью Алекса я сняла с него брюки, оставив в боксерах. Дотронулась до его члена через тонкий слой ткани. Алекс тяжело вздохнул. Я посмотрела на него. Его лицо вспыхнуло.

— Иди ко мне.

Не раздумывая, я двинулась вдоль его тела, целуя его по пути. Он дотронулся до моих грудей, сжимая и пряча лицо между ними. Я хотела, чтобы никто кроме него не прикасался к ним снова.

— Алекс, — прошептала я.

— Боже, я так давно мечтал, чтобы прикоснуться к тебе, Прюденс. Я так по тебе скучал. Я не хочу, чтобы кто-то еще прикасался хотя бы к малейшей части твоего тела, — сказал он. Он начал лизать мои соски через кружевную ткань. Мне стало жарко, моя кожа трепетала, а между бедер запульсировало. Он протянул руку и дотронулся до моего клитора пальцем через кружевное белье. Ощущения невыносимо обострились.

— Я буду трахать тебя всю ночь, Прюденс. Ты кончишь много раз. Я буду дразнить тебя, играть с тобой и иметь тебя всю ночь. — Я была более чем возбуждена. Если он мог довести меня до такого только лишь словами, то, что он может делать своим телом, должно быть просто невероятно.

— Я хочу тебя глубоко в себе, Алекс, — умоляла я, пока он продолжал трогать и ласкать меня через кружево.

— Еще нет, детка. Я хочу немного поиграть с тобой. Ты пока не готова для меня, — простонал он, дразня мой клитор.

— Я уже готова. — Мой клитор содрогнулся под его пальцем.

У меня вырвался стон, когда я отдалась пульсирующим ощущениям, пронзившим меня насквозь. Мое тело раскачивалось назад и вперед, пока его палец ласкал меня.

— О, Алекс, — выдохнула я, чувствуя оргазм, подобного которому я никогда ни с кем не испытывала. Я не могла остановиться, это заполнило все мое тело. Я вскрикнула, и мои ноги задрожали и крепко сжали его талию. Я откинула голову назад и изогнулась, полностью отдаваясь оргазму.

— О Боже, да, — все, что я могла произнести. То, что я испытывала, длилось долго и мощно, и все это время он продолжал ласкать меня.

— Господи, ты кончила, Прюденс? — Мои стоны сказали ему, что да.

Это был долгий оргазм, и я не могла остановить его.

— Я даже еще не добрался до твоих прелестей, а ты уже кончила. Боже, Прюденс, ты такая страстная.

Он расстегнул лифчик и бросил его на кровать. Его руки коснулись моей голой груди, мне показалось, что я снова готова взорваться.

— Твоя грудь такая совершенная и полная.

Он взял каждую из них и пососал одну за другой. Я не могла отвести от него взгляд и наблюдала, как Алекс, закрыв глаза, получал удовольствие от того, что делал. Он делал это с обожанием, и его рот превращал мои соски в твердые комочки. Алекс перекатил меня на спину, и теперь был сверху. Я нежно погладила его по лицу.

— Ты самый прекрасный мужчина, — я застонала, стаскивая с него боксеры. Сжала руками его упругие ягодицы, когда он толкнулся между моими изнывающими бедрами. Я крепко сжала своими бедрами его, подавшись навстречу его горячему бархатному члену. Он поддразнивал мокрый и жаждущий вход в мое тело. Это длилось слишком долго, а я больше не могла ждать.

— Прошу тебя, Алекс, — молила я между поцелуями, которыми он покрывал мое тело. Каждый раз, когда его рот прикасался к моему, я становилась еще более влажной.

— Еще нет, малыш. Сначала я хочу распробовать тебя. Я представлял, какой сладкий вкус у твоей киски и знаю, что она восхитительна, — он мечтательно улыбнулся и погрузил меня во влагу своего поцелуя. Он лизал и поглощал меня, погружая язык в глубину моего тела.

— Господи, как совершенно твое тело, — простонал он.

— Ты не должен этого делать, — прошептала я.

— О, да, не должен, но хочу. Ложись на спину и дай мне насладиться тобой. Я хочу почувствовать, как ты кончаешь мне на лицо, — он подмигнул. Алекс казался замороженным и, разместившись между моих ног, положил их себе на плечи. Я запустила руки в его волосы, и все вокруг меня остановилось.

Сначала он поддразнил меня, лизнув внутреннюю поверхность бедер, подобрался ближе к моему горячему ноющему лону и остановился. Повторяя так до тех пор, пока я не начала дрожать. Он поцеловал мой распухший клитор и подул на него своим горячим дыханием. Я вся сгорала от нетерпения. Попыталась расслабиться и посмотреть на колеблющиеся тени на потолке от пламени в камине, чтобы отвлечься, потому что не хотела кончить так быстро.

— Нежная и гладкая. Я знал, что ты именно такая. Я знал, что ты станешь влажной и набухшей, как сейчас. Ты была такой же той ночью, когда я прикасался к тебе. Я чувствовал, как пульсировал твой клитор.

Его щетина скользнула по моим бедрам, заставляя их гореть, но мне это понравилось. Его грязные разговорчики снова возбудили меня.

Он подложил руки мне под ягодицы, чтобы приподнять меня навстречу его рту. Поглощая меня, как будто испытывал голод, какого я никогда не знала. Он изучал языком каждую складочку моей горячей плоти, мучая меня, доводя до грани и останавливаясь. Это было невыносимо. Я прижала его голову к своему телу, желая, чтобы он довел меня до вершины блаженства. Его язык кружил вокруг моего трепещущего входа, дразня и доставляя удовольствие. Мужчина, которого, как я думала, больше никогда не увижу, был со мной в постели, пробуя на вкус мои самые потаенные точки и наслаждаясь ими.

— Пожалуйста, Алекс, не останавливайся. — Я взмолилась. Мои руки были в его волосах, влажных от пота.

На секунду он прервался и посмотрел на меня.

— Что такое? — прошептала я, глядя на него. Я была так возбуждена, что едва могла говорить.

Его лицо блестело от моей влаги, и губы были влажными и припухшими.

— Мне нравится знать, что то, что я делаю с тобой, заставляет твою киску изголодаться по мне и стать такой влажной. Мне нравится знать, что ты почти кончила мне на лицо, — прохрипел он. Его слова стали еще непристойнее.

— Это все ты, Алекс, вот что ты со мной делаешь. Только ты так действуешь на меня. И это прекрасно, — произнесла я.

Он продолжил заниматься со мной сексом ртом, постанывая, когда лизал меня. Я лежала на спине и позволяла ему делать со мной все, что захочется, умирая от удовольствия, которое творили его язык и губы. Мышцы Алекса были твердыми и напряженными, пот покрывал наши тела.

— Оближи мои пальцы, детка, — сказал он и положил мне в рот два пальца. Я лизала и сосала их так, как если бы это был его член. Он ввел их внутрь меня убийственно медленно. Я не могла сдержать крик, вырвавшийся из моего горла, выгнула спину и прикусила губу, чтобы сдержаться.

— Мне нравится, как ты кончаешь, Прюденс. Разведи ноги как можно шире и кончи для меня детка, от моих пальцев и языка. Я хочу это услышать.

— Так, детка. Кончи для меня, — сказал он снова. Я опять была возбуждена, и он снова начал лизать меня, доводя до иступления. Дикое удовольствие охватило мое тело, когда мой клитор достиг пика. Он продолжал сосать его и ласкать меня двумя пальцами. Звуки моей влажности и его грязные разговоры снова довели меня до грани, и сила моего оргазма разошлась волнами по всему телу. Он все еще не был внутри меня, а я уже дважды испытала это. Я подумала, что умру до того, как закончится ночь.

Поцелуями по моему дрожащему телу он пробрался к моим губам. На вкус они были соленым от того, что делал со мной. До этого я не знала, какая на вкус. Я поцеловала его и скользнула языком в его теплый соблазнительный рот, который только что подарил мне столько наслаждения. Это произошло. Он был там, где я и хотела, но он должен быть внутри меня, где станет частью меня. Все те слезы и рыдания, и то, как я скучала по нему, были в прошлом. Так хорошо, чтобы быть правдой. Головка его члена уперлась в меня. Он дразнил ею мой влажный вход и смотрел мне в глаза.

— Я хочу чувствовать, как каждый твой дюйм входит в меня. Я так долго этого ждала, — прошептала я.

Я была такой влажной, что он проскользнул в меня и заполнил своей эрекцией. Я снова громко вскрикнула. Его потрясающе толстый член толкнулся в мою чувствительную киску, где только что был его язык. Он закрыл глаза и произнес мое имя. Я вскрикнула, когда он начал двигаться во мне глубже и глубже, а я начала принимать его дюйм за дюймом.

— О, Прюденс, Боже, ты такая влажная и тугая. Ты создана для меня, — сказал он. Сжал меня, и его тело начало двигаться. Я обвила ноги вокруг его талии и крепко прижалась Алексу. Мои руки ласкали его гладкую влажную кожу. Он воспользовался моментом, чтобы облизнуть мои губы и поцеловать, пока продвигался толчками все глубже и глубже. Я хотела поглотить его полностью. Запах его одеколona и пота снова сводил с ума.

— Я хочу кончить в тебя, хорошо? — сказал он, затаив дыхание, когда толчками двигался во мне. Мы были так близко, что он коснулся моего лба своим.

— Все хорошо, милый. Кончи в меня. Не закрывай глаза. Я хочу видеть их, когда ты кончишь в меня первый раз. Я хочу запомнить этот момент навсегда, Алекс, — просила я.

Он не закрыл глаза и произнес мое имя. Я чувствовала, как он становится толще. Я услышала, как вырвался глухой стон. Его красивое лицо исказилось страстью, когда оргазм взорвал его тело. Смотреть Алексу в глаза, когда он кончает, раз за разом, было невероятно. Его зрачки расширились от вожделения. Он навис надо мной, удерживаясь силой рук и шеи, напрягаясь с каждым ударом. Его семя излилось в меня, горячее и прекрасное, наполняя мое тело. С каждым движением он входил в меня все глубже и глубже. За каждым толчком следовал звериный рык. Я почти потеряла рассудок. Каждый нерв в моем теле был оголен, и я снова испытала оргазм, теперь одновременно с ним. Мое тело билось в волне восхитительного удовольствия, захватившего меня. Когда он рухнул мне на грудь, я запустила пальцы в его волосы. Мы признались в том, что нужны друг другу, мы освободили нашу любовь.

— Я так рада, что ты не сбежал в этот раз, — прошептала я.

— Я тоже, малыш. Это было самое невероятное, из того что когда-либо было со мной.

— Это лишь начало, — сказала я, пробежавшись руками вниз по его шее и спине, покрытой потом.

— Прости, что причинил тебе боль. Мне никто не нужен, только ты. Я старался быть с кем-то еще, но изображать то, что есть между нами, с другим человеком не получается. И никогда не получится.

— Все хорошо, Алекс. Ты рядом. Это все, что имеет значение. Я знаю, что ты самый достойный и честный человек, которого я когда-либо встречала. Даже то, что ты держался в стороне от меня, хотя мог и забыть о том, что помнишь меня подростком, много значит для меня. Все, что связано с тобой, чудесно, — сказала я сквозь слезы.

— Когда ты целуешь меня, Прюденс, я не сенатор, я — король, — услышала я его шепот. Его тело расслабилось, и он погрузился в сон в моих объятиях.

Он был там, где я хотела, и в этот раз я не собиралась его отпускать. Я обнимала его всю ночь, пока спала, в мире и покое, впервые в моей жизни.

Глава 10

— В тебе что-то изменилось, — сказала Бьюла, когда мы на неделе встретились за ланчем. Я боялась, что бабушка узнает, что я сплю с сенатором. Мы были очень близки, и она могла почувствовать что-нибудь, просто взглянув на меня.

Алекс и я проводили вместе каждую ночь, и на сон у нас совсем не было времени, разве что пара часов за ночь. Мы изучали друг друга и узнавали наши желания и потребности. Мне нравилась каждая секунда совместно проведенного времени, и сон тут не был важен. Мы занимались любовью каждую ночь, и никто и ничто в эти моменты не имело значения.

— Что ты имеешь в виду, бабушка? — спросила я, моля Бога, чтобы она не сказала о том, чего я боюсь.

— Вы вместе, правда? Я почти уверена. От тебя исходит сияние. Что-то в твоих глазах говорит, что ты вместе с Алексом снова. — Она сидела напротив меня и, улыбнувшись, взяла меня за руку.

— Ну, может быть. Да. Мы вместе, бабушка. — Я не могла не улыбнуться, и нервно убрала волосы за уши. Было странно рассказывать ей, что я снова с мужчиной моей мечты.

— Я знала! Я знала! — выпалила она.

Официант принес наши салаты, и мы перестали разговаривать, пока он наполнял наши

стаканы водой.

— Спасибо, — сказали мы одновременно и начали поглощать наш любимый клубничный салат.

— Так, расскажи мне подробности. Как получилось, что вы снова вместе? Ты рассталась с Тревором? — спрашивала она между ложками салатами. Она выглядела привлекательно в своей любимой белой блузке, брюках хаки и кожаных туфлях для вождения. Бьюла только что сделала стрижку боб и освежила ее несколькими светлыми прядками. На нее обратили внимание несколько мужчин постарше, и пока мы здесь сидели, некоторые из них повторно остановили на ней взгляд. Но, оставаясь верной себе, Бьюла даже не обратила на это внимание.

Мне не хотелось углубляться в детали, особенно в той части, где он привез меня к себе домой. Я просто сказала, что мы встретились на вечеринке и начали встречаться. Я опустила тот факт, что с ним я могла кончить шесть раз за ночь, и думала, что душа покинет мое тело.

— Это прекрасно, милая. Надеюсь, ты счастлива, ведь еще недавно ты была безутешна. В любом случае, мне больше не надо быть свахой для сына сенатора Фишборна, — засмеялась она.

— Я счастлива, бабушка. В нем есть что-то такое. Я не могу это объяснить, но я не могу жить без него. Я не могу дышать без него и не могу дышать, когда я с ним. — Я сделала глоток холодной воды, почувствовав, как жар поднимается по моему телу только от мысли о нем.

— Я понимаю. Те же чувства у меня вызывал твой дедушка, милая. Это называется любовь всей жизни, — сказала она.

— Меня немного пугает, что он старше меня на семнадцать лет. Он сенатор, и я не хочу оказаться под прицелом на следующих выборах.

— У нас с твоим дедом разница была десять лет, и даже тогда это не имело значения. Не переживай за это, Прюдэнс. Алекс хороший честный человек, и это все, на что будут смотреть.

Зазвонил ее телефон. Она взглянула на него и отключила звонок.

— Тоби, — объяснила она. — Я позвоню ей позже. Она ведет себя несколько назойливо, как обычно. — Она улыбнулась немного злорадно, потому что знала, что одержала верх над своей сестрой.

— Ты поэтому не хочешь ни с кем встречаться? Я имею в виду, ты же понимаешь, половина мужчин здесь не сводит с тебя глаз.

Она покраснела.

— Никто не сравнится с ним. Даже близко. Он был один и на всю жизнь. Зачем забивать себе голову кем-то еще? Это не для меня. Я счастлива одна, и когда провожу время со своей семьей и друзьями, а особенно с тобой, милая.

— То же самое я чувствую к Алексу, бабушка. Тревор был просто для того, чтобы отвлечься, и я все время сравнивала его с Алексом, — сказала я, вытирая губы.

— Полагаю, мы счастливицы. Не многим такое дано. Береги его и люби.

Разумеется, именно это я и планировала. Я хотела любить его каждую ночь, утро, и в промежутках между ними.

***

Совершенно неожиданно, примерно через месяц после того, как мы начали встречаться, я получила сообщение, как мне показалось, от Джейд:

Ты не победила, он все еще мой.

Я проигнорировала его, но не стерла, и решила, что позже спрошу об этом Алекса.

Тем же вечером за ужином я показала ему сообщение. Я не хотела, чтобы он думал, будто я ревную, но решила, что он должен знать. Он сказал, что разберется с этим.

Наша потребность друг в друге стала сильнее с того момента, как мы были вместе первый раз. Теперь все было можно. И мы не могли насытиться друг другом. Наши ночи были наполнены пламенным физическим сексом, а утра — любовью, пробуждениями в объятиях друг друга и переплетениями ног.

— Мне нравится проводить с тобой ночи, — сказал он однажды утром. Алекс разбудил меня поцелуем, и я высвободилось из его теплых объятий. Я с нетерпением ждала возможности остаться в его доме с огромной кроватью и камином. Быть в окружении его запаха и его вещей всегда успокаивало меня.

— Я так хорошо сплю, когда ты со мной. — Я пыталась заставить себя вылезти из постели, чтобы сделать кофе, но холодный воздух и тепло его тела заставляли меня поступать иначе. Именно этим утром он не собирался выпускать меня из постели.

— Алекс,пусти, — я улыбнулась и поцеловала его. Но он не соглашался и не давал мне подняться.

— Ты забыл, что у тебя сегодня обед с сенаторами, а уже почти одиннадцать? Тебе нельзя опаздывать.

— Да ладно, останься со мной. Здесь тепло и уютно, — его руки на мне пытались соблазнить меня остаться в постели с ним.

— Ты должна переехать ко мне, — сказал он, целуя мою голову и играя с волосами.

— Я не могу. У меня есть квартира, и Бьюла убьет меня, если я это сделаю. — Мысль о переезде была заманчивой, но я чувствовала, что не могу вот так сразу это сделать. В первую очередь я хотела убедиться, что нам друг с другом комфортно, до того как займу место на полочке в его ванной. Это был бы значительный шаг для нас обоих. Пока Алекс сенатор и встречается с женщиной намного моложе его, нужно действовать крайне осторожно.

— Я хочу просыпаться с тобой каждое утро, Прюденс, и мы не можем это делать, пока живем порознь. Разве тебе не нравится здесь? Со мной и Бекетом? — спросил он, лаская мою грудь. Потер ареолы, намеренно не задевая соски. Очерчивал их кончиком пальцев. Очень-очень нежно. Я была готова умолять его прикоснуться ко мне, и могу поклясться, что он знал об этом. Я почувствовала эрекцию Алекса, когда его бедра придвинулись ко мне.

— Ты пытаешься задобрить меня сексом, Алекс?

Он устроился между моих ног, и я улыбнулась ему. Я развела их, чтобы ему было удобно, он начал целовать мой живот.

— Может мне лучше оставить тебя без секса, если ты не согласишься, — засмеялся он, прекрасно зная, что никогда не сможет так сделать.

— Я смогу сдержаться, Алекс. Я долго сдерживалась, ожидая тебя, — сказала я и придвинулась, чтобы он вошел в меня. Я была влажной и готовой для него. Как всегда. Была суббота, в это время мы могли позволить себе ничего не делать и лениться. Мне нравилось, когда утром мы могли оставаться в постели до обеда, разговаривать и заниматься любовью. Он приносил кофе, и мы смотрели новости часами. Это утро таким не было.

— Пожалуй, я так и поступлю, пока ты не согласишься переехать ко мне. Как тебе такое заявление? — Он дразнил и терся об меня, заставляя чувствовать себя очень неудобно.

— Хорошо, я выдержу, — сказала я, принимая его игру. Я позволила ему почувствовать

тепло и бархатную нежность моей кожи, а сама прикоснулась к своим соскам. Я не могла больше выносить эту пытку и начала трогать себя сама, надеясь, что это заведет его.

Под моими прикосновениями соски сразу затвердели. Обеими руками я очерчивала круги кончиками пальцев. Алекс лежал у меня между ног и наблюдал.

— Тебе нравится? — спросил он. Это сработало, и, зная, что он смотрит на то, что я делаю, я стала еще более возбужденной. Все, что я слышала, это тиканье часов над кроватью и мои стоны.

— Ммм, очень, Алекс. Это заставляет меня трепетать.

— Тебе нравится трогать себя? — спросил он со вздохом в голосе.

— Да. Если ты не собираешься прикасаться ко мне, значит, я сама должна это делать. Я просто притворюсь, что на моем теле твои руки. Так хорошо, Алекс.

Чем больше он смотрел, тем возбужденнее становился. Я облизнула палец и потянулась, чтобы дотронуться до клитора. Ощущение его взгляда манило меня скорее кончить. Трогая себя так же, как это делал он, я начала двигать бедрами. Это было невероятно сексуально, я почувствовала, что мое тело отвечает так, как будто это Алекс прикасается ко мне.

Тяжесть его тела на мне, запах, его красивое лицо усиливали мои ощущения.

— Я так близко, милый.

Я делала это наедине с собой и вибратором, но никогда никому не позволяла наблюдать за собой. С Алексом любая интимная вещь казалась приемлемой. Я подняла себя на вершину безумия и позволила ей захватить мое тело. Наша маленькая игра сделала меня более безрассудной.

Лишь только я застонала снова, он поднялся с кровати и сказал:

— Встаем, нам надо идти. Я могу опоздать.

— Боже, Алекс. Это просто подло, — воскликнула я.

— Ты заставляешь меня ждать. У нас нет времени, — подмигнул он.

— Я собираюсь припомнить тебе это вечером, когда ты страстный и взволнованный будешь интересоваться, надела ли я те стринги, которые тебе так нравятся, или я вообще без них. — Я поднялась с постели и, проведя рукой по его твердому члену, отправилась в душ.

— Мы продолжим этот постельный разговор сегодня вечером. Я хочу, чтобы ты увидела кое-что моими глазами, и я знаю, как это сделать.

— Как скажете, мистер Конрад, — прокричала я из ванной.

Глава 11

Через несколько месяцев нашей новообретенной любви, каждое утро я начинала, принимая душ в его доме. Я так и не согласилась переехать к нему, но хранила кое-какие вещи на случай, если останусь у него, а с недавнего времени это происходило каждую ночь. Снова проспав из-за недостатка сна, я ругалась, принимая душ в страшной спешке. Игриво я обвиняла Алекса в том, что вынуждена прилагать усилия, чтобы попасть на работу вовремя. Мы не могли разъединить наши руки всю ночь, и я снова не выспалась. Я должна была быть в суде с Викторией и была в ужасе от того, что опаздываю.

Вошел Алекс.

— Малыш, твоя бабушка звонит. Она хочет поговорить с тобой.

Я выглянула из душа. Шампунь стекал мне на лицо, а за спиной клубился пар.

— Ты ответил на звонок по моему телефону рано утром? Она же узнает что мы вместе, — зашептала я, немного расстроившись. Я не хотела, чтобы Бьюла догадывалась, что я обманываю, или думала, что я веду себя неподобающе. Хотя, с момента, как мы с Алексом

сошлись, я себя только так и веду.

— Да ладно, Прюденс, ты уже взрослая, я недавно в этом убедился. — Он приподнял бровь, глядя на меня, и улыбнулся.

— Ты сказал, что я принимаю душ? Может я перезвоню ей потом? — спросила я, закрывая глаза, чтобы мыло не щипало их.

— Сказал, но она говорит, что не может ждать. Вот полотенце, — сказал он, повесив белое пушистое полотенце на дверь душевой.

— Боже правый, надеюсь, это важно.

— Мне показалось, что она расстроена, — прошептал он снова.

Алекс отошел, я быстро смыла пену и завернула свое мокрое тело в полотенце. Я прошла в его комнату, он протянул мне телефон и, подмигнув, шлепнул по попе.

— Привет, бабушка, это я.

— Милая, ты сидишь, Алекс рядом? — спросила она, и тут я начала беспокоиться.

— Да, Алекс здесь, рядом со мной. Что случилось? Ты пугаешь меня. — Я посмотрела на Алекса.

— Мне сегодня позвонили из Огайо. Не твоя мать, это был кто-то из больницы. Я не знаю, как сказать тебе, милая. — По ее голосу было понятно, что она плачет.

— Я в порядке. Просто скажи, что случилось. Что-то с Дейдрой, да? — спросила я.

Алекс сел на кровать позади меня и положил руку мне на ногу.

Прошло девять лет с тех пор, как я не говорила и не виделась с мамой. Бесчисленное количество попыток общаться она игнорировала. Последнее, что я слышала о ней, рассказала моя подруга Вина, и это было сразу после того, как я переехала к Бьюле. Она говорила, что дружка моей мамы посадили в тюрьму за убийство, полиция приезжала в ее трейлер и расспрашивала о ней. После этого я много раз пыталась пообщаться с ней через письма, но в ответ не получила ничего.

Позвонить ей было нельзя, потому что у нее не было телефона. Я могла только написать. С того момента, как я оказалась у Бьюлы, я отправила по меньшей мере пятьдесят писем на адрес ее трейлера. Каждый раз, как я отправляла письмо, надеялась, что именно оно заставит ее ответить. Сейчас я ждала услышать новости, которые, я уверена, были неизбежны.

— Похоже, она очень больна, милая. Думаю, ей осталось несколько дней. — Сказав это, она снова зарыдала. Мое лицо вспыхнуло, детство пронеслось перед глазами за секунду. Оглушенная пониманием происходящего, я сглотнула и попыталась что-нибудь сказать.

— Что с ней? — спросила я, пытаюсь быть сильной ради бабушки.

— Медсестра сказала мне, что у нее СПИД. Я не хочу тебя запугивать, но все действительно плохо. Она была в тюрьме. Я поняла, что она была соучастницей убийства, совершенного Мормом. Она призналась, что нанесла удар ножом вместе с тем типом, Мормом. Это так печально. Утром у нас с тобой самолет, и к обеду мы уже будем в Огайо. Я знаю, что не могу настаивать на том, чтобы ты летела, но нам нужно быть там обеим. Наш самолет улетает в 8 утра. Чем быстрее мы там окажемся, тем лучше.

Я сидела в ужасе от услышанного. Сбывался мой самый худший страх. В последний раз, когда я видела маму, она выглядела неважно. Она была исхудавшей и седой и, должно быть, уже тогда болела. Я должна увидеть ее. Не имеет значения, что она совершила, или что произошло между нами, она по-прежнему моя мать, и она умирает.

— Хорошо. Я буду готова. Алекс привезет меня к аэропорту. Тебя подвезти? —

спросила я еле слышно, стараясь держать себя в руках.

— Нет, Тоби подвезет меня, — сказала она.

— Я должна позвонить на работу и предупредить всех. Я не хочу говорить всем, что у нее СПИД, просто скажу, что это срочно. Как ты, бабушка?

Она не видела мою маму больше двадцати лет. С тех пор, как она ушла из дома и сбежала с двумя парнями, которых встретила на вечеринке. Моя мама не хотела иметь ничего общего с Бьюлой и дедушкой. Она жила в фургоне, на котором колесила по всем Штатам, и принимала наркотики. Она не знала, но дедушка умер за два года до того, как она позвонила попросить денег. В тот день, когда она узнала об этом, она веселилась и напивалась, крича, каким ужасным отцом он был, пока не отключилась.

— Все нормально, милая. Не беспокойся обо мне. Я хочу, чтобы ты позаботилась о себе. Мы переживем это вместе, как и многое другое, — сказала она. Мне показалось, что она хотела, чтобы ее голос не был таким расстроенным.

Она положила трубку. Я знала, что должна взять себя в руки и через два часа быть в аэропорту.

— Прюденс, мне так жаль, что тебе придется пройти через это. Давай я поеду с тобой? — предложил он. Я не могла позволить ему оказаться во всем этом. То, что он встречается со своей помощницей, сразу стало бы достоянием общественности, а в газетах появилась бы моя фотография. Пока никто не должен знать мое имя. Я не хочу, чтобы сейчас всплыло мое прошлое и помешало его карьере.

— Нет, все хорошо. Я должна сама с этим разобраться. Наше прошлое может вылезти наружу, и я не хочу, чтобы тебе это навредило, — сказала я. Я спрятала лицо у него на шее, вдыхая аромат его одеколona. Я не знала, как надолго уезжаю, и мне хотелось запомнить его успокаивающий запах.

— Давай я позвоню Виктории и все объясню. Мы можем не говорить все, просто скажем, что твоя мать больна, — сказал он, держа меня за руку и целуя в лоб.

— Да, пожалуйста. Ты не мог бы еще и Томасу позвонить? Он будет беспокоиться, а мне сейчас не до разговоров. Мне нужно в аэропорт. Ты сможешь отвезти меня?

Он кивнул.

— Скажи Бьюле, что в следующий раз ты можешь лететь куда угодно. У меня есть частный самолет, и я бы предпочел, чтобы ты воспользовалась им. Мне будет спокойнее, если ты позволишь Колту, моему пилоту, доставить тебя. Он работает на меня уже много лет, — сказал он.

Я положила голову ему на колени, слезы катились по моему лицу и капали ему на бедро. Несколько секунд мы сидели в тишине.

— Я понимаю, малыш. Конечно, тебе нужно ехать. Я бы хотел поехать с тобой, Прюденс, — сказал он, поглаживая меня по волосам.

— Не думаю, что сейчас это хорошая мысль. Я не хочу, чтобы ты ввязывался в это, — сказала я, притянув его к себе для поцелуя.

— Я могу прилететь в выходные.

— Нет, Алекс, мне будет спокойнее, если ты останешься здесь. Просто поверь, так будет лучше. Если ты мне понадобишься, я позвоню.

Он выглядел расстроенным.

— Хорошо, я буду здесь и буду ждать, когда ты вернешься ко мне.

Он позвонил в свой офис и сказал Сьюзен, что задержится. Пока я одевалась и собирала

вещи, то слышала, что он звонит Виктории. Она была больше обеспокоена, чем я ожидала, и сказала Алексу, что я могу отсутствовать столько времени, сколько нужно.

По дороге в аэропорт мы оба молчали. Я держала его руку всю дорогу, желая прикоснуться и держаться за него, пока не улечу.

Когда мы подъехали на парковку аэропорта, он посмотрел на меня и сказал:

— Если тебе что-нибудь понадобится, все что угодно, я тут же буду там. Помни об этом.

Ты не должна проходить через это в одиночку. Нет ничего важнее тебя.

— Я знаю, Алекс. Я должна быть сильной, пройти через это и оставить прошлое позади.

Она умирает, и мне нужно помириться с ней. Я могу это сделать.

— Я уверен, что можешь, малыш. Помнишь, я уже говорил тебе о том, какая ты сильная.

Я понял это, когда тебе было всего лишь шестнадцать, а сейчас ты превратилась в женщину и стала еще сильнее. Позвони, как прилетишь. Я хочу услышать твой голос и знать, что все в порядке. Я сразу пойму, если это не так, — сказал он. Мы поцеловались на прощание, но никто из нас не хотел расставаться.

Глава 12

Мы знали, что Дейдра находилась в благотворительной клинике в Кливленде. Бьюла взяла напрокат машину, и мы забронировали номер в отеле неподалеку от клиники.

Я не знала, чего ждать, когда войду в дверь больницы. Скорее всего, это будет ужасно. Я почувствовала приближение панической атаки и тут же начала вспоминать успокаивающие техники из терапии. Дышать.

Вместо того, чтобы встретиться с тем, что ждало меня впереди, мне хотелось сбежать. Бьюла поняла это и взяла меня за руку, пока мы шли к лифту.

— Ты в порядке? — спросила она.

— Да, — соврала я. Я была рада, что бабушка со мной, но я была бы рада больше, если бы Алекс тоже был здесь. Но лучше, если он не будет в это втянут.

Лифт остановился на седьмом этаже. На стенах и на входах в палаты были знаки, предупреждающие о биологической опасности. Тишину этого места нарушали только звуки мониторов и мягкое гудение кислородных машин. Сестринский пост находился на круглом островке посреди холла. Медсестры были заняты за компьютерами или с пациентами. Мы с Бьюлой подошли к столу.

— Могу я вам помочь? — спросила медсестра, не поднимая глаз от монитора.

— Да, мы к Дейдре Ромейн. Я ее мать, Бьюла, а это ее дочь Прюдэнс, — сказала бабушка.

Медсестра была крайне худа, ее светлые волосы ежиком были покрашены в фиолетовый цвет. Она посмотрела на нас, и по ее лицу было видно, что я была права, ничего хорошего не будет.

— Одну секунду. Думаю, ее врач где-то здесь.

Медсестра поднялась и подошла поговорить с женщиной в белом халате, которая заполняла график.

— Она подойдет к вам. Я думаю лучше, если вы поговорите с врачом, прежде чем идти к ней.

— Хорошо, — сказала Бьюла.

К нам подошла невысокая азиатка с уставшим серьезным выражением лица. Она была невыразительной, без макияжа, волосы были собраны в тугий хвост. Одета она была в белый халат и мокасины, которые выглядели такими же уставшими, как и она сама.

— Здравствуйте, я доктор Томас. Вы мать и дочь Дейдры Ромейн? — спросила она, протянув руку, чтобы поздороваться.

— Здравствуйте, доктор Томас. Я Бьюла, а это ее дочь Прюденс. Мы только что прилетели из Вирджинии. Медсестра Дейдры позвонила мне вчера. Я даже не знала, что Дейдра больна настолько, что находится при смерти. Я не разговаривала с дочерью больше двадцати лет.

— Да, Дейдру перевели из тюрьмы. Я лечу ее на протяжении пяти лет, с того момента как она узнала, что у нее ВИЧ.

Я посмотрела на Бьюлу, она закрыла глаза, пока врач говорила. Впервые она столкнулась лицом к лицу с фактом, что моя мама настолько больна.

— Дейдра отказалась бросить наркотики, отказалась от лечения. Я старалась поддерживать ее в стабильном состоянии. Она думала, что можно просто не обращать на это внимания и все пройдет само. На прошлой неделе ее перевели сюда из тюрьмы, потому что у нее был кашель и лихорадка, не поддающиеся лечению. У нее тяжелая пневмония. У нее также цирроз печени и увеличены легкие из-за курения. Я боюсь, что нынешнее ее состояние таково, что осталось ей не долго. Сейчас она в стабильном состоянии, иногда приходит в сознание. Ее внешность может вас шокировать, если вы долго с ней не виделись. Вы должны быть готовы к тому, как она сейчас выглядит. У вас есть вопросы ко мне?

— Да, можем ли мы что-нибудь сделать? Что-то, кроме того, чтобы поддерживать ее состояние? Есть ли какая-нибудь надежда, что более качественные препараты или лечение помогут ей побороть пневмонию?

— Боюсь, не в этом случае, — сказала доктор Томас.

— Понимаю. Как вы нашли меня?

— В тюрьме был ваш номер. Она узнала, что больна после того как, попав в тюрьму, сдала кровь. Она никогда не говорила о семье. Жаль, что ваша встреча произойдет при таких обстоятельствах, — продолжила врач.

— Я пыталась найти ее годами, но безрезультатно. Эта печальная история началась, когда Дейдра была еще подростком. То, что я узнала сейчас, даже хуже, чем когда я узнала, что она в тюрьме, — сказала Бьюла со слезами на глазах.

— Я понимаю. Сожалею, что это первое, о чем вы узнали, — сказала доктор Томас.

Она убрала ручку в карман, ее телефон подал сигнал.

Бьюла достала бумажные салфетки из сумочки.

— Готовы ее увидеть? Имейте в виду, она в бессознательном состоянии, но может вас слышать. Дейдра испытывала сильнейшие боли, поэтому мы должны были дать ей соответствующие препараты. Кислород также поддерживает ее состояние. Уверена, что она не похожа на себя ту, какой вы ее видели в последний раз.

Я просто кивнула. Как только мы направились в ее палату, у меня началась паника. Я глубоко вздохнула и применила навыки, позволившие взять себя в руки. Дышать медленно, сосредоточиться. Издалека я увидела нечто напоминающее скелет, лежащий на больничной койке.

Я вошла в полутемную больничную палату, крепко держа бабушку за руку. Видеть маму в таком состоянии было ужасающе. Лежащая передо мной женщина выглядела так, как будто она уже умерла. Ее кожа была серой, щеки впали, делая ее еще более похожей на скелет. Казалось, каждый глоток воздуха, который она делает, требует усилий. Ее рот был приоткрыт, и я увидела, что у нее нет зубов. Губы были втянуты, как у старухи. Они были

бесцветными, сухими и потрескавшимися. Ее волосы слиплись в светлые и темные пряди на практически лысой голове. Сердце в ее слабой груди билось так, как будто она бежала наперегонки. Она была накрыта тонким одеялом, и под ним я могла различить очертания изможденного тела моей матери. Кислородная трубка в носу поставляла ей воздух. Хотя ее глаза были едва открыты, казалось, что она смотрит на что-то, что нам невидимо. Ее пальцы были тощими и желтыми из-за долгих лет курения. Я не могла поверить в то, что вижу.

Рядом с ее кроватью стоял вооруженный охранник. Он выглядел огромным и устрашающим и смотрелся чужеродно рядом с кислородной машиной. Моя мама никуда бы не делась, живой отсюда уйти она не могла. Они приковали одну ее руку наручниками к кровати. Зачем? Куда могла сбежать умирающая женщина в коме?

Охранник кивнул без всякого выражения на лице. Он был похож на статую цвета красного дерева, а его руки были большими как у героя комиксов, и выглядел он устрашающе, охраняя умирающую женщину. Его темно-синяя форма плотно обтягивала широкую грудь, а к бедру был пристегнут пистолет. Массивный, пугающий.

Бьюла подошла к ее кровати. Улыбнувшись охраннику, она сняла компресс с головы мамы и поцеловала ее в лоб. Он уставился на нее, не моргая. В голове промелькнула мысль, что он мне не нравится.

Как только бабушка взглянула на свою дочь, по ее лицу полились слезы. В последний раз, когда она ее видела, Дейдра была молода, здорова и красива. Бьюла придвинула стул и села рядом, держась за поручень кровати. Я стояла у двери как окаменевшая и не могла заставить себя подойти ближе. То, что я уже увидела, было больше, чем я могла вынести. Казалось, что от звука ее кардиомонитора закладывало уши. Пока я стояла и смотрела, пытаюсь принять реальность происходящего, вошла медсестра и представилась.

— Здравствуйте, я Элейн. Медсестра Дейдры. Сегодня ночью я слежу за ее состоянием, — сказала она с улыбкой. — Привет, Маршалл, — сказала она вооруженному охраннику.

Он улыбнулся, что выглядело странно на его серьезном лице.

Элейн была крупной дамой с темными длинными волосами и голубыми глазами. От нее исходила мягкость, которая, я уверена, была нормой для тех, кто заботится об умирающих пациентах. Она начала делать то, что должна — заботиться о моей матери. Надев резиновые перчатки и маску, она добавила лекарства в капельницу и проверила кислород, поступающий в нос. Подняла одеяло, и из-под него показались похожие на палки ноги. Мама застонала.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Она может слышать вас и чувствует, что я что-то делаю. Каждый раз она издает какие-то звуки, но делает это бессознательно, — сказала медсестра, глядя на нас.

— Доктор сообщила вам о состоянии Дейдры? — спросила медсестра.

— Она сказала, что ей осталось не более двух дней, что она без сознания и испытывает ужасную боль, — сказала Бьюла.

— Ей уже не больно. Мы позаботились об этом, дав морфин, не так ли, Дейдра? Тебе ведь намного лучше сейчас, — сказала медсестра, наклонившись к маме. С нами она начала говорить шепотом, как будто мама могла услышать. — Она на грани смерти. Я думаю, это произойдет через день, максимум через два. Это видно по ее коже. Видите, кончики пальцев посинели, и ноги синеют. Мы убрали одеяло, потому что она была в испарине, и я положила холод ей на лоб. У вас есть ко мне вопросы? Я уверена, их должно быть много.

— Мы можем остаться здесь на ночь? — спросила Бьюла.

Я не хотела здесь оставаться. Эта мысль пугала меня. Что будет, если придет смерть? Я не была настолько сильной, чтобы быть здесь, когда она сделает свой последний вздох. Пожалуйста, Элейн, скажи нет, мысленно умоляла я.

Элейн посмотрела на Маршала, он кивнул ей. На этот раз без улыбки.

— Вы обе можете остаться. Вам нужно смириться с тем, что Маршалл будет приглядывать и за вами. Я принесу раскладные койки позже, вы можете поставить их здесь, рядом с Дейдрой. Вы еще можете поговорить с ней. Ее никто не навещал до вас, я очень рада, что кто-нибудь побудет с ней. Я видела слишком много умирающих в одиночестве, — сказала медсестра.

Она проверила жизненные показатели и поменяла компресс на лбу мамы.

— Как давно она здесь? — спросила бабушка.

— Пять дней. Маршалл доставил ее на скорой, и с тех пор находится при ней. Она еще могла разговаривать, когда поступила. Я спросила, есть ли у нее родные, которым я могу позвонить, она сказала, что не может вспомнить. У Дейдры был жар 40° и двусторонняя пневмония.

Бабушка чувствовала, что ей необходимо рассказать о том, как моя мама оказалась в таком положении в свой всего лишь сорок один год. Пока они разговаривали, я смотрела на нее. Я хотела понять, как человек, у которого было все, оказался в такой ситуации.

Может сейчас она могла бы найти покой, который ей так нужен. Впервые я испытывала к ней что-то вроде жалости. Мне было жаль, что она умирает так, жаль, что она вынуждена лежать в наручниках, находясь при смерти. Я больше не злилась на нее, я хотела поговорить с ней, пока она жива.

Медсестра ушла, и бабушка собралась в кафетерий за кофе.

Я смотрела, как она выходила из палаты с опущенной головой, вытирая слезы.

Мужество быть рядом с мамой взяло верх, и я подошла к ее кровати. Воспоминания о нашей жизни мелькали у меня в голове, а слезы наполняли глаза, но я знала, что должна поговорить с ней. Было страшно дотронуться до нее или подойти слишком близко. Я перестала обращать внимание на странного человека, стоящего рядом с ее кроватью, в тот момент, когда собралась раскрыть душу.

— Это я, Прюденс. Мы с бабушкой приехали повидать тебя. Я хочу, чтобы ты знала, что я не злюсь на тебя из-за того, что произошло. Я знаю, что ты страдала. Я хочу, чтобы ты знала, я ценю то, что ты отправила меня к Бьюле. Это лучшее, что ты могла сделать для меня. Это был твой способ позаботиться обо мне, единственный, который ты знала на тот момент. Я люблю тебя, мама. Я знаю, что по-своему и ты меня любишь. У нас с тобой было много приключений. Я рада, что ты моя мама. Пожалуйста, помни об этом. Ты сделала все, что могла. Я выжила. И я в порядке. Если ты должна уходить, то не беспокойся ни о чем. У меня все будет хорошо. Я встречаюсь с Алексом Конрадом, мама. Это тот парень, которого ранили у нас дома. Он жив, и я люблю его. Он невероятный. И за то, что ты привела его в мою жизнь, спасибо. Ты еще думала, что он гей. Оказалось, что нет. Знай, что несмотря ни на что, я люблю тебя и буду любить.

Я заплакала, и мои слезы закапали на ее одеяло. Сердце мамы билось из последних сил. Мне хотелось поднять ее из постели и заставить выйти отсюда, заставить начать все сначала. Но я знала, что это невозможно. Мне хотелось разбудить ее, дать ей еще один шанс. Но все было так, как есть, и изменить что-то было не в моих силах. Я не могла заставить маму

подняться, так же как и не могла заставить ее бросить наркотики. Это было не в моей власти.

— Я прощаю тебя за все, — прошептала я снова. — Ты не виновата. Надеюсь, ты слышишь меня. Отдыхай, мама. Все будет хорошо.

Бьюла стояла у двери и смотрела на нас. В руках она держала чашки с кофе и плакала. Как бы то ни было, мама получила мое прощение.

Мамины глаза сомкнулись, а ее дыхание ночью стало тише. Мы остались на ночь, но я не могла уснуть, я сидела, откинувшись в кресле, и наблюдала, как мама с усилием дышит. Она скончалась ранним утром следующего дня.

Это было тяжелое утро. Я видела, как добрый и любящий дух мамы покинул ее тело. Она сделала свой последний вдох и, наконец, освободилась от жизни, в которой так и не смогла обрести покой.

Глава 13

Маму кремировали на следующий день. Бьюла решила организовать похороны в Огайо, где мама провела большую часть своей жизни. Я помогла ей с организацией, и после этого позвонила Алексу, чтобы рассказать ему обо всем случившемся.

— Прюденс, я так рад, что ты позвонила. Как ты? Я молился за тебя, малыш, — сказал он.

— Лучше, чем думала. Так приятно слышать твой голос, Алекс. Она так ужасно выглядела. Ты бы ни за что на свете не узнал ее, — сказала я.

Я лежала на кровати в гостинице перед телевизором и тосковала по Алексу. Опустошенная тем, что смерть мамы была такой, я так и не смогла поплакать после того, как мы ушли из больницы. Бьюла же плакала все время, как мы прилетели в Огайо, и меня беспокоило ее состояние. Мы были здесь всего четыре дня, а я не могла дождаться, когда смогу вернуться к своей нормальной жизни. Я поговорила с Викторией, рассказала ей о смерти мамы и о том, что вернусь к работе в понедельник. Она очень посочувствовала и сказала, что я могу отсутствовать столько, сколько мне нужно.

— Я скучаю, Алекс. Думаю, что вернусь в воскресенье ночью, — сказала я.

— Хорошо. Я так хочу тебя увидеть. Мне не нравится, что ты далеко от меня и так долго. В воскресенье я встречу тебя в аэропорту. У тебя бодрый голос, как будто у тебя все нормально, — сказал он.

— Я просто хочу, чтобы это осталось позади, и не хочу, чтобы тебе это каким-то образом навредило, — ответила я ему.

— Не беспокойся обо мне. Мне ничего не грозит. Просто береги себя, поддерживай Бьюлу и возвращайся назад ко мне. Мне не спится, если ночью ты не прижимаешься ко мне. Я скучаю по твоему теплому нежному телу и рыжим волосам на мне, — сказал он.

— О, и это все? — спросила я игриво.

— Я просто не хотел уточнять, что хочу оказаться внутри тебя, когда мы оба пойдем, что ты очень возбудилась. Просто представь, что я с тобой сделаю, когда увижу.

— Еще один день, Алекс, и я буду дома, — сказала я.

В день похорон друга Дейдры заполнили церковь. Многие не знали меня, пока я им не представилась. Кто-то не помнил, а кто-то познакомился с мамой после того, как я уехала, и никогда не знал о моем существовании.

Я не помню, чтобы мама когда-либо ходила на мессы или была хоть сколько-нибудь религиозна, но Бьюла настояла, чтобы все происходило в местной католической церкви.

Белые розы, так любимые мамой, доставили перед службой. Каждый, кто мог назвать себя ее другом, казалось, был в ломке от наркотиков и безысходности. Запах алкоголя и сигарет заполнил воздух вместе со знакомым с детства запахом марихуаны. Эти запахи вернули множество воспоминаний, которые я уже позабыла: трейлер снова был заполнен дымом, и моя одежда провоняла им. Когда я была с мамой, запах травы всегда окружал меня.

После службы Бьюла арендовала зал недалеко от церкви и заказала из ближайшего ресторана еду для всех, кто пришел. Люди заполнили помещение, наполнили тарелки и закурили.

Самым большим потрясением для меня стала моя давняя подруга Вина, подошедшая ко мне на входе. Она возникла из ниоткуда, и когда я ее увидела, я ахнула. Я бы в жизни не догадалась, что это она. Она перестала мне звонить через пару месяцев после моего отъезда из Огайо почти восемь лет назад. Передо мной стояла девушка явно под кайфом. Она походила на вампира, одетая с головы до пят в черное. Вина была бледной как бумага, губы были накрашены черным, на глазах толстый слой подводки, на губе и в носу пирсинг. Ее руки были покрыты татуировками, а на шее висела цепь. Я не могла поверить, что вижу именно ее.

— Привет, Прюд. Я так рада видеть тебя. Охренеть, ты так изменилась. Такая стильная и так похудела, — сказала она, приближаясь ко мне. Она обняла меня, и от нее пахло сигаретным дымом, прямо как от мамы.

— Боже, ты парик носишь? Такие красивые волосы, — сказала она, покачиваясь при ходьбе. На ней были высокие, выше колена, сапоги на огромных каблуках, как будто из фильмов ужасов, длинное черное пальто, а из карманов брюк свисали цепи. Вина привела с собой парня, который тоже был как будто не в себе. Он был одет в черный плащ, его тело, покрытое татуировками, выглядело сутулым. У него были черные ногти, черные губы и пирсинг по всему лицу.

— Привет, Вина. Не думала тебя здесь увидеть. Я много раз звонила тебе, и ты никогда не перезванивала. Я и не надеялась поговорить с тобой снова, — я не могла перестать пялиться на нее.

— Я не получала никаких сообщений, подруга. Я решила, что ты забыла про меня. Ты точно оставляла сообщения? — она засмеялась. Посмотрев на нее, ее парень встал рядом с ней.

— Да, я оставляла их твоей бабушке. Я не знала, как еще связаться с тобой.

Я не знала, что еще сказать, и мне стало неловко перед ней.

— Подруга, в этом и проблема. Она ничего мне не передавала, — сказала она.

Вина нервно засмеялась, и снова взглянула на парня, которого привела с собой. Он не выражал никаких эмоций и стоял рядом с каменным лицом, лишенным какого-либо выражения.

Я почувствовала слабость и попыталась представить, что с ней произошло. Мне показалось, что она ведет себя так, как будто что-то принимает или находится на грани психического расстройства. Я не могла поймать ее взгляд, потому что, как и у ее парня, у нее было жуткое неестественное выражение в глазах. Ее глаза были похожи на кошачьи. Все происходящее было странным.

— Я потеряла твой номер, Прюденс. Я думала увидеться с твоей мамой и спросить у нее, но после того как ты уехала я ее больше не видела, — сказала она.

— Как ты сама? Живешь в Нью-Йорке? — спросила я.

— Нет, сеструха, я не уехала. Моя бабуля умерла, я получила деньги, когда мне стукнуло двадцать один. Я осталась здесь, и встретила Чарли в видео магазине, где мы оба работаем. Он менеджер, и в прошлом году мы съехались. И знаешь что? В феврале у нас будет ребенок. Что скажешь?

Она сняла пальто, и я смогла увидеть ее едва выступающий живот. Сложно было представить что-то хуже, чем то, что я услышала. Вина, принесшая ребенка в мир, такой же исковерканный, как и она сама, это была дорога в пропасть.

— Ух ты, это чудесно. Вы счастливы? — я пыталась порадоваться за нее, не зная, что еще сказать.

— Еще бы. Я всегда хотела детей, и Чарли нравится мысль, что мальчишки будут бегать вокруг трейлера. Слышала о Мэгги?

— Нет, а что с Мэгги? — спросила я.

— Умерла от передозировки. Она просто сдалась, Прюденс. Теперь у меня никого нет, кроме Чарли.

— О, Боже. Я не знала, Вина. Что случилось с ее детьми?

Я не могла понять, о чем она говорит. Вина всегда мечтала переехать в Нью-Йорк и стать модным дизайнером. Она только об этом и говорила и постоянно рисовала эскизы. Она и ее сестра Мэгги должны были унаследовать от своих родителей приличные деньги по достижении двадцати одного года. Ее родители умерли, когда Вине было восемь, и они были хорошо обеспечены. Из родственников была только бабушка, и она жила в Висперин Уилоу. Мэгги была королевой бала на выпускном в нашей школе. Она была высокой, красивой, и ей завидовали все девчонки. Она забеременела от парня из трейлерного парка, а потом родила еще двоих детишек. С этого момента ее жизнь пошла по наклонной. Они жили в абсолютной бедности, он продавал наркотики, она их принимала. Бьюла сказала, что она растратили свое наследство в первый же год.

— Они в приемных семьях. Ее муж Дейви бросил ее годом ранее. Он никогда не заботился о детях. Черт, ее обнаружил Дейви-младший и с криками, что не может разбудить маму, бегал по улице, — сказала Вина.

— Это так ужасно, Вина.

Было благословением, что я уехала оттуда. Я с легкостью могла оказаться в той же лодке, если не хуже. Бог знает, что могло со мной случиться, если бы не Бьюла.

Было заметно, что Чарли скучает. Он зажег сигарету, пока мы разговаривали с Виной, а потом прошептал ей, что это последнее место, где ему хотелось бы быть. Они рассмеялись, и Вина поцеловала его, лизнув его языком прямо у меня на глазах.

В школе у нее было столько планов. Больше, чем было у меня. Я была потрясена тем, что происходило у меня на глазах.

Вина стала частью статистики Висперин Уилоу. Мне хотелось забрать ее с собой в Вирджинию, но я знала, что этого не будет. Мне хотелось спасти ее и поселить у себя в квартире, отмыть и забрать подальше от этого типа. Но, как и с моей мамой, я ничего не могла поделать.

Перед тем как попрощаться я крепко обняла ее и прошептала ей на ухо:

— Это неправда, что у тебя никого нет. У тебя есть я, не забывай об этом. Я всегда буду с тобой. — Я просунула свою визитку в карман ее пальто. Она молча обняла меня и больше ничего не сказала. Не думаю, что она заметила мой жест. Где-то глубоко внутри еще жила прежняя Вина. Я надеялась, что она ушла недалеко, не настолько, чтобы не вернуться. Я

смотрела, как она уезжает на помятом Форде, который был участником не одной аварии, к старому трейлеру своей бабушки.

У меня защемило сердце.

***

Бьюла и я привезли прах моей матери в Вирджинию. Бьюла решила упокоить ее в фамильном склепе рядом с дедушкой. Она везла урну с прахом в ручной клади, и мне было не по себе от этой мысли. Я постаралась не думать об этом.

Когда мы приземлились, я получила одно отвратительное сообщение. И оно было еще отвратительнее, чем предыдущее.

Привет, трейлерная шваль. Мамочка умерла от СПИДа. Надеюсь, она не заразил сенатора. Надеюсь, и у тебя его нет.

Мне захотелось немедленно сказать Джейд, какая она мерзкая шлюха. Я позвонила ей, но ее телефон был уже заблокирован. Я решила поговорить с Алексом, когда он придет забрать меня из аэропорта. И сразу после того, как он атаковал меня поцелуями, объятиями и обещаниями горячего секса, я показала ему то, что она написала.

— Алекс, смотри, я получила еще одно сообщение. Ты разговаривал с Джейд? — Он не хотел убирать от меня руки и не слушал меня.

— Алекс, ты слышишь меня? — его рука была у меня под платьем в попытках добраться до обнаженной кожи.

— Да, я отправил ей сообщение с просьбой оставить тебя в покое, — сказал он, целуя мою шею и убирая мои волосы, чтобы они ему не мешали.

— Мне нравится, как ты пахнешь, — сказал он.

— Я только что получила еще одно, очень подлое. — Я показала ему текст, он ничего не ответил.

— Надо позвонить ей снова. Не отвечай ей, Прюденс. Ты просто можешь дать повод сделать еще что-нибудь. У меня есть люди, которые поставят ее на место, если она перегнет палку. Господи, как я же скучал.

— Мне кажется, она уже перегнула. Это ужасно, Алекс. — Я пыталась говорить, не сбил дыхание, потому что его пальцы оказались внутри меня.

— Сегодня я все улажу. А прямо сейчас, я хочу скорее привезти тебя домой, пока я не взорвался, — заверил он меня.

Я согласилась и забыла об этом сразу же, как мы оказались в постели.

Глава 14

Следующие несколько недель прошли в безумной спешке. Я люблю возвращаться к работе и мне нравится жить в Вашингтоне. Быть в гуще политических событий. Виктория снова пригласила меня на ланч и рассказала о том, как она планирует спасти свой брак. Она тайно планировала поездку в Европу со своим мужем, и я узнала, что его зовут Фрэнк. Она попросила меня взять себе ее дела. Конечно, я нервно согласилась. Предстояло много тяжелой работы и долгие часы подготовки для того, чтобы «порвать их к чертям», как она это называла. Мне хотелось этим заняться, потому что это было прекрасная возможность проявить себя как жесткого юриста.

Мы начали встречаться с Алексом каждую ночь, когда он не работал допоздна в Капитолии. Каждая ночь, что мы с ним проводили, была похожа на чудесное безумие. Мы обычно оставались у него дома, после того как он закрывал где-нибудь Беккета.

Джейд должно быть провела свое собственное детективное расследование, потому что

вскоре в прессе появились новости о том, что мы официально встречаемся. Газеты выражали обеспокоенность нашей разницей в возрасте. Алекс снова заверил меня, что звонил ей и оставил несколько сообщений, но она ни разу не перезвонила.

Совершенно неожиданно в газетах всплыла новость, что Алекс встречался с моей мамой. В них говорилось, что моя мама умерла от СПИДа, и они с Алексом были любовниками. Затем следовали наши фото в разных местах, на которых мы держимся за руки и целуемся. Они утверждали, что он встречается с дочерью своей давней подруги и вспомнили, что моим дедушкой был сенатор Ромэйн. Алекс не переживал из-за этого, а я уже была готова сорваться. Он прекрасный сенатор и прекрасный политический лидер, я не хотела, чтобы это затронуло его. Еще меня беспокоило то, что Бьюла, Тоби и юридическая фирма, в которой я работаю, прочитают эту ложь. От меня ждали ясности, но из-за этих статей я выглядела гадко. Как-то раз он снова сказал мне, чтобы я не переживала, потому что он собирается кое-что предпринять.

Мы с Алексом погрузились каждый в свою карьеру, проводя долгие часы в офисах. Томас доставал меня тем, что снова звал в клуб вместе с ним. Когда однажды утром мой телефон зазвонил, я решила что это звонит он, чтобы поглумиться. Он звонил мне несколько раз до этого, когда Виктория не видела, чем он занимается на своем рабочем месте. Я же пыталась сосредоточиться на работе и хотела, чтобы он отстал от меня.

— Послушай, королевский голубь, я не собираюсь никуда с тобой идти, поэтому тебе не удастся меня напоить той «Попкой грязной шлюшки», — прошептала я в ответ на звонок.

— Прощу прощения? — сказал голос на том конце провода.

— О, Господи, Алекс, прости. Я думала, это Томас пытается вытащить меня куда-нибудь, — я начала безудержно смеяться.

Я посмотрела на Томаса, он поднял большой палец вверх, и мне стало окончательно стыдно.

— Могу я спросить? О каких попках грязных шлюшек шла речь? Пожалуйста, только не говори, что это твой ник или что-то в этом духе? И передай мистеру Томасу, что на эти выходные ты моя. Я не видел тебя всю неделю и собираюсь иметь тебя всеми возможными способами. — Его слова заставили меня съежиться в кресле.

— Это не мой ник. Это коктейль, которым Томас и Брюс напоили меня, когда я была с ними в клубе. Он вышиб мне все мозги. Я даже танцевала вокруг шеста. Это было до того как мы начали встречаться, и это был далеко не лучший мой вечер.

— Это именно то, чем я должен угостить тебя, когда мы окажемся вместе. Сейчас запишу название и закажу шест в спальню.

— Алекс, тебе не нужно ничем угощать меня, когда мы вдвоем. А шест не помешал бы.

Я понизила голос до шепота и прикрыла рукой трубку, чтобы меня слышал только он.

— Когда я смотрю на тебя, все что я могу, это намокнуть и быть готовой для тебя.

— Только не сейчас. У меня на сегодня огромный законопроект на голосование, предстоит долгая ночь в окружении пожилых сенаторов. Если я буду думать об этом, я не смогу сосредоточиться. Слушай, у меня есть потрясающая новость. Ты не поверишь.

— Какая? — спросила я.

— Меня попросили произнести вступительную речь на Конвенции демократов. Это мощно, Прюдэнс.

— Алекс, о, Боже. Это невероятно. Ты понимаешь, что это значит? — спросила я.

— Я чертовски хороший сенатор, и мои коллеги уважают меня. Видишь, те глупые

статьи ничего не стоят, как я и говорил тебе.

— Так получилось только потому, что сенатор Стивенсон перетянул на себя внимание той историей с парнем из эскорта. Это было намного интереснее, чем то, что ты старше меня на семнадцать лет.

— Ну, это тоже помогло, — засмеялся он.

— Ты знаешь, президент Обама говорил вступительное слово в 2004 и был избран президентом в 2008, — сказала я.

— Это моя мечта, малыш. А сейчас соберись и иди работать или мне придется приехать и взять все в свои руки, — сказал он.

— Ты сказал «взять в свои руки»? Я думаю об этом весь день. Ты уверен, что у тебя действительно нет нескольких минут, чтобы увидеться со мной?

— Я мало что хочу так сильно, как провести с тобой несколько минут, пока твоя влажная голодная киска оргазмирует на моем твердом толстом члене, но сейчас это не обсуждается. Я заеду за тобой вечером. Будь готова повеселиться, — прошептал он.

Пока он говорил, я не могла сказать ни слова.

— Прюденс, ты здесь?

— Что? Да, я просто отвлеклась, Алекс.

— Я позвоню тебе позже, малыш. Хорошо поработать.

Во время обеденного перерыва я все еще была под впечатлением от нашего утреннего разговора. Я решила немного поиграть с Алексом. В почтовом отделении я взяла конверт и положила его себе в сумочку, после этого я зашла в дамскую комнату. Те кружевные трусики-танга, что были сейчас на мне, нравились Алексу больше всего. Я сняла их и положила в конверт вместе с запиской:

Они были на мне во время нашего утреннего разговора. Ты заставил меня намокнуть. Поздравляю с речью.

Я вложила записку и трусики в конверт и запечатала его.

Только Томасу я могла доверить все что угодно, поэтому я подошла к его столу и сказала, что конверт должен быть доставлен Алексу Конраду. Как можно скорее. Он был уверен, что это крайне важная для избирательной кампании информация, и что она должна быть доставлена лично в руки его секретарю и никому больше.

Томас отправился в офис Алекса на другом конце города. А я вернулась к работе и начала ждать шоу.

Тем же днем мы с Викторией были заняты в суде. Мы выступали против того парня, о котором она говорила раньше. Это было затянувшееся судебное разбирательство с участием свидетелей, ученых и экспертов в разных областях. Ко всему прочему эта история активно освещалась прессой, поэтому журналисты в зале суда были повсюду. Она не отвечала ни на один вопрос, и мне нравилось, как она игнорирует их, проходя мимо. Взгляда, которым она одарила журналистов, было достаточно, чтобы послать их туда, куда все шли.

— Эти животные обойдутся без моих комментариев. Они могут подождать, как и все, когда разбирательство закончится. А это должно быть решено присяжными сегодня, — сказала она.

Человек, которого мы обвиняли, сидел в наручниках рядом со своим адвокатом. Когда его вели, он послал нам с Викторией воздушный поцелуй. Должно быть, он был или сумасшедшим или совсем идиот, зная с кем имеет дело.

Виктория озвучила свои заключительные аргументы присяжным, и они были у нее в

руках. Последний раз, когда она выступала перед ними, они с благоговением смотрели и слушали ее. После этого сторона защиты и их клиент выглядели разбитыми. Уже до этого они знали, что его судьба была предрешена. День закончился, когда присяжные ушли на совещание, а мы направились в офис.

Мне предстоял долгий вечер, чтобы завершить другую работу. Я планировала оставаться допоздна и решила что-нибудь заказать. Виктория была вымотана и уехала сразу после того, как мы узнали расписание слушаний на следующий день. В офисе не было никого кроме уборщиков. Мне нравилось работать ночью в одиночестве. Тишина офиса помогала мне сосредоточиться.

Я взяла чашку кофе в кафетерии и вернулась к своему рабочему месту. К моему удивлению на моем месте сидел Алекс. Я ахнула, увидев, что он рассматривает предметы у меня на столе.

— Алекс, что ты здесь делаешь? Ты напугал меня до чертиков, — сказала я, прижимая руку к груди. У него был такой вид, как будто он изголодался по мне.

Он встал и вытащил мои трусики из кармана своего пиджака. Приближаясь ко мне, он приложил их к лицу и вдохнул, закрывая глаза.

— Ты решила, что будет весело отправить мне свои трусики офисной почтой? Ну, пойдём, побеседуем несколько минут, — сказал он, выглядя при этом серьезно и неотразимо.

Он схватил меня за руку, и мы пошли к лифту. Он выглядел растерянным, и мне нравилось чувствовать свою силу над ним.

Он ничего не сказал, пока мы шли к лифту. Как только двери закрылись, и мы остались наедине, Алекс прижал меня к стене. Он схватил мои руки, сжал их над моей головой, грубо придавив меня своим телом. Его член был твердым и напряженным, он потерся им о мои бедра. Молча, он продолжил целовать меня, с силой толкнув язык в мой рот. Мое тело задрожало, и мышцы напряглись, когда он провел рукой вверх по моим бедрам, поднимая юбку.

Когда лифт остановился, он пропустил меня вперед, взял за руку, и мы вышли. Перед дверью в офис стояла его машина с включенной аварийкой.

— Садись, — сказал он. Я скользнула на сиденье следом за ним, и он повернул на парковку для сотрудников. На ней было несколько машин. Он нашел свободное место и остановился.

— Садись на заднее сиденье, Прюденс, и подними юбку, — сказал он, облизнув свои влажные губы.

— Ты о чем? Кто-нибудь может нас увидеть, Алекс, — сказала я. Он не ответил, и я вышла из машины и пересела на заднее сиденье. Я наблюдала, как он вышел из машины, снял свой пиджак, перебросил его через переднее сиденье, снял галстук, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и, конечно, снял часы. Он сел на заднее сиденье ко мне, здесь было темно, и в воздухе витал секс.

— Откинься назад и разведи колени, — сказал он. Очевидно он был не в настроении разговаривать. Я повиновалась его напору. Я могла разглядеть очертания его лица, то, как он облизнул губы и закатал рукава рубашки. Желание разрывало меня изнутри. И я знала, что вот-вот он займется моим телом.

Моя юбка поднялась, обнажив бедра. Я была без трусиков. Развела ноги. Он приблизился и погрузил свое лицо между моих ног. Он не дразнил меня, как он обычно это

делал. В этот раз Алекс был груб и голоден, пожирая меня между ног как обезумевший. Я пылала, открываясь ему, и он захватывал мою пульсирующую вагину ртом все глубже и глубже.

— О, Боже, Алекс, — все, что я могла произнести. Он поглощал мое тело, пока я судорожно пыталась держаться за что-нибудь, кроме его волос.

Мои ноги онемели, а он продолжал вылизывать меня глубоко внутри. Водил кончиком языка вокруг моего клитора и посасывал его. Он посмотрел на меня и сказал:

— Я буду трахать тебя ртом до тех пор, пока ты не кончишь, и я не собираюсь останавливаться, когда это произойдет.

Моя вагина набухла от возбуждения, он снова опустил голову и начал растягивать меня большими пальцами. Теплая мягкость его жадного языка изучала меня, лишая остатков разума. Я была настолько поглощена этой безумной страстью, что забыла, где мы находимся. В тот момент мне было все равно.

— Я думал о твоей киске целый день и все, что я хочу, это попробовать ее снова. Я хочу, чтобы ты кончила, и кончила сильно. — Его сексуальная потребность во мне была такой неистовой, что он, казалось, заикнулся на том, чтобы доставить мне удовольствие ртом.

Он слегка лизнул мой клитор и скользнул двумя пальцами внутрь меня. Он не смотрел на меня.

— Кончи мне на лицо, Прюдент. Я хочу почувствовать твой оргазм. Сделай это для меня, малыш, — произнес он. Он снова начал сосать мой клитор до тех пор, пока я не сдалась. Я подняла бедра выше, пытаюсь остановить нахлынувшие ощущения. Он прижал язык к моему пульсирующему клитору, а его пальцы двигались внутрь и наружу, заставляя мое тело дрожать.

Оргазм обрушился через несколько секунд, я сжала ноги вокруг его головы, но он не остановился. Волны пламени сжигали меня в ритме его языка. Я прикусила губу и позволила этим волнам захватить мое тело.

Он снова взглянул на меня.

— После той посылки, твоя киска была единственным, о чем я мог думать. Я должен был взять тебя до того, как проведу ночь в Капитолии. Мне нужен был твой вкус на моих губах. Ты думаешь, что победила сегодня, но я не тот, с кем легко справиться, малыш. Ты играешь против лучших, — он улыбнулся мне, облизывая губы.

— Ты вкусная, между прочим. Держи ноги широко разведенными. Я только начинаю.

Алекс оглядел по-прежнему пустую парковку и расстегнул брюки. Он вынул свой влажный на кончике член из боксеров и вонзился в меня. Ощущение того, что он толчками двигается внутри моей утомленной киски, подействовало на меня невыносимо возбуждающе. Он погружался в меня своим горячим толстым членом все глубже и глубже.

— За твою киску я готов умереть, — прохрипел он, не переставая раздвигать мои бедра. Я застонала и вдохнула его аромат. Мой язык проследовал по линии вдоль его шеи. Я хотела его всего. Его руки ухватились за сиденье, под рубашкой напряглись мышцы.

— Тебе нравится дразнить меня так, и мне этого мало. Боже, какая ты нежная и тугая. О, малыш, что ты делаешь со мной? Я не могу перестать желать тебя и нуждаться в тебе. Сожмись вокруг меня, как мне нравится, — прошептал он, целуя мое ухо и очертив его контур языком.

— Алекс, кончи в меня, — сказала я. Я сжалась и ощутила, как моя чувствительная до боли плоть сжалась вокруг его безупречного толстого члена.

— Скажи, как сильно ты хочешь, чтобы я кончил, Прюденс? Дотронься до своей груди так, как я трогаю ее. Дай мне увидеть, как ты себя ласкаешь, — прошептал он. Мои ноги упирались в кожаные сиденья его машины, а голова вжалась в дверь.

Я дотянулась до блузки и дотронулась до моих болезненно твердых сосков.

— Мне так хорошо, Алекс. Кончи в меня. Я широко раскрылась для тебя. Алекс, заполни меня своей спермой, чтобы она сочилась из меня всю ночь.

Сказав это, я почувствовала, как он вздрогнул, излившись в меня быстро и мощно. Он откинул голову назад и начал ритмично двигаться, пока его горячая жидкость не закапала на сиденье. Он прикусил губу, чтобы сдержать стон. Он вынул свой член и растер свое семя по всему моему телу. По моим влажным губам и по клитору, который все еще был чувствительным от оргазма.

Мое лицо горело. Я не думала, что мое тело способно на еще один оргазм, но Алекс снял с меня блузку и лифчик, и начал посасывать мои соски. Звук его подсасывания и его сперма на моем клиторе снова завели меня. Он ввел в меня три пальца. Моя плоть сжала их, и он начал тереть меня большими пальцами. Я снова кончила, ударяясь головой о дверцу. Сила оргазма заставила мое тело сжаться и покрыться потом. У меня не было сил, и я едва могла дышать.

Он рухнул мне на грудь, потный и обессиленный.

— Спасибо, теперь я смогу ясно мыслить и принимать решения на благо штата. Пожалуйста, больше не думай, что я никак не отреагирую, когда ты меня дразнишь. Даже от мысли, что эти трусики были на тебе, у меня мгновенно началась эрекция, а я был на учредительном собрании. Я был вынужден просидеть четыре часа с ними в кармане и пульсирующим членом.

— Мне нравится смущать тебя, Алекс. Мне нравится знать, что я могу поставить на колени такого влиятельного сенатора за секунды. — Я поцеловала его в губы и к моему удивлению, поняла, что могла бы снова заняться с ним любовью.

Глава 15

Смерть моей матери и время, которое она провела в тюрьме, не давали мне покоя. Желание знать, из-за чего все это началось, превратилось в навязчивую идею. Я начала выяснять, почему моя мама оказалась в тюрьме.

Я узнала, что Морт, долгое время бывший ее бойфрендом, сутенером и моим учителем, был в тюрьме и отбывал пожизненный срок. Я полетела в Огайо, чтобы встретиться с ним. Когда я жила с мамой, он ужасно относился ко мне. Мне был противен один его вид, а встречаться с ним снова было еще противнее. Но я должна была увидеться с ним сейчас, если действительно хотела оставить свое прошлое позади.

Вина говорила, что Морт осужден за убийство человека по имени Рональд Пул, у которого были жена и двое детей. Если верить Вине, они с Мортом подрались у бара, потому что тот приставал к Дейдре. Когда он покинул бар, Морт уже поджидал его. Он ударил его ножом в живот и оставил умирать. Этого не могло случиться после того, как Дейдра начала умирать, и я пришла к выводу, что она была осуждена за убийство, сыграв свою роль в его смерти.

В тюрьме я ждала в комнате с телефоном на стене и стеклянной перегородкой, пока его вели в комнату для посетителей. Я села. Все было как по телевизору. Он был закован в наручники, одет в оранжевый комбинезон, шаркал и ухмылялся. Я едва узнала его. У него больше не было выпирающего брюха и прически «рыбий хвост». Он был болезненно худым и

лысым. Казалось, в этом человеке не осталось надежды на будущее.

Я наблюдала за ним через стекло. Мое сердце начало выпрыгивать из груди, когда я посмотрела в глаза человеку, которые годами держали меня в страхе. Они были все такими же маленькими и злобными. Охранник снял наручники, дал ему сигарету и зажег ее. Он медленно снял телефонную трубку. Я взяла свою и подумала, что не уверена, смогу ли вынести звук его голоса.

— Эй, у тебя задница больше не жирная. Теперь бы я тебя трахнул. Чего надо? Встретила богача и переехала на его огромную ферму?

Я нервно сглотнула, переступив через внутреннюю тревогу, сделала глубокий вдох и начала говорить:

— Нет, Морт, я не вышла за богача, и нет, я не переехала на огромную ферму. Ты похудел. — Я была настроена вести себя самоуверенно, так же как и он.

— Можешь сказать за это спасибо своей матери. У меня отличный план по снижению веса. Называется ВИЧ. Это прекрасно. Ты не можешь есть и все время блюешь своими же кишками. Что тебе надо, Прюденс Джуд? Соскучилась без моего члена? — улыбнулся он.

— Я хочу узнать о маме. Что произошло? — спросила я, игнорируя его слова. Меня не удивило, что у него ВИЧ. Он принимал героин. И у него все еще был тот тошнотворный тик когда он странно поворачивал голову и хрипел.

— Что значит, что случилось? Она умерла. Ты не знала? — он затянулся сигаретой и выпустил дым мне в лицо. Он клубился по стеклу.

— Я спрашиваю не об этом. Я спрашиваю, почему она оказалась в тюрьме? — Я не сводила с него глаз, чтобы он знал, что не сможет запугать меня. Я была бы счастлива отдать его Виктории на растерзание. Он бы у нее через секунду заплакал.

— Они сказали, что она помогла мне убить того мудака из бара. Так и было. Она пырнула его в голову, и это был удар, который прикончил несчастного ублюдка. Она признала это. Я подтвердил. Она убила его, а в тюрьме сижу я. Эта баба продолжает разрушать мою жизнь. Что ты еще хочешь знать?

— Как она заразилась СПИДом? — спросила я.

— Она была проституткой и наркоманкой, вот как. Потом она заразила меня, и кто знает, сколько еще людей. Мне становится хуже и у меня мало времени, поэтому вынужден тебя поторопить с этим маленьким семейным воссоединением, — сказал он, засмеявшись и выпуская клубы дыма.

— Ты был ее сутенером?

— Ну, можно сказать и так. Я устраивал ей свидания, а она ходила на них. Той ночью, когда тебя вышвырнули из трейлера, я немного превысил норму. — Он снова засмеялся и начал кашлять.

Я помню ту ночь. Тогда мне казалось, что это худшая ночь в моей жизни, но позже она обернулась чем-то лучшим. Я прибежала в трейлер поговорить с мамой, а она была в кровати с двумя парнями. Она была настолько не в себе, что не узнала меня и не понимала, что происходит. Она даже решила, что я третий парень, который решил к ним присоединиться. Вошел Морт и начал орать, чтобы я оставила ее в покое. Он разгромил комнату, а она потом злилась на меня, что потеряла деньги.

Я умоляла ее покинуть город, чтобы мы могли убраться из этого ада, но она не собиралась этого делать. Она ушла, чтобы найти кого-то еще, и той же ночью она выгнала меня из трейлера, потому что Морт сказал ей, что я хотела заняться с ним сексом.

Он продолжал смотреть на мою грудь, и это было отвратительно. Я нервничала, не только из-за того, что нахожусь в тюрьме, но и из-за того, что сижу напротив такого ужасного человека, как Морт Стигер.

— Это ты решил вышвырнуть меня из дома? — спросила я, глядя ему в глаза. Я никогда не могла смотреть ему в глаза, когда была ребенком.

— Я уговорил ее на это, хотя это было не сложно. Она была готова на все. Знаешь, я сказал ей, что ты сама пришла ко мне, и она поверила. Я слышал, что это пошло тебе на пользу. Похоже, ты поднялась по пищевой цепочке, когда уехала жить к ее гребаной богатенькой мамаше, — сказал он.

— Пожалуйста, не называй ее так. Ты ничего о ней не знаешь.

Он засмеялся и снова начал неудержимо кашлять. Я никуда не продвинулась с этим идиотом, а мне нужно было знать больше.

— Я знаю намного больше, чем ты, дорогуша. Когда-нибудь и ты узнаешь. Твоя мать знала.

— Что ж, Морт, спасибо за разговор. Я больше не буду отнимать у тебя время, — сказала я.

Я собралась уходить и начала вешать трубку.

— Стой.

Я остановилась и поднесла трубку к уху.

— Она не хотела, чтобы ты уезжала. Я заставил ее тебя выгнать. Она любила тебя. Думаю, что говорю тебе это, потому что скоро умру. Когда я пытался приставать к тебе той ночью, я был не в себе. Ты, должно быть, убежала и рассказала своей матери о том, что я сделал. Черт, я бы не стал трахаться с жирдяйкой, но какого черта, той ночью мне было плевать. Я помню, у тебя были неплохие сиськи, они и сейчас такие, между прочим. Хорошо, что они не пропали вместе с твоей толстой задницей. Подними блузку и дай мне посмотреть. Мне будет на что подрочить, когда ты уйдешь.

Ужасные воспоминания, которые я с таким трудом пыталась забыть, сразу всплыли у меня в голове. Грязный трейлер, никакой еды, мама под героином, и приходящие к ней мужчины, а теперь это лилось на меня потоком. Морт пытался заняться со мной сексом в последнюю ночь, что я была там. Я подавила воспоминания об этом, пока он не напомнил мне о том, что случилось. Я вдруг вспомнила его мерзкое потное тело на мне, как он лапал мою грудь, как он дышал перегаром мне в лицо. Сейчас я сидела напротив сморщенного человека со СПИДом, гниющего в тюрьме, и не чувствовала ни капли жалости к нему.

Слезы были готовы политься из моих глаз, но я не могла позволить ему увидеть их. Мне нужен Алекс.

— Мне нужно идти, — сказала я. Я больше не могла смотреть на него. Он был мне противен.

— Не выдержала, мажорка. Такова жизнь. Такое дерьмо случается каждый день. Поумней и выдержишь. Тебя не трахнули той ночью. Готов поспорить, что сейчас это не так. Готов поспорить, что тебе нравится, когда внутри тебя большой член, правда?

— Спасибо, что выгнал меня той ночью. Я прошла долгий путь от запуганной толстой девочки с торчащими рыжими волосами, которая когда-то тебя боялась. Я буду молиться за тебя. Удачи со СПИДом, Морт. Я слышала, смерть от него ужасна, — сказала я. Я положила трубку и вышла.

Я с трудом вызвала такси, чтобы добраться от тюрьмы до отеля. Не могла говорить,

было похоже, что я вернулась в кошмар. Я хотела к Алексу. Нужно было взять его с собой, как он и хотел.

Я отдала таксисту все, что было у меня в кошельке. Я уверена, что переплатила, но мне было все равно. Я хотела поговорить с Алексом, услышать его голос. Я вошла в фойе отеля, пытаюсь взять себя в руки, чтобы забронировать номер. Нужно было это сделать до того, как пойти в тюрьму, но я была слишком взволнована предстоящей встречей.

— Ключи от нашего номера у меня. — Я услышала родной голос в холле.

Я повернулась и увидела перед собой Алекса. За всю свою жизнь я никогда и никого не была так счастлива видеть. Я бросила свою сумку и вещи и кинулась в его объятия, давая слезам волю. Он прижал меня к себе, я спрятала лицо у него на шее и разрыдалась.

— Малыш, что случилось? Ты дрожишь.

— Пойдем наверх, Алекс. — Я плакала, прижимаясь к нему сильнее. Было так хорошо от того, что он обнимал меня после встречи с Мортон.

Посыльный взял мои вещи и передал их Алексу.

— Спасибо, я возьму.

Он обнял меня, и мы пошли к лифту.

Мы поднялись в номер, и я упала ему на руки. Мое тело стало безвольным и безжизненным. Как у тряпичной куклы. Мне казалось, я выплакала все, что держала в себе последние семь лет. Я никогда не скорбела о своей прежней жизни, а сейчас я оплакивала ее. Все старые воспоминания вернулись и обрушились на меня.

— Слава Богу, что ты здесь, — все, что я могла произнести.

— Что-то подсказывало мне, что ты не должна быть здесь одна. Я не позволю ему причинить тебе боль, и не оставлю тебя здесь одну, Прюденс.

Он подвел меня к дивану, я села перед ним. Он снял блейзер и галстук, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, снял часы и налил нам по рюмке водки.

— Теперь выпей это и расскажи мне все, малыш. Боже, не могу видеть тебя в таком состоянии. — Номер был большим и вместительным, с прекрасным видом на город. Солнце садилось, и небо было усеяно пушистыми розовыми облаками.

— Прости, что тебе пришлось приехать сюда. Я думала, что сильная, и ничто не сможет меня сломить, но сегодня со мной произошло именно это. Все, над чем я так тяжело работала, чтобы забыть, вернулось ко мне с новой силой, как будто это произошло вчера, — я плакала.

— Этого стоило ожидать, Прюденс. Я не знаю, о чем ты думала, собираясь туда. Ты знала, что он мог расстроить тебя. Расскажи, что он сказал тебе, пока я сам не добрался до него и не поговорил с ним.

— Той ночью, когда меня выгнали из трейлера, он... — Я не могла подобрать слов. Алекс сел рядом. Он поднял мои ноги, снял туфли и начал разминать ступни. Это помогло мне расслабиться, и я почувствовала, как напряжение уходит.

— Он изнасиловал тебя? — спросил он, разминая мои ноги.

— Он пытался, но нет. Он много чего сделал, но не насиловал. Я разозлила его, потому что пошла к маме, когда у нее было двое клиентов. Мама ушла, он ничего не понял. Он начал стучать в дверь моей спальни. Я была в кровати, пыталась уснуть, на следующий день мне надо было в школу. Когда я не ответила ему, он ворвался и залез на мою кровать. В трейлере было жарко, поэтому я была только в майке и трусах. Он сбросил одеяло с меня, начал трогать мою грудь. Он называл всеми возможными словами, означающими толстуху, а

потом... — я не могла это произнести.

— Скажи, малыш.

— Он стянул с меня трусы и попытался засунуть в меня свои мерзкие пальцы. Я звала на помощь, но никто не слышал. Я продолжала кричать так громко, как только могла. Но он продолжал, я со всей силы ударила его по яйцам, но этим я только его разозлила. Если бы не вошла моя мама, он бы убил меня или изнасиловал. Он во всем обвинил меня, сказал, что я пыталась соблазнить его. Она была не в себе, как будто сошла с ума, называла меня шлюхой, домашним вредителем, тварью.

Я думала, что если убегу на время, они скоро придут в себя и я смогу вернуться и, может, забудут о том, что произошло. Но этого не случилось. Когда я вернулась, мои вещи валялись на траве. Алекс, все, что было в моей комнате, валялось кучей снаружи. Даже моя постель и одежда. — Я допила водку и поставила рюмку на край стола. Мое горло горело, я чувствовала, как это ощущение стекает вниз к груди, и в животе начинает теплеть. Я убрала ноги и прижалась к нему. — Я пыталась вернуться в трейлер к маме. Я думала, что она позволит мне вернуться. Мне некуда было идти. И мне было страшно. Я плакала и колотила в дверь, умоляя ее впустить меня. Она подошла к двери, бросила мне кусок бумаги и сказала звонить Бьюле или идти жить на улицу. Той ночью я осталась у Вины, а на следующий день позвонила бабушке. Она проехала весь путь через Огайо, чтобы забрать меня.

— Господи, Прюденс, как она могла так поступить с тобой? Малыш, больше никто не сможет обидеть тебя, я обещаю. — Он поцеловал меня в макушку.

— Я не хочу, чтобы твоя кампания была омрачена этим дерьмом. Если это всплывет, и еще то, что я встречаюсь с тобой, тебя могут уничтожить, — сказала я, вытирая глаза руками.

— Это не должно помешать мне. Я со всем справлюсь. Я хочу, чтобы ты перестала об этом беспокоиться.

— Прости, что тебе приходится с этим возиться, — сказала я.

— Мне ни с чем не приходится возиться. Я выбрал быть с тобой, и все, что произойдет дальше, я смогу пережить. Как я и говорил, ты для меня важнее всего, важнее выборов или работы. Ты сегодня ела? — спросил он, чтобы сменить тему.

— Нет, я еще не ела сегодня, только думала об этом. Я проголодалась.

— Давай приведем тебя в порядок и сходим что-нибудь поедим. Я бы не отказался от хорошего ужина с тобой где-нибудь в городе. Никто не узнает нас, и мы можем пойти поесть как обычные люди.

Мне не хотелось покидать отель, но мысль, что я в Огайо с Алексом вызывала приятные чувства. Я была уверена, что и ему хочется остаться, ведь последний раз, когда он был здесь, в него стреляли.

— Звучит здорово. Я немного освежусь, — сказала я. Я подняла себя с дивана и ушла в ванную.

Я поправила макияж, расчесала волосы, нанесла парфюм, и была готова идти. Когда я вышла, Алекс разговаривал по телефону и, увидев меня, сразу положил трубку. Я не могла не спросить, с кем он разговаривает.

— Это по работе. Я должен вернуться к завтрашнему заседанию. Кажется, Морис собирается затягивать голосование, похоже меня ждет долгая ночь.

Я решила не думать об этом.

— Готова? Я взял напрокат машину, так что мы можем прокатиться и найти какую-

нибудь забегаловку. Я бы не отказался от чизбургера и картошки фри, утопающей в масле. А ты?

— Звучит превосходно. — Я была не против поесть и не могла дожидаться, когда выпью кофе.

В «Кухне Мэри» пахло луком и жареным кофе. Это место не было «Синим Базиликом», но там подавали горячую еду, а это было именно то, что нужно нам обоим. Прервав свою вегетарианскую диету, мы оба заказали по двойному чизбургеру, картошку фри с сырным соусом и салат из капусты. Алексу приглянулся пирог с орехами пекан, который он до этого не пробовал. Во время нашего ужина он отвлекся, но его телефон продолжал вибрировать. Сообщения приходили без перерыва. Я не хотела спрашивать его, что происходит, и решила, что это связано с его работой.

— Вкусно. Я могу есть это целыми днями, — сказал он, вытирая рот и улыбаясь.

— Я бы стала такой же большой как та официантка, если бы так делала. Вот кем бы я стала, если бы не уехала с Бьюлой, — произнесла я. Время от времени я поглядывала на официантку, которая весила, по меньшей мере, триста фунтов (136 кг) и переходила вразвалочку от стола к столу. Она выглядела подавленной и потерянной.

— Нет, не стала бы. Не будь так строга к себе, Прюденс. Шик у тебя в крови. И мозги, которые есть далеко не у всех. Ты бы никогда не дошла до такого.

— Пойдем. Я хочу доехать до нашего старого трейлера, пока не стемнело, — сказала я, делая последний глоток кофе и поднимаясь, чтобы уйти.

— Ты уверена? После сегодняшнего это может быть перебор.

— Вряд ли, ты же со мной, а когда ты со мной, я могу все. — Я улыбнулась и поцеловала его в блестящие от жира губы. Он оставил деньги и большие чаевые на столе, и мы направились к выходу.

— Это то, как я отношусь к тебе, Прюденс. Вот почему ты мне нужна для сбора средств, — сказал он, когда мы выходили. Алекс придержал дверь для пожилой пары, они вошли внутрь и улыбнулись ему. Он кивнул им и сказал:

— Закажите пирог с пеканом, он безумно вкусный.

— Нам все еще нужно обсудить кое-какие детали. — Я улыбнулась ему, садясь в машину.

— О, неужели? Ваши требования, мисс Ромэйн? — засмеялся он.

Оказавшись внутри, я дала понять, что в мои требования входили объятия, ласки и взгляд глаза в глаза.

— Мои требования просты. Я хочу тебя сегодня ночью, я хочу тебя каждую ночь вплоть до окончания сбора средств. Это все. Возможно, еще дважды в день по выходным. — Я убрала руку и поняла, что у него встал.

— Боже правый, да ты хуже, чем мафия с их коррупцией. Думаю, что с этим я способен справиться, и смогу внести свой вклад, если ты не убьешь меня в процессе.

***

Трейлер находился вниз по шоссе, и я вспоминала, как попасть к нему, видя знакомые ориентиры. Вот парк, в котором мы с Виной гуляли, Макдональдс, который, конечно же, выглядел также, и моя старая школа совсем не изменилась. Мы продолжили путь через Висперин Уилоу, и это место выглядело хуже, чем когда я в нем жила.

— Что за убогая дыра, Прюденс. Тут не было настолько дерьмово, когда я был здесь последний раз, — сказал Алекс, оглядываясь вокруг. Мы выглядели как инопланетяне на

нашем арендованном БМВ. Когда мы ехали, на нас все оглядывались. Все те же трейлеры с разными лицами и разными жизнями. Казалось, ничего не изменилось, может только люди, влачащие жалкое существование, как и те, которыми я была окружена. Я вспомнила, как шла вдоль дороги, как ждала школьный автобус, как возвращалась домой, зная, что мамы могло там и не быть, и о том, что могло не быть еды, все это вернулось ко мне.

— Готов поспорить, они думают, что мы продаем наркотики, — засмеялся он.

— Да, Алекс, давай на это надеяться. Было бы чудесно, если бы тебя обвинили еще и в этом, а не только в том, что ты, по всей видимости, встречаешься с дочерью бывшей подружки. Для твоей карьеры то, что надо.

Он сжал мою ногу и подмигнул мне.

— Расслабься, малыш. Все будет хорошо.

Мы поехали к месту, где я жила, оно оказалось пустым. Окна были заколочены, ступеньки, по которым я ходила, когда жила здесь, осыпались, все было загублено. Старый фургон, в котором мы жили шесть месяцев, стоял на своем месте. Это был просто остов с дверью и шинами, заброшенный и полностью проржавевший. Воспоминания об этом месте навалились на меня, как тонна камней. Время, когда я приходила домой, а там не было электричества и еды, боль в животе от голода. Я вспомнила, как один из маминых бойфрендов, который присматривал за мной, когда мама работала, умер на кухонном полу. Я понятия не имела, что он мертв, и ночью несколько раз перешагивала через него, думая, что он пьян. От этих воспоминаний бежал мороз по коже, мне захотелось уехать.

— Вот место, где в меня стреляли, прямо под этим умирающим деревом. Я помню, как терял сознание и думал, что это последнее, что я запомню, прежде чем умру, — сказал Алекс, показывая на дерево, на которое я когда-то лазила. Казалось, что та жизнь была не моя. Это было всего несколько лет назад, а казалось как будто сто. Я почувствовала нарастающую панику, в голове все затуманилось.

— Давай уедем, Алекс. Здесь все слишком угнетает, — сказала я. Я прижалась к нему и закрыла глаза. Мы поехали дальше от парка и от воспоминаний.

Мы вернулись в отель, силы меня покинули после всего случившегося. Все, что мне было нужно, это горячая ванна и руки Алекса. Он набрал для меня воду и наполнил бокалы вином. На обратном пути он купил мое любимое мерло в винном магазинчике.

— Пойдем со мной, — сказала я ему. Я смотрела, как он раздевается. То, как он снимает одежду, это просто шедевр. Его живот плоский и покрыт бугорками мускулов. Мне нравилась темная дорожка, которая вела от пупка до безупречного члена. Его мускулистые ноги покрыты черными волосами, такими же, как и на его крепких бедрах и совершенных икрах. Он повернулся, бросая одежду на диван, и мне открылись его округлые обнаженные ягодицы. Ягодицы, в которые я погружала пальцы, когда он был на мне, выглядели упругими и гладкими. Он был невероятным. И моим.

Он сел в ванну за мной, и мое тело рядом с ним расслабилось. Мы потягивали вино и наслаждались тишиной. Я убрала волосы наверх, он поцеловал меня в шею, пробуждая мою жажду в нем. Я повернулась и подарила ему долгий и чувственный поцелуй. Я чувствовала, что начинаю заводиться, и это было удивительно после такого дня.

— Твои губы такие сладкие, — сказала я, поглаживая его бедра под водой. Я почувствовала его эрекцию.

— Ты заводисься, Прюденс? — спросил он. Он поставил бокал вниз и положил руки мне на грудь. Она набухла, соски напряглись.

— Если ты в одной комнате со мной, я возбуждена. Ты — чудесное завершение такого ужасного дня, Алекс. Я так рада, что ты здесь. — Я снова повернулась и поцеловала его, скользнув языком в его рот. Он пососал мой язык, и я застонала.

— Я всегда буду с тобой, малыш. Никогда не забывай, с чем бы ты не столкнулась, ты больше не одна.

Мы сидели в ванне, полной теплой пенной воды, не желая вылезать, пока не начали скукоживаться, как чернослив. Мне было абсолютно комфортно сидеть на нем в его объятиях. Когда вода остыла, мы добавили горячей и продолжили мокнуть в объятиях друг друга. Хотя мы и думали о сексе, но оба слишком устали для него. Я мысленно позволяла прошедшему дню утекать. Алекс выглядел уставшим, хотя он никогда бы в этом не признался. Наконец выбравшись из ванной, мы забрались в постель. Мне было тепло и уютно, я слушала его дыхание и успокаивалась под стук его сердца. Я по-настоящему обожаю этого человека.

Когда мы выехали следующим утром, я осознала, как счастлива, что он приехал спасти меня. Я получила то отпущение, в котором нуждалась, чтобы двигаться дальше в мою новую жизнь.

— Спасибо, что был со мной, — сказала я, когда мы лежали, переплетаясь телами. Мы уже вернулись домой и предались дикой и страстной до боли любви. Я играла с его волосами, пока он засыпал в моих руках.

— Я люблю слушать твое дыхание ночью. Это помогает мне заснуть, — прошептал он. — Я люблю тебя, Прюденс Джуд Ромейн, — выдохнул он.

Мне показалось, что я не расслышала, или может мне это приснилось, и я ничего не говорила некоторое время.

— Ты слышишь меня?

Я хотела, чтобы он сказал это снова.

Я придвинулась ближе, и он сказал:

— Я люблю тебя, Прюденс Джуд Ромэйн, больше, чем кто-либо когда-либо.

— Я люблю тебя больше, — прошептала я ему на ухо.

Его дыхание стало глубже, он засыпал.

Я лежала без сна, думая, что было бы хорошо, если бы это длилось вечно.

Глава 16

Проснувшись, я увидела, что Алекс сидит на балконе с телефоном. Он кричал в трубку, но мне не было слышно о чем. Я никогда не видела его таким злым. Он был властным и жестким, когда это было необходимо, но эта его сторона удивила меня. Я подошла к балконной двери, и он поднял руку, останавливая меня. С первого взгляда было понятно, что его надо оставить в покое и не задавать лишних вопросов. Мне показалось, что это связано с вопросами политики, поэтому я развернулась и спустилась сделать себе кофе. Мы с Беккетом стали лучшими друзьями. Он прошел за мной на кухню и сел рядом со своей миской в ожидании, когда я накормлю его.

— Доброе утро, Беккет. Ты, похоже, голоден, — сказала я, когда он склонил голову набок. Я накормила его, сделала кофе, написала сообщение Томасу и начала ждать, когда Алекс закончит разговор.

Я слышала его шаги. На нем были только боксеры и носки, и он был неотразим. Волосы взъерошены, на глазах очки.

— Доброе утро, малыш, — он подошел и поцеловал меня.

— Доброе утро, красавчик. Суровый телефонный разговор? — я улыбнулась ему, он налил себе чашку кофе.

— Давай сядем снаружи и поговорим, — сказал он. Мы вышли на заднее крыльцо и сели на диван перед очагом. Я еще слышала запах огня, который мы разожгли прошлой ночью, ветер раздувал вокруг пепел. Я взяла плед и накрылась им.

— В общем, Джейд и кто-то еще, кто ей помогает, снова взялись за свое. Она слила историю о том, как мы с тобой встретились. История в духе, что когда тебе было шестнадцать, я хотел от тебя секса. Я использовал твою маму, с которой я недолго встречался, чтобы добраться до тебя. — Я видела, как его обуревают злость, пока он это говорил. Он провел руками по волосам так, как будто это помогло бы что-то изменить.

— Я думала, что с этим давно покончено, — сказала я. Я начинала злиться.

— Я тоже так думал, но она взялась за старое.

— Что мы можем предпринять? Это ведь помешает твоим предстоящим выборам.

— Я не знаю. Мои ребята работают над этим, и я надеюсь, мы что-нибудь придумаем. Не волнуйся.

— Почему она так поступает с тобой?

— Она любит скандалы и публичность, Прюдэнс. У нее был невыносимый характер, когда мы встречались. Эти постоянные ссоры и борьба. А теперь, когда мы с тобой вместе, она делает все, чтобы задеть меня побольше и выставить себя жертвой.

Я сложила руки на груди, думая о том, что нужно что-то сделать, чтобы предотвратить это. Я не хотела, чтобы мое прошлое или я сама навредили ему. Я должна что-то сделать, но не знала что.

— Ты глубоко о чем-то задумалась, малыш. О чем ты думаешь? — Алекс продолжал читать смс.

— Я думаю о том, как остановить ее и защитить тебя. Я не позволю ей причинить тебе вред, Алекс. Ты очень много работал, чтобы достичь того, что у тебя есть. Я собираюсь противостоять ей, потому что она, по всей видимости, тебя не слушает. Это от нее сообщения?

— Нет, она мне не пишет. Это по работе. Позволь моей PR-команде справиться с этим. Они знают, что делать в таких ситуациях. Если ты столкнешься с ней, она может ответить сильнее, и Бог знает, на что еще она способна. Жизнь сенатора или любой другой политической фигуры всегда на виду. Неважно, что ты сделаешь или не сделаешь, всегда найдется кто-то, кто раздует из мухи слона. Я справлюсь. — Он притянул меня к себе и поцеловал в голову. Ветер сильно качал деревья и обжигал холодом мое разгоряченное и разозленное лицо. Мой огненный рыжеволосый нрав начал проявлять свою силу.

— Что будем делать сегодня? Нам нужно выбраться отсюда и заняться тем, что душа пожелает, — сказал он. — Чем ты бы хотела заняться? — спросил он, поскольку впереди нас ждал целый день, в котором мы были предоставлены сами себе. Алексу не надо было быть в Капитолии, а у меня был отгул. Мы могли заниматься, чем угодно, только я и он. — Как насчет того блошиного рынка, на который ты хотела попасть, и пообедать где-нибудь. Давай уже выберемся куда-нибудь, — предложил он.

— Звучит здорово. Я буду готова через минуту. Мы сможем быть вместе, и никто не увидит нас и не скажет ничего, что было бы неправдой. Давай сбежим от этого дерьма. Надеюсь, ты оставишь свой телефон здесь. Или хотя бы не будешь на нем висеть все время.

— Я не могу. Я все время должен быть на связи.

— Алекс, я никогда раньше не видела, чтобы ты так много отправлял сообщений. Почему они не могут просто позвонить, если это так срочно?

Он положил телефон в карман и поцеловал меня.

— Давай уже пойдем, — сказал он тихо.

Мы наконец оторвались друг от друга, приняли душ и вышли из дома. Как только он сел за руль своего Мазерати, я тут же завелась. Что-то в его манере вождения и в том, как он контролировал такую изящную машину, распалило и взволновало меня. Я подождала, пока мы выедем за пределы округа, и решила устроить ему небольшой сюрприз.

Я поцеловала его в шею, медленно расстегнула рубашку. Проложила дорожку из поцелуев вниз к его прекрасному животу и еще ниже, к тому, что принадлежало мне.

— Мне нравится, Прюденс.

— Расслабься и дай мне отсосать тебе. Ты так сексуален за рулем. Это будет долгий день рядом с тобой, но без возможности прикоснуться к тебе, — сказала я, глядя ему в глаза. Он застонал, когда я расстегнула молнию на его джинсах и вынула член из боксеров. Я целовала и лизала его, пока он не затвердел. То, что мы ехали по шоссе среди бела дня, и я была у него внизу, невероятно возбуждало. Я медленно лизала головку его члена и водила языком вверх и вниз по его стволу. После того как он стал влажным от моих движений языком, я полностью погрузила его в рот и начала сосать. Он испустил стон и положил правую руку мне на голову.

— Тебе нравится так, милый? — спросила я, прервавшись.

— Боже, да, не останавливайся, — прошептал он.

Я продолжила лизать и сосать его и погружать лицо в его прекрасную мужественность. Его запах был повсюду. Я прирастилась к нему и не могла насытиться. Мне нравилось зарываться в него лицом.

— Прюденс, дай мне остановиться и взять тебя. Я так возбужден, — прохрипел он.

— Нет, Алекс, сейчас я хочу именно этого. Откинься назад и получай удовольствие. Я хочу, чтобы тебе было хорошо, и не беспокойся обо мне, — прошептала я ему. Я вдыхала его запах, как будто это был воздух, без которого я не могла дышать, я потерлась об него лицом, чтобы получить как можно больше его.

В момент, когда он погружал свой горячий член глубоко в мой рот и дальше в мое горло, казалось, что он уходил в себя. Он был слишком нетерпелив, и я решила полизать его медленно. Я захотела растянуть удовольствие и наслаждаться им дюйм за дюймом. Его рука была у меня в волосах, легко нажимая, когда он стонал и приподнимал бедра. Я позволила языку нежно порхать и мягко посасывать его по всей длине. Он был таким большим, и я с таким усилием сосала его, что у меня заболел рот.

— Соси его, Прюденс.

Он был просто объедение, я завелась от его мощи и удовольствия. Я лизала его и наслаждалась вкусом его смазки, рассчитывая на большее. Я была уверена, что через секунду он мог кончить, одновременно пытаюсь маневрировать по извилистой дороге. Мне нравилось, как реагирует тело Алекса на все, что я делаю с ним. Он держал руль так крепко, что костяшки на руках побелели, а мускулы на руках вздулись. Он глубоко задышал и заполнил мой рот своей горячей спермой, когда я начала сосать сильнее.

— Малыш, о, Боже, — все время стонал он, пока я лизала его. Последний страстный поцелуй, и моя голова лежала у него на плече. Его джинсы были спущены, и он продолжал вести.

— Тебе понравилось? — спросила я. Он вел немного медленнее и прижимал меня к себе.

— Это был чистый рай, Прюденс, — засмеялся он.

— Лучше, чем твой последний минет в машине? — я улыбнулась ему, зная, что у него это было не в первый раз. Я ненавидела мысль о нем и другой женщине.

— Давай не будем сейчас об этом. Я уверен, что то, что ты со мной делала, у тебя тоже было не впервые, — сказал он.

— Ты удивисься, если узнаешь, что сейчас можно прочитать в книгах, — я засмеялась и поцеловала его.

Целый день мы потратили на покупки. Я купила чудесный антиквариат для моей квартиры, а Алекс купил кожаный ремень ручной работы. Это был прекрасный день, если не считать женщину, которая ходила за нами по пятам, когда я покупала фрукты. Я ни о чем не подозревала, пока не заметила, что она появляется там же, где и мы. На рынке было полно людей, все толкались, разговаривали и что-то покупали, и эта женщина все время оказывалась рядом. Каждый раз, когда я поворачивалась, она делала вид, что смотрит в другую сторону. Я не смогла хорошо ее рассмотреть, потому что на ней была бейсболка и широкий свитер, но ее присутствие постоянно ощущалось, и это было неприятно.

— Алекс, та женщина преследует нас, — прошептала я ему, когда мы покупали вареную кукурузу.

— Не глупи, никто нас здесь не знает, Прюденс.

— Я говорю тебе, она прямо за нами. Везде, где бы мы ни оказались, она неподалеку. Смотри. — Он повернулся и увидел высокую темнокожую женщину, лицо которой невозможно было рассмотреть. — Как думаешь, она журналист? — спросила я испуганно.

— Может быть. Не обращай на нее внимания, пойдем. Я хочу пообедать. Умираю с голоду, — сказал он.

Я повернулась еще раз, чтобы застать ее врасплох, и смогла увидеть ее лицо до того как она отвернулась. Она была красива, темные глаза, темная кожа. В глазах было странное выражение, как будто в них нет жизни. Когда наши взгляды пересеклись, она скрылась, и я больше ее не видела.

— Мне страшно, Алекс, — сказала я. Я вцепилась в его руку, и мы вышли.

— Не переживай. Просто грустная, чем-то взволнованная женщина, — сказал он.

Мы пообедали в старомодной закусочной, переделанной в ресторан. Алекс был голоден, поэтому заказал салат с картофелем фри, бургер и кусок пирога с орехом пекан. Мне нравилось смотреть, как он ест. Он поглощал еду также мужественно и сексуально, как и меня. Он наслаждался едой, также как наслаждался сексом, и это невероятно возбуждало.

— Ты заводишь меня, Алекс, — прошептала я, наблюдая за ним.

— Прюденс, как еда может заводить, малыш? — засмеялся он.

— Ты поглощаешь еду так же, как и меня, и мне это нравится. Все, что ты делаешь, чертовски сексуально.

— Правда? Ты что-то пытаешься мне сказать, малыш? Я знаю этот взгляд красивых зеленых глаз, который появляется, когда ты хочешь меня. Мне кажется, сейчас я вижу именно его. — Он подмигнул мне, уплетая пирог с пеканом, и облизнув губы.

— Почему бы тебе не дать мне повести на обратном пути, а самому отплатить той же монетой? — Я улыбнулась, думая о том, как невероятно будет вести такую крутую машину и позволить ему довести меня до экстаза.

— Я не знаю, так ли ты хорошо водишь, как и я, Прюденс. Нам больше нельзя попадать на первые полосы. У меня есть идея получше. Пойдем, — сказал он. Он вытер губы, взял чек и оплатил счет. Солнце уже садилось, начинался закат. Вечер был прекрасным. Я села на пассажирское сиденье, гадая, что же у него на уме.

Я была взволнована, когда он тронулся. Он держал свою руку на моей голой ноге, и кончиками пальцев гладил вверх и вниз, вызывая у меня мурашки.

— Что ты задумал, Алекс? — спросила я. Мы свернули на проселочную дорогу, с каждой секундой она становилось все грязнее.

— Ищу место для парковки, где нас никто не увидит, — сказал он, через окно выглядывая подходящее место.

— Я никогда не занималась сексом в машине. Но всегда хотела попробовать. Это очень возбуждает, Алекс.

— Ты такая искушенная и у тебя никогда не было секса в машине? В это трудно поверить, — улыбнулся он.

— Перестань, учитывая, как я выглядела тогда. Кто занимался бы любовью в машине со мной? Кроме того, ни у кого из тех, кого я знала, не было машины. Нет, только с тобой я такая искушенная. И это происходит само собой.

— Вот и хорошо, продолжай в том же духе. Никто больше не должен знать, как ты хороша, малыш, только я. — Он нашел место для парковки на краю грунтовой дороги под яблоней в стороне от шоссе. Здесь нас никто не мог застать врасплох. Дорога была уединенной, заброшенной и прямо манила заняться сексом.

Сразу после того, как он заглушил двигатель, его руки залезли в мои шорты, а пальцы оказались внутри.

— Всегда влажная и готовая для меня, не так ли, малыш, — он страстно поцеловал меня.

— Всегда, Алекс. Ты собираешься снова заставить меня умолять? — спросила я. Я почувствовала, как мое лицо запылало, когда его пальцы начали двигаться во мне.

— А ты хочешь умолять, малыш? Мне кажется, тебе нравится это делать, — сказал он, целуя меня и двигаясь губами по моей шее. На мне была майка, и мои соски ожили, когда он дотронулся до моей груди.

— Я не видел эти красивые груди целый день. Я хочу, чтобы они были у меня во рту. Снимай майку, Прюденс, и дай мне их увидеть.

Я подняла майку, открывая бюстгальтер и грудь.

— Мне нужно видеть моих девочек, таких больших и красивых. Боже, обожаю их, они идеальны и так и просятся мне в рот. Расстегни лифчик, я не хочу вынимать пальцы из тебя. — Я дотянулась до застежки, расстегнула лифчик и бросила его на пол машины. То, что он делал своими пальцами, было полным бесстыдством.

С каждой его командой я заводилась все больше. Мои тяжелые груди были в полном расположении его голодного рта, и мне это нравилось. Он жадно сосал их, продолжая держать свои пальцы внутри меня и надавливая ими на мой ноющий клитор. Мои соски напряглись.

— Алекс, прошу, не останавливайся, я почти готова кончить, — произнесла я. Я вжала голову в подголовник. Было трудно принять удобное положение из-за коробки передач.

Кожаные сиденья были приятны, я сбросила с себя шорты, а мои трусики он разорвал другой рукой. Я была голой и ничем не прикрытой. Я опустила спинку сиденья и легла

прямо перед ним. Я поставила ноги на сиденье и широко развела колени, чтобы он видел насколько я влажная и как хочу его.

— Прюденс, ты абсолютно обнажена и раскрыта. Боже, я должен быть в тебе.

— Я хочу, чтобы ты был во мне, Алекс, пожалуйста. — Он поцеловал меня в шею и продолжил толкать глубже в меня пальцы. Влажный звук его движений внутрь и наружу отзывался эхом в машине. Я слышала, какой влажной он заставляет меня быть, и это возбуждало еще сильнее. Тяжелый запах секса заполнял воздух. В машине не было места для того, чтобы заняться любовью, а я была так близка к оргазму, что у меня дрожали ноги. Он ласкал меня изнутри, задевая точку, которая приближала меня к оргазму. Моя плоть начала сокращаться вокруг его пальцев, когда он ввел их на треть. Было так непристойно быть голой в машине, когда сам он еще полностью одет. Я потянулась и дотронулась до его брюк, они выпирали от его увеличившегося члена.

— Давай выйдем наружу. Здесь нет никого на мили вокруг, — сказал он.

Его пальцы медленно выскользнули из меня, и я осталась голой, за исключением майки, которую я снова надела. Через белую ткань он мог видеть мои затвердевшие соски и мою полную грудь.

Как только я вышла, он набросился на меня и начал сосать мои соски через майку, оставляя большие мокрые следы. Он приподнял меня за ягодицы, и я обвила его руками и ногами. Я еле-еле держалась, чтобы не упасть.

— Господи. Прюденс, ты самая прекрасная из женщин. Я хочу такую картину с тобой как сейчас. Твои волосы в беспорядке, ты стоишь передо мной без трусиков, твоя грудь налилась, соски затвердели и прорисовываются через мокрую майку. Вряд ли есть что-то прекраснее этого, — выдохнул он.

Я никогда не занималась сексом под открытым небом, и в этом ощущалась свобода. Мы были в поле, окруженном деревьями и кустами, и мне нравилось быть на природе, занимаясь чем-то вроде того, что мы делали.

— Как ты хочешь меня, Алекс? — спросила я. Мне нравилось, как он меня направляет, когда мы занимаемся сексом.

— Подойди сюда и перегнись через капот. Разведи ноги и приподними попку.

Я перегнулась через капот и развела ноги настолько, чтобы он оказался между ними. Насекомые начали жужжать вокруг моей головы, и несколько раз пришлось их отгонять. Я слышала сверчков вдалеке, а неподалеку звук шоссе. Алекс расстегнул джинсы и еще до того, как я это поняла, он оказался внутри меня. Я лежала на капоте, и его прохлада восхитительно чувствовалась на моих сосках. Он держал меня за бедра и двигался толчками.

— Давай, малыш. Я хочу, чтобы ты кончила. Я уже почти. Твоя попка это произведение искусства. — Я чувствовала, что когда я сжимаю и отпускаю его, он становится тверже. Я приняла всю его длину, позволяя проникать глубже и глубже внутрь меня. Все мое тело напряглось от сжигающей страсти к нему.

— Алекс, умоляю. Дотронься до моего клитора. — Алекс облизнул палец и дотронулся до моего клитора. Влажные ощущения от его движений довели меня до иступления. Я выкрикнула его имя и кончила так сильно, что мои ноги подкосились. Он стоял за мной и прижимал меня к машине, проникая все глубже и глубже и кончая внутри меня.

Я видела в отражении стекла, как он запрокинул голову, и его тело вздрагивает с каждым движением. Я почувствовала, как по моей ноге течет, и Алекс положил голову мне спину.

— Господи, Прюденс, милая поездка на блошинный рынок обернулась праздником секса. Мы просто не можем вести себя нормально, правда? — Он достал бумажные салфетки из бардачка, вытер мои ноги и себя. Я подобрала бюстгальтер, оделась и выкинула в окно разорванные трусики.

— Вести себя нормально не так весело, Алекс, — сказала я, садясь на сиденье и возвращая спинку в нормальное положение. — Я хочу так еще раз, — сказала я, улыбнувшись ему. Он поцеловал меня, и я утонула в его темных глазах.

— Прямо сейчас? — спросил он.

— Нет, малыш, не сейчас. Я без сил. Я хочу еще одну долгую поездку, чтобы застрять с тобой на пустынном поле, — сказала я.

— Слава Богу. Черт, да, мы сделаем это снова. У нас будем много, очень много поездок, — улыбнулся он. Я люблю его так сильно, что мое сердце готово разорваться.

Мы вернулись к нему домой, когда уже стемнело. Мы сняли нашу потную одежду, вместе приняли душ, забрались в кровать и позволили усталости охватить нас.

Но я не могла уснуть, потому что меня одолевало беспокойство. Я думала о женщине, которая преследовала нас. Она была слишком красива, чтобы иметь такой потерянный и беспокойный взгляд. Ко всему прочему, телефон Алекса не умолкал всю ночь. Море сообщений. Он сказал, что у Сената назначена срочная сессия на завтра, чтобы избежать отставки правительства. Я поверила ему.

Глава 17

В моих мыслях постоянно была та женщина, и я не могла выбросить ее из головы. Даже работа не могла меня отвлечь. Томас посмеялся надо мной, когда в разговоре с ним я сказала, что мне нужно немного поспать и заниматься сексом поменьше.

Алекс был занят всю неделю, и я практически его не видела. Когда мы были вместе, он был уставшим и раздраженным. Впервые мы были настолько вымотаны, что о сексе не было и речи. Честно говоря, нам едва хватало сил на то, чтобы поесть, принять душ и рухнуть в кровать.

Алекс пообещал мне освободить от работы выходные. Он сказал, что не сможет без меня еще одну ночь. Выходные в его доме были похожи на маленький отпуск. Иногда мы вообще никуда не выходили, при этом даже не потрудившись одеться. Это сводило Алекса с ума, особенно, когда на мне была лишь его футболка и больше ничего. Мне нравилось, как он реагирует на то, что мои соски проступают через тонкий хлопок, а майка едва прикрывает попу. Если я еще надевала каблуки, ему окончательно срывало крышу. Сила, которой я обладала над ним, была невероятной, и мне это нравилось.

Но до того как начались наши секс-выходные Алекс работал допоздна в пятницу. Я отправилась в магазин и купила нашу любимую еду. Алексу нравилось готовить для меня завтраки по воскресеньям, особенно мои любимые банановые блинчики с сиропом из ежевики. Эти выходные были особенными, я хотела показать ему, что могу заботиться о нем так же, как и он обо мне. А еще я планировала приготовить мои знаменитые спагетти. Пока я обо всем этом думала, находясь в магазине, он позвонил мне.

— Мы организуем вечер по сбору средств на следующей неделе. Я надеюсь, ты не забыла. Я хочу, чтобы ты пошла со мной. Напоминаю, что ты уже согласилась.

— Алекс, я уже сказала, что собираюсь пойти, и я не забыла. Мне нужно купить что-нибудь элегантное. Там будет президент.

— В выходные идем за покупками. К тому же есть кое-что, что я бы хотел купить для

тебя.

— И что же такое ты хочешь купить мне, Алекс? — поинтересовалась я.

— Белые футболки и побольше лифчиков и трусиков. Я постоянно рву их, если они на тебе. Я обычный человек с обычными вкусами, и мой дом должен становиться зоной, свободной от одежды каждый раз, как ты там появляешься, — сказал он, смеясь как плохой мальчишка.

— Только если это правило будет распространяться и на тебя тоже, — я тоже засмеялась, несмотря на легкую нервозность от нашего первого публичного выхода вдвоем. Что скажут люди? Что подумает Джейд?

Пока соус томился на медленном огне на плите, я немного убралась в доме. Мы поиграли с Беккетом, и когда он утомил меня, я поговорила с Томасом о его интимной жизни и офисных сплетнях. Алекса все еще не было, поэтому я поработала над материалами дела и посмотрела новости.

Около десяти я решила принять душ, прихорошиться и немного повеселиться. Во время последней ночевки я оставила жемчужное ожерелье. Я нашла его среди золотых запонок и очков для чтения. Я надела одну из его футболок, намочила ее так, чтобы ему было из-за чего понервничать. В сочетании с сексуальной прической, яркими губами и каблуками жемчуг добавил правильную ноту.

После двух бокалов вина ожидание того, что должно было случиться, охватило меня. Я начала прикасаться к себе и думать о нем. Я сделала селфи и написала ему сообщение:

Во сколько ты придешь? Я возбуждена и хочу тебя.

Я отправила его и начала ждать.

Ждать пришлось не долго.

Что я говорил о поддразниваниях? Тебе лучше быть в этом, когда я вернусь домой. Я собираюсь трахать тебя до бесчувствия. Обожаю жемчуг. Не снимай его!

Это было именно то, что нужно. Но мне нужно было отвлечься, потому что я была слишком возбуждена. Поэтому я села за работу и занималась ей, пока не услышала, как он ставит машину в гараж. Мое тело отреагировало мгновенно, я почувствовал, как становлюсь влажной. Я встретила Алекса в мокрой майке и с затвердевшими сосками.

— Как у тебя прошел день, малыш? — спросила я самым будничным голосом, открыв дверь. Алекс выглядел взъерошенным.

— Черт, Прюденс. У меня эрекция началась прямо в Сенате. Ты очень, очень плохая девочка, отправила фото мне на работу.

— Ты голоден? Я приготовила спагетти.

— Я бы не отказался от твоей киски и этих грудей. Обожаю, когда ты в моей футболке, да еще и в мокрой. Я не мог добраться до дома быстрее. Черт возьми, Прюденс. — Он схватил меня в охапку и закрыл за собой дверь.

Он начал тереть мой клитор, отодвинув прозрачные трусики и затолкав свой язык мне в рот. Я старалась держаться, схватившись руками за его плечи, но мои ноги подкашивались. Я опустила вниз до молнии его дорогих брюк, выпирающих под плотью. Расстегнула пояс, пуговицу и молнию, и брюки упали на пол.

— Пойдем в постель, Алекс. Ты нужен мне. Весь день я только об этом и думала. Я хочу, чтобы твой член затвердел и пульсировал во всех частях моего тела.

Он сбросил туфли и оставил свои брюки на полу. Поднял меня на руки и понес по лестнице наверх, а я в это время расстегивала пуговицы на его рубашке. Мне нравилось, как

он пахнет в конце долгого рабочего дня. Собой и своим одеколоном. Я уткнулась лицом в его шею и вдохнула. Бедняга Беккет пошел за нами, но Алекс сказал ему оставаться на месте.

— О чем ты думала, отправляя мне фото на работу? — его голос был хриплым и требовательным, но он был также возбужден, как и я. Он улыбнулся и поцеловал меня в мои жаждущие губы.

— Вам следует наказать меня, сенатор, — предложила я игриво.

— О, определенно следует.

Мы уже были в его спальне. Он положил меня на кровать и снял рубашку. Я так сильно хотела его, что не могла терпеть.

Я прижалась к нему лицом и вдохнула мускусный мужской запах. Стянула боксеры и восхитилась его великолепным пенисом и его мощью. Облизнула губы и провела по ним его членом, как будто это была помада.

— О, Алекс, ты вкусно пахнешь, — простионала я и продолжила лизать его.

Он встал передо мной и заполнил мой рот своим членом. Я провела руками по его великолепным бедрам, ягодицам и притянула ближе. Я лизала ствол вверх и вниз всей длиной языка, насыщаясь его вкусом. Сосала его и щекотала его яйца так, как ему больше всего нравится. Они втягивались, реагируя на мои прикосновения. Его дыхание участилось.

— Черт возьми, — все, что он мог сказать. Алекс сжал мои волосы в кулак и мягко их потянул. Пока я снова и снова лизала его твердый пульсирующий ствол, мое тело сгорало от желания. Алекс отступил от меня, сел на кровать и снял с меня майку, расстегнул жемчужное ожерелье и положил его на тумбочку. Он попытался уложить меня на себя сверху.

— Алекс, я хочу, чтобы ты кончил мне в рот, — сказала я. Я смотрела ему в глаза и продолжала сосать его толстый член. Он растянулся на кровати.

Его руки были у меня в волосах, он поднимал бедра навстречу мне.

Он был близко. Еще одно мое движение и он излился мне в рот, чтобы я высосала его досуха.

Алекс застонал, и осознание того, что это я могу с ним такое сделать, заставляло меня чувствовать себя очень соблазнительной.

Поцелуями я проложила дорожку вверх по его телу, наслаждаясь каждым дюймом. Он все еще был тверд. Алекс перевернулся и навис надо мной на локтях. Желая его всего, я прошлась языком по его шее и горлу, пробуя на вкус солонуватую кожу.

— А сейчас я хочу кончить, Алекс, — прошептала я ему на ухо. — Попробуй, какая я влажная.

Он вошел в меня пальцами, и я взмолилась о большем. Этого мне было мало. Я хотела, чтобы он вошел в меня по самые яйца, чтобы они тяжело бились о меня.

— Ты была плохой девочкой, и я должен тебя наказать, за то, что из-за тебя у меня встал прямо на заседании Сената. Помнишь, что я тебе говорил? Я подумал о том, как тебя наказать, и решил, что ты будешь умолять меня об оргазме. Я собираюсь посмотреть, как долго ты продержишься.

— Алекс, пожалуйста, я хочу кончить прямой сейчас.

— Вряд ли, Прюдентс. Я должен увидеть, как сильно ты этого хочешь. Разведи широко ноги.

— Если я так сделаю, ты не сможешь сопротивляться, Алекс. Ты никогда не мог устоять перед моей влажной киской.

Он ласкал складки моей киски, целовал живот и дул на клитор. Повторяя это до тех пор, пока я не почувствовала, что мое тело вот-вот воспламенится. Нежные поддразнивания его пальцев, едва прикасавшихся к моему клитору, были сладкой пыткой.

— Пожалуйста. Не поступай так со мной. Я больше не могу.

— О, конечно можешь. И будешь. Боже, ты прекрасна. И такая нежная. Я люблю прикасаться к тебе и чувствовать, что ты возбуждаешься еще сильнее.

Он говорил мне грязные вещи, чтобы довести до грани, я попробовала потереться об него. Но он мне не позволил этого. Его язык изучал мой пульсирующий клитор, и я могла кончить в любую секунду.

Каждый раз, когда я приближалась к этому, он останавливался и, глядя на меня, заставлял меня говорить, что я чувствую. Каждый мускул в моем теле был напряжен, я дрожала под ним.

— Тебе нравится?

— Алекс, не будь так суров. Мне нравится, но, Господи, не останавливайся.

Я выгнула спину и уткнулась головой в матрас. Я уже чувствовала оргазм, но опять он мне не дал кончить. Так дразнить меня было чистым мучением. Он намеренно мучил меня, лаская и останавливаясь снова и снова. Мой клитор налился и дрожал под его языком.

Алекс остановился, провел языком по внутренней стороне моих бедер. Подложил руки под мои ягодицы и приподнял ближе к своему рту. Я промокла до нитки и схватилась за простыни. Я начала тяжело дышать и подтолкнула бедра выше. Я могла сойти с ума без разрядки. Я не могла сдержать стоны.

— Думаю, я достаточно наказал тебя. Ты хочешь кончить?

— О, Боже, да, милый. Пожалуйста, дай мне кончить.

— Как ты хочешь кончить, малыш? — спросил он, глядя, как я раскинулась на кровати.

— Мне все равно, — ответила я.

Он разместился между моих ног и ввел палец внутрь, изучая мою реакцию. Я закрыла глаза, не ожидая больше ничего.

— Такая теплая и гладкая. Я люблю, когда ты влажная, Прюдэнс. Это значит, что ты хочешь меня.

— Я всегда хочу тебя, Алекс, — я открыла глаза, когда он вынул из меня палец. Я увидела, что он берет жемчужное ожерелье, обматывает его вокруг своих двух пальцев и вставляет их в меня.

Он медленно двигал пальцами вперед и назад, затрагивая бусами внешнюю часть моей вагины. Мои бедра начали двигаться, а дыхание участилось.

— Нравится? — спросил он.

— Боже, да, — я едва могла говорить.

Он вынул пальцы и затем, глядя мне в лицо, осторожно протолкнул в меня еще часть жемчужной нити.

— Алекс, черт, это так приятно, — сказала я. Я вцепилась пальцами в его плечи.

Огонь внутри меня нарастал, а Алекс проталкивал жемчужины дальше.

Медленно и мучительно он начал вынимать ожерелье, жемчужина за жемчужиной. Каждая жемчужина задевала стенки моей вагины, и это заставляло меня вскрикивать. Он коснулся языком моего клитора, и как только он это сделал, все стало еще более фантастическим. Алекс осыпал меня нежными лизаниями и поцелуями, а я продолжала сокращаться вокруг жемчужин. Я позволила оргазму взорвать меня, захватив все тело, и пока

это длилось, на моей коже выступил пот. Я вскрикивала каждый раз, как Алекс вынимал жемчуг.

— Алекс.

— Я знаю, малыш. Это очень приятно. — Он поцеловал мои бедра, и я обняла его, не желая никуда отпускать. Я приходила в себя после самого невероятного оргазма, который у меня был.

Сказав это, он ворвался внутрь меня. Я издала глубокий животный стон, какого раньше от себя самой не ожидала. Я не могла его сдержать. Это было так неожиданно. Мое тело еще не отошло от оргазма, когда он всаживался каждым своим дюймом глубоко в меня.

Это не заняло много времени. Он взорвался внутри, целуя меня и двигаясь как поршень. Начал растирать свою сперму по мне. Пальцы Алекса нажали на мой теплый и влажный клитор. Я только отошла от оргазма, а он уже пытался довести меня до нового.

— Мне нравится видеть свою сперму на твоём клиторе.

— Алекс, я не переживу еще один раз. Пожалуйста, остановись. Я больше не могу. — Я пыталась убрать его руку, но он был намерен заставить меня кончить еще раз. Я была так обессилена, что было и немного больно и приятно одновременно. Даже сейчас мое тело предало меня. Ощущения снова захватили меня. Я принадлежала Алексу.

— Просто почувствуй, малыш. Моя сперма на твоём клиторе, а пальцы растирают ее внутри тебя. О, да, тебе нравится, правда? Тебе нравится моя сперма, липкая и влажная. Вот так, малыш, просто чувствуй и дай мне это сделать.

Я кончила снова от того, что он массировал мой клитор пальцами и грязно разговаривал со мной. Я готова поклясться, что этот раз был более мощным, чем предыдущий. Я закрыла глаза и позволила ощущениям снова захватить меня.

То, как он смотрел, как оргазм охватывает меня, было очень необычно. Его темные глаза пронизывали меня, пока я извивалась под ним.

Алекс скатился с меня, обнял и сказал:

— Вот что бывает, когда ты отправляешь мне непристойные фото в тот момент, когда я помогаю президенту руководить страной.

— Заткнись, — засмеялась я, представив его на заседании Сената с эрекцией.

— Тебе понравился жемчуг? — спросил он, прижимаясь ко мне.

— Это было потрясающе, Алекс. Но хватит обо мне. Ты должно быть голоден и устал. Я приготовила нам спагетти.

— Ммм, ты готовила для меня? — он улыбнулся и поцеловал меня в нос. — Похоже, мне нужно взять тебя на содержание

Мы спустились вниз, я накормила его спагетти, и мы сели рядом на диван, в ногах у нас лежал Беккет.

— Господи, что может быть лучше в конце долгого дня, чем секс с тобой и спагетти? — его губы были испачканы соусом, и он улыбался мне. Его улыбка была такой сексуальной, что, похоже, я бы снова занялась с ним любовью, прямо сейчас, без передышки.

Глава 18

Вечер по случаю сбора средств был темой номер один в округе Колумбия. Была приглашена Виктория, и она собиралась пойти со своим мужем. Я не могла дождаться, чтобы увидеть, как он выглядит, и познакомиться с человеком, который ее приручил. Я не думаю, что кто-то видел его в глаза до этого вечера. Бьюла была приглашена тоже, но в последнюю минуту передумала идти. Я пыталась поговорить с Алексом о том, следует ему

идти одному или нет, но он и слышать ничего не хотел.

Алекс, будучи верным своему слову, пошел со мной за покупками и помог выбрать платье для мероприятия. Я выбрала шелковое платье от Гуччи цвета серой стали. Его челюсть упала, когда он меня в нем увидел, и я поняла, что это то, что надо. Я дополнила платье туфлями от Лабутена и простыми украшениями. Алекс выбрал смокинг от Тома Форда. Нет таких слов, чтобы описать то, как он выглядел, когда я открыла ему дверь в тот вечер.

— Алекс, ты выглядишь так, что тебя хочется съесть, — сказала я, запечатлев мягкий чувственный поцелуй на его красивых губах. Его образ дополняла легкая небритость и гладкие черные волосы. Потрясающе.

— О, мне нравится, как это звучит. Движение на дорогах будет безумное, поэтому нас ждет получасовая поездка на лимузине. Этого времени должно хватить.

— На мне шелк. Я не хочу, чтобы на нем было хотя бы одно пятнышко.

— Ого, мода важнее секса. Я никогда бы не подумал, что ты это скажешь, — произнес он, обнимая меня за талию.

— Выглядишь потрясающе. Платье такого же цвета ты надела на свою вечеринку. Я помню, как сильно был возбужден той ночью. Надеюсь, под этим платьем нет трусиков. — Он зацепил пальцем разрез и отодвинул ткань в сторону. Но я перехватила его руку, игнорируя жар, нарастающий между ног.

— Не волнуйся об этом. Я хочу держать тебя в неведении всю ночь, — сказала я. Я взяла сумочку и направилась к двери, заметив, что у него эрекция.

Мы приехали, когда вечер был уже в разгаре. Зал роился от очень известных политиков, международных представителей и кандидатов в президенты от обеих политических партий. Я была растеряна и смущена от того, что нахожусь в обществе таких влиятельных людей. Прибыл президент, и гости столпились, чтобы посмотреть на него. Я взяла бокал с шампанским, чтобы успокоить нервы, и схватила Алекса за руку, когда мы шли сквозь толпу. У меня появилась прекрасная возможность поговорить с другими сенаторами и их женами на протяжении вечера. Алекса хорошо принимали на всех уровнях, поэтому улыбки и похлопывания по плечу не были фальшивыми. Скорее всего. Некоторые были даже очень милыми. Я услышала, как высоко ценили моего дедушку сенаторы, которые знали его и работали с ним.

— Я самый везучий человек в этом зале, Прюденс. Я так горжусь, что этим вечером ты со мной. Мы оба проделали долгий путь. Из нас получилась отличная пара, не правда ли? — я тоже гордилась тем, что я с ним, поэтому поцеловала его в полные притягательные губы так, чтобы все видели.

Алекс оставил меня на несколько минут и слился с толпой, чтобы поговорить о делах. Я наблюдала, как женщины млели в его присутствии, пожирая его полными вожделения глазами. Была одна темноволосая женщина, которая сидела в одиночестве у бара и не сводила с него глаз весь вечер. Она была темнокожей, с такими длинными ногами, что с ними можно участвовать в забегах. Ее пурпурное платье идеально облегло ее стройную и статную фигуру, а ее черные как смоль волосы были длиной до талии и лежали идеальными, блестящими, гладкими локонами. У нее были пухлые губы и аккуратный носик, который выглядел хирургически доведенным до совершенства. А очень большая грудь, казалось, привлекала одного за другим мужчин, которые пытались заговорить с ней. Я решила подойти к ней и представиться, когда вдруг услышала знакомый голос за спиной.

— Ты ведь не знаешь, кто она, правда? — я повернулась и столкнулась нос к носу с Джейд. Она держала в обеих руках бокалы и выглядела такой же пережаренной фальшивкой, как и всегда. Один из них она протянула мне, и я опешила от ее дружелюбного жеста. Я была готова высказать ей все что о ней думаю, но она вела себя более чем пристойно.

— Давай выйдем поговорить куда-нибудь, где тысячи глаз не будут на нас пялиться, — сказала она, на ходу выпив целый бокал шампанского одним глотком.

— Джейд, я не хочу никуда идти с тобой. И кстати, прекрати писать мне смс. Они мерзкие и отвратительные.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь, Прюдэнс. Я не нуждаюсь в том, чтобы писать тебе что-либо. Я даже не знаю твой номер. Честно говоря, я не позаботилась о том, чтобы так тратить свое время. Если ты хочешь стоять здесь и пялиться на эту женщину у бара, то пожалуйста. Можешь сама попытаться это выяснить. Я знаю, кто она, мне слишком долго пришлось с ней разбираться. Когда будешь готова, найди меня, — сказала она и развернулась, чтобы уйти.

— Продолжай, Джейд. — Я поставила бокал с шампанским и пошла за ней сквозь толпу.

Как только мы оказались снаружи, она закурила и повернулась ко мне. Порывом ветра сигарету сдувало, но Джейд продолжала курить, делая затяжку за затяжкой. Вблизи она не была так привлекательна, как я о ней думала. Ее лицо выглядело шероховатым и загорелым. Вокруг губ были следы морщинок, а глаза хоть и были темно-синими, но какими-то уставшими и безжизненными.

— Я хочу знать правду. Я не люблю, когда меня обвиняют в том, что я не делала. Я никогда не писала тебе. Я бы никогда не стала угрожать или нападать на тебя. Я этим не занимаюсь.

— Алекс сказал, что это ты отправляла мне оскорбительные сообщения, он сказал, что звонил тебе и просил прекратить.

— Алекс врет. Он врет, чтобы защитить женщину у бара.

У меня перехватило дыхание.

— Кто она и почему не сводит глаз с Алекса? — спросила я.

— Ее зовут Стелла Саймон, она дочь сенатора Саймона. Она врач. Когда я встречалась с Алексом, у нас в отношениях постоянно были проблемы из-за нее. Они с Алексом давни знакомы. Их родители были хорошими друзьями, и они проводили много времени вместе. Они связаны, и это нельзя изменить. Я пыталась. Каждый раз, когда мы с Алексом где-нибудь появлялись вместе, она притаивалась неподалеку, следила за нами или непрерывно писала сообщения. Было неприятно, что она каким-то образом узнавала, куда и когда мы собираемся. Это даже пугало. Однажды я видела ее, когда мы ездили на Бермуды.

— О, перестань, Джейд. В это невозможно поверить. — Надеюсь, мой решительный вид не дал трещину. Алекс никогда не упоминал об этой женщине и всегда вел себя так, как будто никогда не знал ее, даже когда я увидела ее на рынке. А это была она. Абсолютно точно.

— Можешь не верить, если хочешь. Его телефон, должно быть, постоянно горит от ее смс в любое время дня и ночи. Он говорил мне, что это по работе, но я знала, что это не так. Это была Стелла. Она была неумолима, и он не мог сказать ей нет. Это был конец наших отношений. Алекс не любит говорить о ней, и каждый раз меняет тему. Я устала постоянно проигрывать. Я больше не хотела, чтобы меня это касалось. Если ты получала какие-то

сообщения, то запомни, они были от нее. Также она поступала и со мной. Я умоляла Алекса прекратить все это, и он обещал мне, но ничего не получилось.

Ветер усилился, и мои волосы прилипли к лицу. Я чувствовала, как нарастает паника с каждой деталью, о которой она говорила.

— Зачем ты мне рассказываешь это? — спросила я, стараясь казаться уверенной, как будто ее словам так и не удалось меня задеть.

— Я решила, что ты заслуживаешь правду. Я любила его, но это не прервало его связь со Стеллой. Когда мы расстались, он тайно обручился с ней. Я не знаю, что произошло, или что это была за история, но мне кажется, она заболела и ушла на какое-то время. Он расстался с ней, а потом он начал встречаться с тобой. Я не знаю, игра это или что-то еще, но через некоторое время ты заметишь, что ничего не прекратилось, и она никуда не делась. Просто будь осторожна. Это все, что я могу сказать тебе.

— Буду иметь в виду, Джейд, спасибо, что рассказала. — Я попыталась скрыть тот факт, что не дышу, глаза жгло от слез.

— Я не такая стерва, как ты обо мне думала. Я была несчастлива, постоянно пытаюсь удержать его возле себя, я не хотела терять его. Но после всего это был лучший выход. Я просто сдалась. Ты увидишь, любить сенатора — это тяжелый изнурительный труд. Он прекрасный человек и великолепный любовник с неутолимимым сексуальным аппетитом, но запомни мои слова, он не отпустит ее.

Мне захотелось убежать и никогда не возвращаться. Мысль о том, что Алекс обманывал меня, разрывала сердце. В животе все сжалось. Что я на самом деле знала об Алексе Конраде, кроме того, что он любил есть и что любил в постели?

Я оставила Джейд на улице и вернулась в зал. Остановилась у дамской комнаты, чтобы привести себя в порядок. Макияж размазался, волосы были в полном беспорядке. Я даже не узнала себя в зеркале. Время, проведенное с Алексом, было чудесным, лучшим, о чем я только могла мечтать. Но где-то на этом пути я потеряла мое истинное я, любящее его, и пришло время стать снова Прюденс Ромэйн.

Когда я вышла из дамской комнаты, Виктория поймала меня и представила нескольким людям из своего окружения, включая ее мужа. Я старалась вести себя настолько спокойно, насколько могла, стараясь при этом не сойти с ума. Я не хотела вести себя невоспитанно по отношению к Виктории, но решила извиниться и уйти, чтобы найти Алекса. Я выпила еще один бокал шампанского после того, как увидела, что Стеллы больше нет у бара. После обмена любезностями и притворства, что мне интересно, о чем говорят друзья Виктории, я увидела их.

В дальнем укромном углу, Стелла была прижата к стене рукой Алекса, не дававшего ей двинуться. Она улыбалась ему, но я не могла разобрать, что она говорила. В этот момент мое сердце разбилось на миллион кусочков. Я увидела, что он стоит в дюйме от нее настолько поглощенный ею, что не видит ничего вокруг. Когда она протянула левую руку, чтобы прикоснуться к его лицу, тому лицу, которое я надеялась через несколько часов увидеть между моих ног, я заметила на ней кольцо с бриллиантом.

Мой пустой бокал разбился вдребезги, упав на мраморный пол.

Глава 19

Я не могла ничего поделать. Я убежала в слезах. Мой принц превратился в лягушку. Я слышала, как Алекс звал меня, и от этого мне казалось, что в сердце вонзается нож. Я не обернулась, решив не поддаваться. Мое платье было в пятнах от пота. Наш недавний

разговор о пятнах на моем платье промчался у меня в голове, и слезы полились по щекам. Полицейский, регулировавший движение, спросил, все ли у меня в порядке.

— Мне нужно домой. Мне нужно такси. Я плохо себя чувствую, — сказала я. У меня было ощущение, что моя грудная клетка пробита, и все, что мне хотелось, это выбраться отсюда.

Через несколько секунд такси стояло передо мной, и я села внутрь. Машина тронулась, и я увидела, как Алекс кричит мне и машет рукой. Телефон зазвонил у меня в сумочке. Я проигнорировала его, но он не прекращал звонить. Я взяла телефон, чтобы выключить его, и увидела, что пришло

сообщение. *Ты проиграла. Он всегда будет моим. Убирайся обратно в свой трейлер в Огайо со своей жалкой жизнью, девчонка.*

Во мне кипели злость, ненависть и печаль, пока я не оказалась дома.

Как когда-то, я рухнула на диван у себя дома. Как я могла так ошибаться в Алексе? Как я могла подумать, что могу выиграть в битве за его любовь? Потому что я особенная. Потому что я единственная, кто мог сделать его счастливым. В голове всплыли слова Джейд: «Неутолимый сексуальный аппетит». Это ведь не обо мне. Это Алекс. На моем месте могли быть любая. Джейд. Стелла. Все это время он говорил, что допоздна работает. Был ли он с ней? А может сначала с ней, а потом залезал в постель ко мне? У меня все сжалось в животе. Плача, я опустилась на пол. Я была никем. Трейлерный хлам, как сказала Стелла. Как только я могла подумать, что такой человек как Алекс Конрад, будет видеть во мне нечто большее, чем игрушку, с которой можно потрахаться?

Теперь до меня, наконец, дошло. Может быть, это не меня он по-настоящему хотел все это время. Может ему просто нравилось играть со мной. Я молода и привлекательна. Я представила, как он хвастается перед другими сенаторами, как он трахает меня везде, где ему хочется, как я делаю все, что он говорит, возбуждаюсь при одной только мысли о его прикосновении. Даже сейчас, мысль о том, что он прикасался ко мне, заставила меня желать его. Даже в такой хреновый момент как сейчас, после того как он так поступил со мной. Как я позволила этому случиться со мной? Мне казалось, я умнее. Я злилась на него, но еще больше я злилась на себя.

Должно быть, прошло не меньше получаса, я была разбита, вся в слезах и размазанном макияже, испачкавшем платье от Гуччи, думала о том, почему я позволяла Алексу Конраду использовать меня. Его вкус, его запах, его чертова собака. Почему я не видела этого раньше? Я ведь знала, что все те сообщения не были связаны с работой, но я предпочла верить ему. Я хотела верить ему.

Мне стало еще хуже, когда я услышала, как у моего подъезда припарковалась машина. Он приехал, чтобы увидеть меня. Невозможно убежать от такого человека, как Алекс Конрад.

Я услышала стук и проигнорировала его, надеясь, что он уйдет. Он начал стучать двумя руками так сильно, что я испугалась, что соседи вызовут полицию.

— Прюденс, я знаю, что ты там. Джейд рассказала мне о вашем разговоре. Впусти меня. Если ты этого не сделаешь, я выбью к чертям эту дверь, — кричал он сквозь закрытую дверь. — Прюденс, позволь мне все объяснить. Пожалуйста.

Алекс колотил в дверь до тех пор, пока я не открыла. Он выглядел растерянным и помятым, как будто на него напали.

— Что тут объяснять, Алекс? Еще одна твоя подружка, Джейд, все мне уже объяснила.

На этот раз я узнала правду, и не от кого-нибудь, а от человека, которого я презираю. Ты помолвлен со Стеллой и использовал меня и Джейд ради секса. Все правильно, или я кого-то упустила? Я видела то проклятое кольцо на руке Стеллы Саймон. Ты обманывал меня. Она преследовала нас на блошином рынке, и ты узнал ее. Почему ты так со мной поступил? Я любила тебя. Я любила тебя всю мою жизнь. Я отдала тебе все. — Я плакала и кричала, и из-за всего этого мне хотелось умереть. Часть меня надеялась, что он возьмет меня на руки и отнесет в постель.

— Ты слышала историю со стороны Джейд, а сейчас я хочу, чтобы ты услышала мою. — Он посмотрел вниз и провел руками по своим спутанным волосам.

Я вытерла нос и лицо и постаралась выглядеть чуть презентабельнее, но полученный ущерб уже было не исправить. Он протянул мне носовой платок.

— Садись и послушай меня, Прюденс. Я не буду врать тебе. Я не обманывал тебя. — Он убрал прядь волос с моего лица мне за ухо, я вздрогнула.

— Не указывай мне. Ты больше не будешь прикасаться ко мне снова или говорить мне, что делать, — сказала я, вытирая глаза, потому что тушь попала в них со слезами. Алекс стоял в кухне, а я прислонилась для опоры к стене.

— Посмотри на себя. Даже сейчас ты чертовски потрясающая, — он посмотрел на меня, одетую в платье, которое сам же для меня и выбрал, так, как будто ему было так же больно, как и мне.

— Не смей мне делать комплименты в такой момент. И не надо меня пичкать ерундой, что ты не обманывал меня. Я тебе рассказывала о себе все, и я верила тебе. Ты не посчитал нужным рассказать о ней. Ты просто присоединился к списку всех уродов, которые обманули мое доверие! Чтоб ты провалился, Алекс Конрад.

Мне хотелось врезать ему по лицу.

— Успокойся, Прюденс. Ты заводишься на пустом месте.

— Не разговаривай так со мной, Алекс. Я видела тебя и твою тайную невесту в увлекательном разговоре сразу после того, как ты сказал мне, как сильно любишь. Что с тобой вообще происходит? Это какая-то хитрая игра, в которую ты играешь с женщинами? Ты коллекционируешь женщин так же, как свои Фиаты?

— Пожалуйста, перестань кричать и просто послушай. То, что рассказала Джейд, правда. Я был помолвлен со Стеллой, и я разорвал помолвку. Мы встречались с колледжа и планировали пожениться. Наши родители дружили, и мы росли вместе. Все о чем она думала — это когда мы наконец поженимся, чтобы создать семью. Я был влюблен в нее, и какое-то время мы были счастливы. Потом я слишком увлекся политикой, и мы разошлись. Я начал встречаться с Джейд, а Стелла начала встречаться с врачом, который работал в той же больнице, что и она. Поскольку ее отец сенатор, она могла быть приглашена на те же мероприятия, что и он. Однажды я увидел ее вечером, мне было одиноко и хотелось с кем-то поговорить, и мы возобновили наши отношения. Я признаю, у нас был секс, и мы оба хотели, чтобы это осталось между нами, потому что у каждого из нас были свои планы. — На секунду он замолчал.

— Что за чушь? Тебе было одиноко, и поэтому ты трахнул ее? И в то время, как она с кем-то встречается, она все равно носит твое огромное помолвочное кольцо? Какой же душой ты меня считаешь, Алекс? — Мне пришлось убрать руки за спину, чтобы не вцепиться ему в шею.

— Дай мне закончить, — попросил он умоляюще, и я готова была поклясться, что он

завелся, оглядев меня сверху вниз и задержав свой взгляд на моей груди. — Через несколько месяцев, после того как мы были вместе, она сказала мне, что беременна. Я знал, что должен поступить правильно, поэтому сделал ей предложение. Признаю, отчасти это было сделано, чтобы сохранить имидж, но вот с другой стороны... Тогда я думал, что у нас все получится. Я думал, что это будет началом семьи, о которой я так давно мечтал. Но через некоторое время она превратилась в совершенно другого человека. Стала мнительной собственницей и не давала мне находиться вне ее поля зрения. На третьем месяце беременности у нее случился выкидыш, и на два месяца она попала в психиатрическую лечебницу. Она больше не могла продолжать медицинскую практику, потому что стала психически неуравновешенной. Я чувствовал вину за произошедшее, потому что если бы не я, она бы не забеременела и не потеряла бы ребенка. Сейчас она под наблюдением врача и не должна была оказаться там сегодня. Перед тем как приехать, я попросил ее отца забрать ее. Она не в себе, Прюденс, и не думаю, что это когда-нибудь изменится. И как она узнала твой номер телефона, я понятия не имею.

Я стояла и не могла произнести ни слова или посмотреть на него. Мои эмоции перевернулись на 180 градусов. Я поняла, что переживаю за Стеллу, за Алекса и даже за Джейд. Алекс потерял ребенка. Стелла сошла с ума от горя. Никому не пожелаешь такое испытать. Моя защитная поза ослабла, и в этот момент я была рада, что опираюсь на стену для поддержки.

— Ты думала, что это была Джейд, и я не стал поправлять тебя. Прости меня за это. Мне было проще позволить тебе думать так, поскольку ты уже ее ненавидела. Я просто не хотел делать тебе еще больнее, Прюденс. Я так люблю тебя. Я так давно мечтал о тебе. Я делал все, чтобы защитить тебя от этого. Я прошу простить меня от всей души. — Когда я посмотрела на него, его глаза были наполнены слезами.

Я ненавидела его, и в то же самое время хотела удержать, уберечь. Я все еще не знала, был ли он искренен со мной или нет. Использовал ли меня только для секса? Любил ли. Или тоже был болен? Все, что я смогла произнести, было:

— Ты обманул меня, Алекс.

Он сделал шаг ко мне и остановился.

— Я хотел быть с тобой, а все остальное для меня не имело значения. Я никогда и мечтать не мог, что влюблюсь так сильно. Я не мог и мечтать о том, что моя жизнь будет такой. Я не мог отказаться от того, что у нас с тобой началось, и не хотел все разрушить, — сказал он.

— Это чушь, ты использовал Джейд и меня ради секса, а Стелла — это женщина, которую ты по-настоящему любишь, — я снова перешла на крик.

— Это не так, Прюденс. Перестань, ты знаешь, что я за человек. Я бы никогда не поступил так с тобой, — сказал он, глядя прямо мне в глаза. — Если я люблю кого-то, значит люблю. Я очень любил их, отдавая себя полностью.

— Ты любил Стеллу больше, чем меня? — прошептала я, глядя сквозь него.

— Прюденс, я никого и никогда не любил так сильно, как тебя. — Он вздохнул и взял бумажную салфетку из упаковки, чтобы промокнуть глаза.

— Мне пришлось нелегко, чтобы сохранить это все в секрете, но отец Стеллы очень влиятельный человек. Он признателен за то, что эта история не попала в газеты. Можешь представить, что было бы, если бы все открылось? Если бы это было обнародовано во время кампании? Мы со Стеллой разорвали помолвку, и я начал встречаться с Джейд снова, но мое

сердце было не с ней. И оглядываясь назад, я понимаю, что был не прав по отношению к Джейд. Я извинился перед ней.

— Что было между вами, когда ты стоял там со Стеллой? Казалось, что вам двоим было неплохо вместе в тесном углу. — Я понимала, что говорю как чокнутая ревнивица. Он попытался подойти ближе ко мне, но я остановила его, подняв руку.

— Ничего между нами не было. Ее снова отправляют в лечебницу. Она всем рассказывала, что мы с ней помолвлены и представлялась всем вокруг моей невестой. Ее отец заверил, что она получает должный уход.

— Ты все-таки соврал. И этим сделал мне больно, Алекс. Меня обманывали всю мою жизнь, и я поклялась, что больше со мной такого не будет. Мне нужно время подумать. Я хочу, чтобы ты ушел, — сказала я, хотя на самом деле хотела, чтобы он остался. Я так сильно хотела его в это мгновение. Я хотела, чтобы он показал мне, как сильно он меня любит, и как много я для него значу.

Алекс медленно обошел меня и обнял сзади. Я не смогла оттолкнуть его. Он стоял позади, уткнувшись лицом мне в шею, и теплые слезы катились из его глаз по моей коже.

— Как бы ни было, никто никогда не значил для меня так много, как ты. Я полюбил тебя с первого взгляда, как только увидел. Я ждал, когда ты станешь достаточно взрослой для того, чтобы любить тебя. Когда ты пришла со своей тетей вести кампанию, я знал, что ты пришла, чтобы изменить мою жизнь. Думай столько времени, сколько тебе нужно. Обдумай все. Каждый поцелуй, взгляд, прикосновение, оргазм. Вспомни каждый из них. А потом прими решение.

Он отпустил меня, поцеловал в макушку и ушел. Я слышала, как отъезжает лимузин, увозя его. У меня болело все. Голова, сердце, даже между ног. Мне нужно решить, стоит ли Алекс Конрад всего этого.

Глава 20

Журналисты ночевали у моего дома и офиса каждый день. Мои фотографии, где я в слезах и с размазанным по лицу макияжем сажусь в такси, были повсюду. Более того, все СМИ заполнили фото Алекса, бегущего за мной. Женщины ненавидели меня за то, что разбила сердце сенатору Конраду. Некоторые радиостанции даже провели конкурс, чтобы узнать, кто мог бы стать новой подружкой, если я больше не буду с ним встречаться. В течение недели я пряталась у Бьюлы, пытаюсь прийти в себя. Она настояла на отсутствии телевизора, радио и газет, боясь, что давление СМИ и негативные комментарии могут усугубить мое состояние.

Но когда я меньше всего этого ждала, одна статья все-таки настигла меня. В ней говорилось, что эксклюзив о сенаторе Конраде разорвет его политическую карьеру на мелкие кусочки. Ее выпустили, чтобы рассказать, что он был в отношениях с дочерью бывшей подружки. В деталях говорилось о борьбе моей мамы с наркотиками, проституции и смерти от СПИДа. Как только я начала читать статью, чуть не потеряла сознание. В основном в ней говорилось о том, что Алекс использовал мою маму и давал ей наркотики, чтобы добраться до меня, когда я была подростком. Статья утверждала, что у нас были предосудительные отношения, когда мне было шестнадцать, а ему тридцать три, а сейчас у нас была полноценная любовная интрижка. Я стала причиной разрыва между ним и его невестой Стеллой Саймон, которая сейчас находится в психиатрической клинике.

— Бабушка, что же мне делать? Это уничтожит Алекса, — я плакала, пока она расхаживала взад и вперед.

— Давай я позвоню Тоби. Она во всем разберется, — сказала она, набирая номер моей тети. Тоби была похожа на Викторию, только хуже. Уж она точно с этим может разобраться.

Я слышала, как Тоби на другом конце провода выкрикивает ругательства и совершенно неподобающие леди слова.

— Тоби вне себя от ярости и прямо сейчас отправляется в их офис. Она знает главного редактора. Поверь мне, дорогая, когда она с ними покончит, там камня на камне не останется. Тебе нужно успокоиться и подумать о своих делах. У тебя есть работа и своя жизнь, и ты должна позаботиться об этом.

Я хотела вернуться к своей жизни, понять, с чего начать, чтобы снова прийти в норму, но вместо этого я спросила Бьюлу, владеет ли еще Тоби домом в Хаянис Порт. Это был старый пляжный дом, которым семья пользовалась, когда мама была еще маленькой. Никто не бывал там долгие годы. За исключением садовника. После того как мама сбежала, туда перестали ездить. Тоби позвонила садовнику, и он сказал ей, что подготовит дом для меня к завтрашнему дню.

Бьюла не хотела отпускать меня туда одну. Она боялась, что журналисты могут преследовать меня или кто-нибудь мог увидеть, что я одна, и навредить мне.

— Бабушка, пожалуйста. Я большая девочка. Я так устала от того, что все вокруг думают, что я все еще та маленькая бедняжка Прюденс. Я хочу спрятаться от всего этого и побыть одна, — сказала я, собирая вещи. Я взяла только те вещи, в которых мне было бы удобно. Мне нужно было побыть одной. Мне нужно было время, чтобы вернуть себя и вспомнить, кто я есть.

— Разве ты не можешь остановиться в отеле или в каком-нибудь спа? Я оплачу его и буду уверена, что ты в безопасности. Никто не останавливался там годами, Прюденс. Я даже не знаю, в каком состоянии дом и не рухнул ли он вообще. Я не была там со смерти твоего дедушки, — умоляла она. Но я уже взяла билет на самолет и через несколько часов должна отправиться в путь.

— Со мной все будет в порядке. Я позвоню тебе сразу, как приземлюсь. Пожалуйста, не волнуйся, бабушка. Сейчас мне нужно именно это.

— Я знаю, — сказала она, держа меня за руку и глядя мне в глаза. — Разрешешь пожилой леди дать тебе совет? Я никогда не вмешивалась и старалась дать тебе возможность делать все так, как ты считаешь нужным. Но есть кое-что, что ты должна услышать.

Я напряглась, кивнула и приготовилась выслушать бабушкины мудрые слова.

— Я верю ему, когда он говорит, что делает это, потому что сильно любит тебя. Я знаю его семью и его долгое время, и они хорошие люди. Идеален ли он? Ни один человек не идеален. Поверь мне. Но я вижу, каким он становится, когда ты рядом, как он смотрит на тебя. Я не думаю, что Алекс играет с тобой. Он любит тебя, и ты должна подумать о том, как тебе с этим поступить.

— Надеюсь, ты права, бабушка. Я люблю его. Мне надо подумать, как это пережить. Меня часто обманывали и скрывали что-то от меня. Я хочу побыть одна и понять для себя, стоит ли он моей любви.

— Я знаю, милая. Подвезти тебя до аэропорта?

— Да. Спасибо, бабушка. Мне нужно было это услышать. — Я крепко ее обняла.

— Ты мой ангел-хранитель. Я люблю тебя, — она улыбнулась, обнимая меня.

— Я тоже тебя люблю. Я надеюсь, ты понимаешь, что если бы не ты, я бы не стала той,

кто я есть сейчас, — сказала я.

— Послушай, ты сейчас та, кто ты есть, только благодаря себе. Ты могла не позвонить мне в тот день, когда твоя мама выгнала тебя из трейлера. Ты могла выбросить мой номер и сбежать, связаться с плохой компанией и принимать наркотики, как она. Ты этого не сделала, потому что ты сильная. Ты настоящая Ромэйн. И не забывай об этом. Это не благодаря мне или кому-то еще. Это благодаря тому, кто ты есть внутри.

Возможно, бабушка была права. Возможно, я была сильнее, чем сама о себе думала.

Глава 21

Мой самолет приземлился в семь. До этого я ни разу не была Хайанис и планировала наслаждаться тем, что проведу это время в одиночестве. Пока таксист вез меня через маленький городок, ставший популярным благодаря семейству Кеннеди, я мысленно отмечала магазины, которые мы проезжали, надеясь побывать в них на следующий день. Люди, в основном одетые в кардиганы и брюки хаки, наслаждались шопингом и ресторанами. Пока мы ехали к нашему родовому поместью, я рассматривала особняки, расположившиеся на широком пляже вдоль дороги.

Дом стоял в конце длинной извилистой подъездной дороги и примыкал к лесной зоне. Дорога, длиной должно быть не меньше полумили, была окружена красивыми зелеными деревьями, ведущими к пляжному дому с мансардой. Он был белого цвета и нуждался в покраске. Со стороны океана его полностью окружало крыльцо.

Дом оказался более живописным, чем я себе представляла. Фотографии не передавали его красоты. Отпуска и вечеринки, которые здесь проходили, должно быть, были грандиозными. Пляж подходил прямо к торцу дома, обнимая небольшой двор, в котором было место для костра и порванная волейбольная сетка.

Когда я зашла внутрь, я была удивлена, как здесь чисто и ухоженно. Кто-то уложил дрова в аккуратную стопку рядом с камином. Мебель была отполирована и вычищена. Все выглядело чистым и уютным.

Поставив чемодан на лестницу, ведущую на второй этаж, я услышала, как волны набегают на берег, это был прекрасный расслабляющий звук. Дом был чудесным с белой мебелью и темными полами. Он был обставлен старинной рустикальной мебелью и предметами старины. Я могла бы жить здесь годами. И мне бы не надоело. На кухне была кофеварка, и ближайшие несколько дней это было все, что мне нужно. Я заглянула внутрь холодильника, кем-то наполненного моей любимой едой и напитками.

Поднялась по широким ступеням на второй этаж, где я обнаружила не одну, а шесть спальных комнат и две ванны. В одной ванной комнате был душ, огромная ванна на фигурных ножках и окно с видом на океан. Я не могла дождаться, чтобы принять ее с маслами, ароматическими свечами и вином, которое уже ждало меня. Тоби позаботилась обо всем.

Но пока я не хотела оставаться в доме, поэтому взяла книгу из сумки, налила себе бокал вина и отправилась к месту для костра, чтобы развести огонь.

Села на скамью, позволив себе внимать звукам и запахам пляжа, и через несколько мгновений забыла насколько уставшей и опустошенной я была. После пары бокалов вина мои глаза стали слипаться. Разрываясь между беспокойством и отсутствием Алекса рядом со мной ночью, я не высыпалась с того вечера по сбору средств. После того как я допила бутылку вина и поплакала, я смогла наконец провалиться в сон.

Я проснулась, озадаченная тем, где я была, полностью одетая, и все еще на скамье.

Огонь, должно быть, догорел за ночь, и стало холоднее. Когда я попыталась встать, моя голова и шея занули от боли. Я дотащила свое ноющее тело наверх в душ перед тем, как отправиться осматривать город. Как только вода попала на меня, стресс начал таять. Я стояла так, наверное, полчаса, позволяя горячей воде расслабить меня. Тело жаждало Алекса. И когда мысли о нем и то, что мы делали в душе, захватили мое сознание, я вышла. Я легла на кровать в моем любимом халате и, поплакав, уснула.

Холодный воздух в доме пробудил меня от глубокого сна. Я завернулась в одеяло и поплелась вниз, чтобы разжечь огонь. На этот раз я проголодалась и нуждалась в чашке крепкого кофе. Нашла консервированный суп в кухонном шкафу, подогрела его на плите и сварила себе крепкий кофе итальянской обжарки. Это было то, что нужно, чтобы успокоить нервы и заполнить желудок.

Было уже слишком поздно, чтобы идти в город, поэтому я просто сидела на крыльце, читала и слушала, как волны разбиваются о берег — идеальная терапия. Я никогда не была человеком, которому нужно, чтобы его все время окружали люди. Когда я была маленькой, мама могла оставить меня одну на несколько дней. В итоге я научилась получать удовольствие от тишины наедине с собой.

Пока я лежала на крыльце и пыталась читать, меня опять сморил сон. Мои веки стали тяжелыми и до того как я это поняла, наступило утро, принесся клубящиеся облака и пугающее небо. По всей видимости, надвигался шторм.

Мне хотелось выйти и прогуляться, чтобы почувствовать жизнь на мысе. Вместо этого я пила свой кофе и смотрела, как надвигается шторм. Это было удивительное зрелище — видеть мощную силу матери природы так близко. Она была беспощадна к океану, волны которого осаждали берег.

После того как шторм закончился, вышло солнце, и я направилась в город на машине для гольфа. Я кое-как завела ее и с небольшим шипением и пробуксовкой выехала на дорогу. Все вокруг были приветливы, я припарковалась и продолжила путь по тротуару, с интересом осматривая историческую часть города. Каждый магазин, в который я заходила, был более необычным и изысканным, чем предыдущий, с вещами, которые я могла найти только в нем и нигде более. Прислушавшись к своему умоляющему о еде животу, я решила остановиться в небольшой закусочной, известной своими крабовыми салатами. Они были великолепны, и я заказала порцию и кусок пирога с пеканом, помня, что он очень понравился Алексу. Мои мысли вернулись к нему, я начала есть со зверским аппетитом, уплетая салат огромными порциями. То, что я выспалась и сменила обстановку, казалось, вернуло мой аппетит.

Люди наполнили улицы, идя туда-сюда в полном неведении о том, что творится у меня внутри. Пары держались за руки, а одиночки вокруг спешили, возможно, на обед. Свой путь в ресторан держала пожилая пара, и я с восторгом наблюдала, как был внимателен мужчина к своей жене. Он придержал дверь и с легкостью помог ей пройти внутрь, они сели и начали есть, не сказав друг другу ни слова. Все, что они хотели сказать, говорили их глаза. В гармонии друг с другом слова не были нужны. И снова мои мысли вернулись к Алексу. Когда муж заметил, как я смотрю на них, он помахал мне и улыбнулся.

Я помахала в ответ.

— Добрый день.

— День всегда добрый, когда мы вместе.

Жена повернулась, улыбнулась и тоже помахала мне.

— Вы одна, дорогая?

— Да, то есть, нет, у меня есть кое-кто, но мне нужно было уехать и подумать.

— О, я знаю, что это такое. Однажды я провела без этого человека три дня и думала, что сойду с ума. Вы также себя чувствуете без него? — спросила она.

— Как сумасшедшая, — ответила я, улыбнувшись ей в ответ, а в глубине души желая поплакать.

— Тогда вам лучше поговорить с ним. Однажды я почти позволила ему уйти, но вернула обратно. Я провела чудесные шестьдесят семь лет с этим человеком. Нет ничего важнее любви, дорогая. Ни карьера, ни деньги, ни вещи. Верните его, милая, пока кто-нибудь не сделал это вперед вас, — она улыбнулась снова.

Ее муж подмигнул мне и кивнул головой.

— Спасибо, — сказала я, теперь огромные слезы катились по моим щекам. Женщина поднялась, подошла ко мне и обняла.

Я поехала домой, размышляя о том, что сказала мне эта милая добрая леди. Она не знала, какую боль причинил мне Алекс. Боль от осознания того, что он чуть не стал отцом ребенка другой женщины. Если бы это произошло, если бы Стелла доносила этого ребенка до срока, то Алекс и я никогда не были бы вместе.

Обрадовавшись, что вернулась домой, я покрутила старое радио и нашла станцию, которая мне нравится. Под музыку 50-х взяла бутылку вина, бокал и отправилась в ванную. Наполнила ее горячей водой, залезла и просто растворилась. Откинула голову, слушая группу «Платтерс», потягивая вино и глядя на океан. Вскоре мои мысли ушли далеко от Алекса.

Я проснулась в холодной ванне, безумно скучая по нему. Но все было не так просто, как говорила пожилая женщина. Я не могла просто взять, простить и вернуться к нему. Мне нужно было больше вина, чтобы заглушить боль. Мне нужна еще одна ночь, чтобы принять решение. Кроме того, сейчас было слишком поздно для чего угодно. Единственное, что я могла сделать, это закрыть дом и лечь спать. Подойдя к входной двери, я подпрыгнула от неожиданности. На крыльце кто-то стоял.

Глава 22

Мое сердце подскочило к горлу прежде, чем я смогла что-либо произнести.

— Ч-ч-ч-то ты тут делаешь? — спросила я и запахнула халат около шеи, как будто это могло защитить меня от возбуждения, нарастающего между ног.

— Меня прислали Бьюла и Тоби. Они беспокоились о тебе, поэтому я здесь. Мне нужно было увидеть тебя, Прюдэнс. Я не могу больше без тебя ни дня, — он выглядел мрачным и одиноким.

— Я не понимаю. Я сказала им, что хочу уехать и подумать, а они прислали тебя сюда? Мне из-за тебя и пришлось уехать. — Мы стояли, глядя друг на друга. Я не была готова видеть его. Разговаривать с ним. Хотеть его. Он выглядел красиво и строго в черных джинсах, черном дизайнерском свитере и кожаной косухе, которую любил надевать по выходным.

Господи, я ведь совсем забыла, как Алекс прекрасен. Приглаженные гелем волосы и лицо, покрытое щетиной — он выглядел как мой Алекс, только похудевший, и с еще более темными и грустными глазами.

— Могу я войти? Мне нужно прикоснуться к тебе и поговорить. Позволишь? Ты нужна мне больше всего на свете, Прюдэнс. Я не могу спать, думать, работать. Я не помню, когда в последний раз ел, и я рад, что в Сенате сейчас нет сессии, иначе мне пришлось бы подать в

отставку.

— Я не знаю, хочу ли я этого, — произнесла я через сетчатую дверь, не уверенная в том, что была убедительна. Мне нужны были прикосновения Алекса так же, как и ему мои. Но я не могла позволить ему. Это было бы слишком просто.

— Посмотри на меня, я страдаю. Я сожалею. Я не смогу пережить, если ты выставишь меня. Я хочу заниматься с тобой любовью, Прюденс. Ты нужна мне, — сказал он.

— Я приехала сюда, чтобы быть подальше от тебя, Алекс. Мне нужно подумать обо всем, что произошло. Я все еще расстроена, что ты не сказал мне про Стеллу.

Слезы полились из глаз, как только я подумала о нем и Стелле. Мысль о том, что он прикасался к ней, кончал с ней. Зачал с ней ребенка. Я ненавидела себя за то, что ревную его к женщине, которая потеряла ребенка на третьем месяце беременности и сошла с ума от горя. Я ненавидела себя за то, что хочу его прямо сейчас. Как будто откликнувшись ему, у меня стало еще жарче между ног.

— Пожалуйста, дай мне войти, чтобы мы могли поговорить. Я проделал весь этот путь, чтобы увидеть тебя. Знаю, я обидел тебя. Тебя задело то, что я скрывал. Я обманывал и сожалею. Проклятье, Прюденс. Если бы я мог изменить это, я бы так и поступил. Я сожалею обо всем. О том, что отталкивал тебя, не говорил о Стелле, заставлял тебя ждать все это время. Прюденс, открой дверь. Позволь мне вернуться в твою жизнь.

— За что ты любишь меня, Алекс? — спросила я. Я все еще не была уверена, что он заслуживает того, чтобы войти в этот дом или мою жизнь.

— Все, что есть в моей жизни прекрасное, это ты. Больше для меня нет ничего важного, Прюденс. Ты знаешь настоящего меня. Не только успешного сенатора. Ты знала меня задолго до этого. Я пытался быть с другими женщинами, но они не ты.

— Я недостаточно хороша для тебя, Алекс. Я разрушу твою карьеру. Та часть моего прошлого никогда не исчезнет. Она всегда будет рядом, и это больше навредит тебе, чем мне. Всегда найдется какой-нибудь идиот, который раздует из-за меня проблему. Ты не должен ассоциироваться с наркотиками и СПИДом. Я слишком сильно тебя люблю, чтобы позволить моему прошлому испортить то, ради чего ты так долго и тяжело работал.

— Я стал сенатором благодаря тебе. Ты помнишь ту ночь, когда я был у тебя дома, а твоей мамы не было? Мы смотрели телевизор, показывали президента, и я сказал, что хочу когда-нибудь получить такую же работу. Ты сказала, что можешь представить, как я ее получаю. Ты сказала: «Алекс, я уверена, что когда-нибудь ты будешь также подниматься и произносить такую же речь». Я никогда этого не забуду, это то, что я хранил в своей памяти, когда решил баллотироваться в сенаторы. — Он спрятал руки в карманы.

Мой прекрасный Алекс плакал, потому что я была нужна ему, и он любил меня. Я любила его так сильно, что мое сердце разрывалось, глядя на него.

— Алекс, — произнесла я чуть громче шепота.

— Скажи, что больше не любишь меня, и я уйду. Ты больше никогда не увидишь меня снова. Если ты не сможешь простить, я пойму. Мне нужно было поговорить с тобой. Прости. Я запаниковал при мысли, что могу потерять тебя. Черт, Прюденс, до тебя я был одиноким и несостоявшимся. Мое сердце всегда будет принадлежать тебе, независимо от того, что ты решишь. — Он положил руку на дверь и опустил голову. Я увидела, как капают его слезы.

Я сняла защелку с сетчатой двери, он ворвался внутрь и схватил меня в свои объятия. Я поцеловала его так сильно, что было больно. Его язык проник в мой рот, исследуя и умоляя. Я остановила его.

— Мы можем поговорить потом. Я провела две недели без тебя. Я не могу дышать, пока ты не окажешься внутри меня, — сказала я между его почти жестокими поцелуями.

Пол ушел у меня из-под ног, когда он поднял меня и понес наверх, в спальню. Я потерлась лицом о его шею, вдыхая его аромат и пробуя его кожу на вкус.

— В какую комнату? — спросил он. Алекс держал меня на руках, его слезы катились по лицу и капали на меня.

— В любую, — простонала я.

Он толкнул дверь и положил меня на кровать. Алекс выбрал комнату, в которой я спала. Звук волн, набегающих на берег, наполнил комнату. Подул ветер, но он лишь слегка охладил мое горячее тело. Моя жажда его в этот момент была невообразимой. Алекс снял куртку, свитер и футболку, целуя меня. Я обняла его, пытаюсь прижать еще ближе к себе. Он снял с меня халат и лег сверху. Прижал свое горячее, наполовину одетое, тело к моему, пока я пыталась расстегнуть его брюки. Один за другим сбросил ботинки. Я стянула с него брюки, насколько могла, а потом он снял их окончательно. Я начала снимать с него боксеры. Сбросила их вниз и увидела его стоящий член, твердый и ждущий. Я хотела каждую его клеточку. Я до боли нуждалась в нем.

Алекс поглощал меня своим ртом так, как будто был голоден. Больше ничего не было важно. Его щетина больно царапала мою ставшую такой чувствительно кожу. Язык изучал меня. Алекс целовал мои губы и шею, а затем добрался до твердых сосков. Пососав каждый из них до тех пор, пока я не вскрикнула.

— Прюдентс, я люблю тебя больше всего на свете. Ты — моя жизнь, — сказал он, прижав голову к моей шее и дыша мной, пока слезы лились по нашим лицам. Слушая, как он произносит мое имя, посылая жгучую боль через все мое тело, я целовала теплые соленые слезы на его глазах.

— Люби меня, Алекс. Я хочу тебя.

— Боже, Прюдентс. — Вместо того чтобы войти в меня, он начал изучать меня руками, как будто хотел заново познать, что чувствует мое тело и как к нему прикасаться. Он ласкал мои ягодицы, бедра и икры. Алекс даже ласкал мои ступни перед тем, как позволить своим рукам проникнуть внутрь моего тела. Он облизнул свои пальцы и ввел их внутрь меня, закрыв глаза.

— Ты такая влажная и готова для меня, правда? Ты всегда возбуждена со мной. Я всегда хочу тебя. — Он раскрыл меня пальцами, но они не удовлетворили меня, мне нужен был он сам.

Я перевернулась и оседлала его сверху. Прелюдия была не нужна. Он был такой твердый и большой, а я так возбуждена, что Алекс легко скользнул прямо внутрь меня. Мое тело изогнулось, я закрыла глаза и приняла его внутрь себя. Мои руки сжались в кулаки. Я никогда до этого не ощущала его таким большим и твердым. Мой вход сомкнулся вокруг него, когда он толкнулся. Его руки скользили по моему телу, лаская груди.

— Никто не сравнится с тобой, Прюдентс. Я никого не хочу, только тебя, — простонал он. Алекс посмотрел на меня своими страстными, темными глазами и начал двигаться. Внутри и наружу, а я наслаждалась этой чувственной ездой. Я не закрывала глаза, чтобы видеть его. Он был глубоко во мне, и я чувствовала это у себя в животе. Мы оба покрылись потом, наша кожа горела огнем, пока прохладный воздух дул через окно.

— Я люблю тебя больше всего на свете, Алекс. Ты там, где и должен быть.

Я раскачивалась вперед-назад, позволяя ощущениям, которые только мой Алекс мог

подарить мне. Оргазм, в котором я так нуждалась, зарождался глубоко внутри. Я издала глубокий стон, и Алекс начал ласкать меня пальцем, массируя точку, которая уносила меня на край блаженства. Он знал, что мне нужно. Оргазм был усилен знанием того, что я была действительно его, и в этот раз все было по-другому. Я была сильнее и решительнее, когда мое тело извивалось. Глаза закатывались, а дыхание сбивалось. Алекс обхватил мои голые ягодицы и помассировал их, проталкиваясь глубже. Мое сознание очистилось, и только одна мысль была в нем — удовольствие, которое пронизывало меня. Алекс был прямо передо мной, его голова была прижата к подушке, бедра толкались в меня, наполняя теплой спермой. Мы смотрели в глаза друг другу, пока эйфория проходила сквозь нас. Он остановился, дрожа и расслабляясь подо мной, его тело растворялось в моем. Мы лежала так, кажется, целую вечность, наши губы и руки наслаждались прикосновениями друг к другу.

— Прюденс, я так тебя люблю, — сказал он и снова поцеловал меня. Его язык скользнул внутрь, я пососала его. Губы Алекса были мягкими и теплыми. Я прикоснулась к его лицу.

— Мне не понравилось быть вдали от тебя, Алекс. Я так скучала по тебе, что мне это причиняло физическую боль, — сказала я, лежа в его объятиях.

— Посмотри на меня, Прюденс. Я запутался. Понимаешь? Если не примут тебя, значит, не примут и меня. Ты в моей крови, и я не могу жить без тебя. Прости меня за то, что не сказал о Стелле. Я хотел бы вернуть все назад и начать сначала. Я буду просить у тебя прощения, пока не умру, если потребуется.

Я лежала тихо в его руках и слушала его дыхание, и стук его сердца.

— Подожди. Я кое-что забыл. Я сейчас вернусь, — сказал он. Он выбрался из моих объятий и направился к двери.

— Алекс, пожалуйста, не уходи сейчас, — взмолилась я, мое тело еще не остыло от того, что между нами только что было, и я еще не пришла в себя окончательно. У нас было две недели, чтобы компенсировать упущенное, и я была намерена заниматься именно этим.

Он вернулся и сел на кровать. У него в руках была маленькая коробочка и коробка побольше. Он улыбнулся мне.

— Что это? — спросила я, глядя на маленькую голубую коробочку. Я приподнялась на руках, чтобы рассмотреть поближе.

— Это тебе. Я хотел подождать, когда мы пообедаем завтра, но я больше не хочу ждать. Кроме того, мы не выберемся из кровати в ближайшее время. Так что, скажу сейчас: «Ты выйдешь за меня, Прюденс Ромэйн?»

Он встал на колени рядом с кроватью и открыл маленькую коробочку, в которой было кольцо с огромным брильянтом. Я онемела. Я и мечтать не могла, что когда-нибудь Алекс предложит мне быть его женой. Я закрыла лицо дрожащими руками и заплакала.

— Что ты делаешь, Алекс? О, Бог мой. Какой огромный.

— Ты говоришь обо мне или о кольце? — засмеялся он.

— Об обоих, — я рассмеялась. Алекс одел кольцо мне на палец.

— Прямо как ты, подходит идеально, — сказала я и поцеловала его.

— Ты еще не ответила мне. И тебе нужно открыть еще один подарок.

— Что? О, конечно я выйду за тебя. Ты уверен, что хочешь этого?

— Я в жизни не был так уверен, — сказал он.

Я посмотрела на кольцо и подняла руку полюбоваться такой красотой. Даже в тускло

освещенной комнате кольцо сияло. Я потянулась к большой коробке. Я не ожидала и одного подарка, не говоря уже о двух. Во второй были красивые часы Картье. Они выглядели так же, как и часы Алекса, только меньше.

— Алекс, Боже мой. Они прекрасны и очень дорогие. Я даже не знаю.

— Я хотел, чтобы у нас были одинаковые часы, когда увидел, как тебе понравились мои старые. Тебе нравится?

— Они прекрасны. Кольцо великолепно, а ты даже больше, чем великолепен. Я не знаю, что сказать. Бьюла знает обо всем этом?

— Ну, она в курсе, и Тоби тоже, — сказал он, улыбаясь.

— Тоби. Почему каждый должен пройти через Тоби?

— Она — глава семьи. Я не собирался избегать ее. Она почти закрыла ту газету, — сказал он, целуя меня. Своим влажным горячим ртом он проложил дорожку вниз к моему животу. Мои ноги раскрылись, и он посмотрел на меня так, как будто больше не мог себя сдерживать. Я была гладкой, нежной и приглашающей. Развела ноги шире, так, чтобы он мог видеть всю меня. Алекс лизал меня так, как будто это был самый сладкий и сочный фрукт.

— О, Алекс, — простонала я, его горячее дыхание на моих бедрах и ощущение поцелуев, пробувающих меня, заставили меня сгорать от желания. Запах океана и морской воздух были такими же неземными, как и его легкие поцелуи на моих самых потаенных местах. Он очертил вход в меня языком и жадно пососал пульсирующий клитор.

Взглянул на меня между ног. Его губы и лицо оторвались от меня, и Алекс произнес:

— Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, Алекс, — выдохнула я и запустила руки в его волосы, глядя, как сияние кольца обещает мне его вечную любовь. Он погрузил меня в волшебные ласки и поцелуи, пока меня не захлестнула волна удовольствия. Это было настолько сокровенно и интимно, что я расплакалась.

— Почему ты плачешь, малыш? — спросил он, поцелуями прокладывая дорожку обратно. — Я сделал тебе больно?

Я помотала головой.

— Что тогда? Я сделал что-то не так?

— Ты все делаешь так. Меня никто и никогда не любил так беззаветно. Я чувствую, как мы близки. Я люблю тебя, Алекс, — сказала я, почувствовав, как слезы катятся по щекам. — Я так счастлива. Не могу поверить, что со мной было все это. Я прошла путь от некрасивой толстой трейлерной беспризорницы, рожденной проституткой с наркозависимостью, до обручения с сенатором. Не могу понять, как все это произошло.

— Тебе не надо понимать. Просто наслаждайся жизнью и мной. — Он улыбнулся и поцелуями стер мои слезы. Мы уснули в объятиях друг друга, и первый раз за долгое время я спала как младенец. Он был рядом со мной, там, где и должен быть.

На следующее утро я не стала его будить, решив приготовить завтрак. Приготовила яичницу, тосты и кофе. Немного позже я наблюдала, как жизнь возвращается к его лицу, пока он наслаждался едой.

— Спасибо, — сказал Алекс, когда съел еще и вторую порцию. Когда он поел, я повела его наверх, затащила в ванную и вымыла. Побрила, расчесала его красивые волнистые волосы и увидела как мой Алекс все больше и больше оживает. Мы не разговаривали. Слова были не нужны. Это был чудесный тихий интимный момент, который я не скоро забуду. После этого мы легли в кровать. У нас не было секса, мы просто поспали еще немного в

объятиях друг друга.

Следующие два дня мы провели на пляже, разговаривали, гуляли и занимались сексом до изнеможения. Делали покупки, ели суп с моллюсками на пляже и читали друг другу. В наш последний вечер на ужин мы приготовили лобстеров и запекли картошку.

Мы поговорили о нашей разнице в возрасте, потому что знали, что пресса на это набросится, как только мы объявим о помолвке. Мы решили быть честными, и рассказать об этом так же, как если бы об этом спросил кто-то другой.

После ужина мы сидели на заднем крыльце, обнимая друг друга и глядя на океан.

— Кто присматривает за Беккетом пока ты здесь? — спросила я.

— Мой друг Марк. Надо вас познакомить, когда вернемся. Он помогает мне писать речь для съезда, — сказал он.

Я поменяла положение у него в руках.

— Алекс, могу я спросить кое-что?

— Спрашивай о чем угодно, малыш.

— Ты все еще хочешь детей? — Мой голос прозвучал тише, чем я рассчитывала.

— Я хочу, чтобы у нас с тобой была команда детишек. Команда Конрада. Так и вижу красивых рыжеволосых девочек и кудрявых темноволосых мальчиков, бегающих вокруг Белого Дома. — Он замолк. — А ты хочешь детей, Прюденс?

— Может одного или двух. Не команду, точно. Сначала тебе надо стать президентом. Ты не сможешь победить на выборах в Белый Дом с футбольной командой на буксире.

— Почему нет? Бобби Кеннеди смог. Я могу править страной, а ты можешь быть беременна. Тоби будет нашей няней. — Он засмеялся.

— Все закончится тем, что она будет водить их строем. Просто помните, мистер сенатор, если у вас только возникнет мысль обмануть или расстроить меня любым способом, я просто попрошу Тоби позаботиться об этом.

— Я так и думал. Она приехала в редакцию той газеты и просто уничтожила редактора.

Мы оба рассмеялись и обнялись, чтобы было теплее. В конце концов мы там и уснули, но до этого занялись любовью.

На следующий день мы вылетели домой, готовые встретиться с прессой и моим прошлым. Часть меня грустила, что мы улетаем, но другая знала, что мы можем вернуться в любой момент, если захотим. Я хотела вернуться к моей семье, к работе и к моей жизни. Я не могла дождаться, когда похвастаюсь всем своим огромным кольцом с бриллиантом. Я буду миссис Алекс Конрад. Я стану миссис Алекс Конрад, об этом я мечтала всю мою взрослую жизнь. А теперь все, что мне нужно было сделать, это простить его за ложь, забыть о его бывших подружках, связи с моей мамой, и начать быть счастливой. У меня было все, о чем я когда-либо мечтала, и я не собиралась позволить никому и ничему встать на моем пути.

Больше книг на сайте - Knigolub.net